А. ЛИТВИНОВА

ЛЕТЯТ СКВОЗЬ ГОДЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Лариса Николаевна Литвинова, будучи летчиком, а затем штурманом, сражалась на фронтах Великой Отечественной войны в составе 46-го гвардейского Таманского Краснознаменного ордена Суворова женского авиационного полка ночных бомбардировщиков. За мужество и отвагу удостоена звания Героя Советского Союза. Документальная повесть «Летят сквозь годы» — волнующий рассказ о короткой, но яркой жизни, о незабываемых подвигах боевых подруг автора — Героев Советского Союза Татьяны Макаровой и Веры Белик. Книга рассчитана на массового читателя.

- Летят сквозь годы
  -
  - 1. НЕ ТОЛЬКО ЗА СЕБЯ В ОТВЕТЕ
  - 2. БЫЛА ТАКАЯ — БОЛОТНАЯ УЛИЦА
  - 3. «АЙ ДА МЫ!»
  - 4. ДОРОГА В НЕБО
  - 5. ПРИЗНАНИЕ
  - 6. ВОИНСКОЕ ЗВАНИЕ — «СЕРЖАНТ»
  - 7. ЭКИПАЖ МАКАРОВОЙ — БЕЛИК
  - 8. НОЧЬЮ И ДНЕМ
  - 9. ЗА ЛЮДЕЙ УМЕРЕТЬ ГОТОВЫ
  - 10. СЕМЬЯ ВЕРЫ
  - 11. И ТУМАН — ВРАГ
  - 12. УЧИТЬ И УЧИТЬСЯ
  - 13. ВМЕСТО ПУДРЕНИЦЫ
  - 14. ПОЭМА О КОМАНДИРЕ
  - 15. НОВОГОДНИЕ ЗАБОТЫ
  - 16. ГВАРДЕЙЦЫ
  - 17. ГИБЕЛЬ ПОДРУГ
  - 18. ЖАРКАЯ ПОРА
  - 19. ДЕВУШКА ИЗ КЕРЧИ
  - 20. КОМАНДИР ПОЛКА
  - 21. ДОМА
  - 22. НАСТУПЛЕНИЕ
  - 23. НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
  - 24. ВСЕ ДАЛЬШЕ НА ЗАПАД
  - 25. НЕРАЗЛУЧНЫЕ
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - ФОТОГРАФИИ

Летят сквозь годы

Литвяк

Л. ЛИТВИНОВА

ЛЕТЯТ СКВОЗЬ ГОДЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Москва
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

Светлой памяти боевых подруг, отдавших жизнь за освобождение Родины, посвящается

1. НЕ ТОЛЬКО ЗА СЕБЯ В ОТВЕТЕ

Все было необыкновенным в это утро. И солнце, которому радуешься. И небо, которое любишь. И земля, которая пружинит под ногами так, что кажется: раскинь руки, как крылья, — и полетишь.

А что на свете может быть лучше полета?!

Таня сорвала с головы шлем, тряхнула волосами, прикрыла глаза, вздохнула. Ей стоило огромного труда сдержаться — не побежать, не перекувырнуться вон на той зеленой полянке, не запеть бесконечную песню без слов, что-нибудь вроде…

«Балабанов, Балабанов… — вертелось на языке. — Почему Балабанов? Абсолютно не ложится на голос эта приятная фамилия», — улыбнулась Таня.

Шла, помахивая шлемом, а смежившиеся веки были тяжелыми, усталыми. Не легко досталась ей только что одержанная победа.

Да, победа! По праву может сказать она, Татьяна Петровна, инструктор товарищ Макарова, что победа одержана.

Остались около учебного самолета курсанты, ее ученики. Среди них — этот самый Балабанов.

Пусть из-за него она жила трое минувших суток в таком волнении, что просыпалась по ночам… И Аня Малахова даже сказала: «Да не влюбилась ли ты? Очень просто! Он — парень положительный…» «Он — учлет!» — оборвала Таня, пожалев, что поделилась с подругой двоими сомнениями: а вдруг Балабанов больше не придет, забудет дорогу на аэродром?!

Он вполне мог так сделать. И если не сделал, если он сейчас там, у самолета, среди других учлетов, как равный среди равных, то это и ее победа!

…Учлет Балабанов летал отвратительно. На земле, бравый и энергичный, он четко отвечал на любой вопрос, но стоило ему подняться в воздух, как все менялось. Самолет под его управлением то заваливался на крыло, то рыскал по курсу или зарывался носом. А уж расчет на посадку, сама посадка совсем не удавались. Не раз она, инструктор Макарова, спрашивала себя: «В чем дело? В чем моя ошибка? Почему я не могу его научить тому, чему научила других?» Не раз занималась с ним дополнительно. Решилась как-то не поправлять Балабанова в течение полета, чтобы проверить: куда же все-таки он приведет машину?

Сама Таня могла летать от зари до зари, она часто оставалась с кем-нибудь из отстающих на вторую смену, и потому Балабанов не удивился, когда она задержала его и приказала:

— В самолет!

Он уселся в кабину, выслушал задание, повторил, повертел во все стороны головой и пошел на взлет — это-то он умел делать. И все же Таня подстраховывала его, пока не набрали метров сорок высоты.

С непринужденным видом заправского пилота Балабанов летит, летит себе по прямой. Высота уже двести метров, аэродром остался далеко позади, а он летит все дальше и дальше.

— Балабанов, вы не уснули? — зловеще-спокойным тоном спросила Таня. Внутри у нее все клокотало.

Балабанов растерянно глянул на приборы. На лице его отразился испуг, и он резко двинул ручку вперед, до отказа нажал на педаль руля поворотов. В кабине засвистел ветер; самолет, не разворачиваясь, заскользил юзом… Балабанов побледнел и беспомощно посмотрел на инструктора.

— Уберите ногу, подтяните ручку, — подсказывает Таня, думая: «Нет, не получится, видно, из тебя летчика. На подсказках не проживешь…»

Балабанову все-таки удается вывести машину из разворота. И он сразу приосанивается: вот, мол, я каков! Но куда летит, где находится аэродром — он не представляет.

Таня в душе злится: «С виду бравый парень, а на деле…»

— Балабанов, покажите, где аэродром.

Учлет оглядывается и пожимает плечами — не вижу, мол, не знаю.

— Осмотритесь хорошенько и прикиньте, где его нужно искать.

Снова бездумный кивок и растерянное лицо.

— Посмотрите на приборы. Какая у вас высота?

Умоляющие глаза вскинуты на Таню. Парень даже не заметил, как набрал лишних сто метров высоты.

— Уберите обороты мотора.

Он убирает. Самолет теряет скорость.

— Вы что, собираетесь в штопор срываться? Нельзя. Высота мала… Дайте ручку от себя.

Балабанов резко отжал ручку, и самолет перешел в пикирование. Таня была вынуждена взяться за управление. Установив машину в нормальный полет на положенной высоте, показав, где аэродром, она опять передала управление Балабанову.

— Внимательно наблюдайте за воздухом. Не зевайте с третьим разворотом!

Ах как он закусил губу! Окаменел, и только темные глаза суматошно метались да пот капал с подбородка. По-своему он,

видно, старался… Он развернул самолет. Разворот вышел, конечно, неуклюжим.

Последняя прямая коробочки — самая ответственная. Нужно вовремя убрать обороты мотора, чтобы точно зайти на посадку. Таня ждала хоть каких-нибудь самостоятельных действий учлета. Напрасно! Следовавший за ними самолет срезал круг… Балабанов бездействовал.

Таня сделала глубокий разворот, с неприязнью скользнула взглядом по зеркалу. Балабанов вжался в сиденье, вцепившись руками в борта кабины, — он был весь белый.

«Значит, он боится. Боится летать, потому и куролесит. Какой же тогда в нем прок? Хватит с ним возиться. Надо отчислять».

Это неожиданно найденное простое решение вроде бы успокоило ее. После посадки она зарулила самолет, выключила мотор и собиралась ограничиться только одним словом: «Вылезайте!»

Но когда Балабанов вытянулся на плоскости, ожидая замечаний, опять молодцеватый, будто все с него — как с гуся вода, она его отчитала.

— Весь ваш полет — сплошная ошибка, — безжалостно произнесла она. — На земле красуетесь: разбираете ошибки других, словно профессор. А в воздухе — ни в зуб ногой… То есть я хотела сказать, не сделали ни одного правильного элемента. Я надеялась: если человек понимает, то и сделает. А вы?.. Я вынуждена…

Балабанов молчал. Он стоял высокий, ладный. Румянец пробивался сквозь загар. И кисти сильных рук, опущенных по швам, были настоящие, мужские. Лишь глаза нехорошие — уже без страха, но грустные-грустные.

К самолету подошел техник, бегло осмотрел мотор, провернул винт.

— Ладно! — сказала Таня Балабанову. — Можете быть свободны. На досуге продумайте свой полет. Позже мы еще слетаем с вами…

Потом она рассказала обо всем командиру отряда.

— Мне кажется, что учлет боится летать, — закончила она. — Показать бы ему весь комплекс высшего пилотажа! Если он не пересилит свой страх, то… Он уже и так налетал столько часов, что хватило бы на двух курсантов.

Командир отряда одобрил:

— Разрешаю вам эксперимент… с высшим пилотажем. Вытряхните из учлета всю душу, а с нею — и страх. Смелость рождается, вы знаете, из преодоления страха.

Уж Таня-то это знала.

И вот снова Балабанов в кабине.

— Вы продумали свои ошибки? Сможете их исправить? Практически.

— Да, товарищ инструктор.

— Хорошо, — сомневаясь, что будет хорошо, сказала Таня. — Задание остается прежним: взлет, набор высоты, построение маршрута, заход и посадка у «Т» на три точки. Выруливайте.

Взлет у Балабанова был почти нормальный, и Таня разрешила себе лишь легонько придерживать управление. Набор высоты тоже удовлетворительный. Но первый разворот был выполнен плохо. И дальше опять что ни движение, то ошибка; скажешь — поправится. Да ведь не с нянькой же ему летать! Единственный выход: вытрясти, как сказал командир отряда, из учлета его робкую душу.

— Отпустите управление, Балабанов. Пилотировать буду я. Внимательно следите за поведением самолета. Пойдем с вами в зону.

Таня начала набирать высоту: для выполнения задуманного ей нужен был простор. Она очень любила простор, то неизъяснимое, радостное чувство свободы, которое охватывало ее на высоте в тысячу, полторы тысячи метров, где она могла, как ей казалось, что угодно делать с машиной.

— Делаю петлю, — сказала она в трубку, хотя мелькнул соблазн забыть о злосчастном учлете, после его неуклюжих движений насладиться собственными — точными, осмысленными и властными. Нет, нельзя наслаждаться! Необходимо анализировать, раскладывать поэлементно: отжала ручку, перевела самолет в пикирование; набрав достаточную скорость, потянула ручку на себя.

Самолет перевалил зенит и пошел по дуге вниз, уже без мотора набирая скорость.

— Еще одна петля. Балабанов, руки прочь с бортов! Сядьте правильно! Не забивайтесь в угол. Возьмитесь за управление. Следите за моими действиями…

Где уж там ему было следить — он опять сидел белый как полотно.

— Ничего особенного, — пыталась ободрить его Таня. — Теперь сделайте петлю вы. — И почувствовала, как он намертво зажал управление.

Потом он все-таки прибавил газ и вроде бы оттолкнул ручку от себя. Скорость быстро нарастала.

— Ручку, ручку на себя! Энергичнее! Газ! Прибавляйте газ!

В верхней точке самолет на мгновение замер; учлет и инструктор зависли на ремнях вниз головой. Самолет медленно

переваливался на выход из петли.

— Уберите газ, — мягко подсказала Таня.

Но Балабанов уже не слушал инструктора.

Глаза его были полны ужаса, лицо покрылось красными пятнами.

— Балабанов, отпустите управление. Вы же мешаете… Смотрите внимательно, покажу вам боевой разворот.

Таня хотела отвлечь внимание учлета от мысли, что все пропало, что он погибает — конечно же, именно эта мысль захватила его, — и показывала одну фигуру за другой. Балабанов ничего не видел, он приткнулся головой к борту, казалось — потерял сознание. Потом его стошнило.

— Бывает! — для успокоения беззаботным голосом сказала Таня и, выполнив весь комплекс фигур высшего пилотажа, направила самолет на посадку.

— Товарищ инструктор, разрешите получить замечания.

— Замечаний не будет. Можете идти!

Он пошел медленно, тяжело, будто даже прихрамывая, и Тане не было жалко его ничуточки, наоборот, мелькнуло недоброе пожелание: «Споткнуться бы тебе на ровном месте! Ишь раскиселился, никак в себя не придет…» Но Балабанов вдруг повернулся четко, как всегда он это делал, и бегом возвратился назад.

— Разрешите мне хоть помыть самолет, — попросил он и погладил дрогнувшей рукой обшивку крыла.

Если бы Таня не приметила этого жеста, если бы не было слова «хоть», она бы еще сильнее разозлилась, процедила бы сквозь зубы в ответ: «Обязательно помойте».

Но Таня обратила внимание на руку Балабанова, вздрагивающую от волнения, услышала его покаянное робкое «хоть» и поняла, что не презирать сейчас парня нужно, не отталкивать, а помочь ему перебороть в себе страх, который делает его таким расслабленным и жалким.

После официального, с трепетной надеждой ожидаемого Балабановым «Разрешаю помыть самолет» Таня произнесла целую речь.

— Нужно научиться чувствовать самолет, слиться с ним в одно целое, — сказала она. — Научиться владеть им так же свободно, как вы владеете рукой или пальцами, не задумываясь. И тогда ничего плохого не случится, из любого положения найдете выход. Самолет не подведет вас, если вы его полюбите. Смелее и свободнее чувствуйте себя в воздухе! Если вы хотите стать летчиком, то должны перебороть себя. Вы же сами не раз говорили: «Кто хочет, тот добьется».

Она видела: Балабанов даже сжал кулаки… А на следующий день не пришел, не явился на занятия.

В этот день о Балабанове инструктору Макаровой, казалось бы, некогда было вспоминать: командир отряда слетал с ее лучшим учеником Логиновым и выпустил его в самостоятельный полет. В Логинове Таня была уверена: он смел в воздухе и осмотрителен. Она знала, что ее труд, потраченный на занятия с Логиновым, не пропал даром — он станет настоящим летчиком.

Но ведь это первый ее питомец — в самостоятельном полете! Таня неотрывно следила глазами за его самолетом, с замиранием сердца поспешила к месту посадки, словно могла помочь, если помощь понадобится.

Логинов выполнил два полета на «отлично». Таня крепко пожала руку учлету и поздравила его; сама получила поздравление от командира отряда. Он сказал ей:

— Молодец парень! Это я не только об учлете… В большей степени об инструкторе.

Таня радостно засмеялась. И вдруг помрачнела: «А Балабанов? Балабанов-то отсеивается. И не он, значит, виноват. Я…»

Потом опять были дела, требовавшие всех сил ее ума и души. Командир отряда посоветовал смелее выпускать учлетов в самостоятельные полеты. Даже косвенного упрека в несмелости Таня простить себе не могла. Ее смелость вырабатывалась, рождалась в непрестанном труде. Она не раз оставалась с учлетами на дополнительные тренировки, выпросив у техников добавочный бензин… Никем не услышанный заправщик сказал о ней как-то: «Вот огонь девка — ни людям, ни себе покою… К ночи разве притомится».

Действительно, только в сумерках вернулась Таня на квартиру. Аня Малахова пытливо взглянула на нее, вздохнула и стала собирать разложенные на столе книжки.

— Молчишь от добровольного недоедания? Уж я тебя знаю: молчишь, когда под ложечкой сосет. Сейчас возьму у тетки Моти молока, молоком тебя отпою…

— Голодная я, Анечка, верно, голодная. А молчать не могу! Логинов мой, слыхала, «отлично» заработал? Я счастливая, очень счастливая!

Таня схватила подружку за талию, хотела крутануть, чтобы пыль — столбом! Но та вырвалась:

— Сбегаю я лучше за молоком.

Ночью не спалось; лежала, смотрела в темноту, думала… Всю жизнь перебрала. Собственную жизнь, потому что лишь своим опытом пока располагала. А опыт ей был так нужен, так

необходим! Ведь в судьбу Тани Макаровой вплетались сейчас судьбы других людей. От нее зависело поведение учлетов Логинова, Балабанова… Не только за себя — и за них она была в ответе. И вот приходилось на опыте своей девятнадцатилетней жизни решать вопрос: можно ли, как Балабанов, сдаться, раз трудно и страшно, бросить все? Не сдавалась ли когда-нибудь она, Татьяна Макарова? Какой была ее, Танина, жизнь?..

В голову лезли воспоминания, не имеющие, казалось бы, никакого отношения к делу, почему-то приходили на память рассказы матери о семье. Вставали живые картины детства.

2. БЫЛА ТАКАЯ — БОЛОТНАЯ УЛИЦА

Далеким летом 1903 года во двор дома № 16 на Болотной улице въехала груженная узлами и домашней утварью подвода. Ее обступили любопытные, расспрашивали: кто приехал? откуда?

— Из-под Клина мы. Макаровы, — отвечала женщина.

— А зовут вас как? Как величают?

— Елизаветой Федоровной меня зовут. А мужа — Петром Евдокимовичем. Он — по счетоводной части, — объясняла Макарова.

Муж был неразговорчив. А она — бойкая, веселая, общительная.

На другой день Елизавета Федоровна, успев сообщить нескольким соседкам, что ее семья богобоязненная и что они с мужем собираются делать все честь по чести, нарядилась в праздничное платье, а Петр Евдокимович облачился в костюм-тройку, и молодые отправились в церковь. Отслужили благодарственный молебен. Пригласили попа с причтом на дом — освятить новое жилье.

Большая часть скудных сбережений ушла на переезд, квартиру, молебен. Но Елизавете Федоровне было приятно на виду у всех принимать священника, провожать мужа, незамедлительно отправившегося искать работу, хлопотать по хозяйству.

Петру Евдокимовичу долго пришлось мыкаться в поисках заработка, только через месяц ему посчастливилось — он был принят почтальоном на почту.

— В государственном учреждении теперь, слава богу! — гордо объявляла всем и каждому Елизавета Федоровна, сдувая воображаемые пылинки с форменной фуражки мужа.

Она находила, что эта фуражка очень красит его, а то уж больно неказист — худой, угрюмый. Уходил он из дому ранним утром. От состоятельных клиентов иногда перепадали чаевые. Вечером он вручал жене медяки, говоря:

— Спрячь, Лизавета. Пригодятся.

Пригодилось бы и больше. Но Елизавета Федоровна знала: густо не будет — муж нерасторопен. Кто же для такого расщедрится? Он ко всему какой-то равнодушный; может, уставал за день от беготни… Придет — и сразу ложится спать. Ничего никогда от него не узнаешь, не услышишь.

Сама Елизавета Федоровна была деятельная и быстрая. Она

успевала и постряпать, и наговориться с соседками. И еще пристрастилась к церкви.

Очень важно было молодой, по существу, одинокой женщине найти какую-нибудь утеху. Ее самостоятельная замужняя жизнь в огромном, шумном, сказочно богатом городе началась в подвальной комнатенке. Приличное платье у нее было одно-единственное, его не наденешь, идя с кошелкой на рынок, где приходилось, чтобы купить даже самую малость, толочься часами среди жирных бочек и коробов, у осклизлых прилавков, ступая то в пыль, то в лужу. Да никто и не посмотрит на тебя на рынке, где только торгуются до хрипоты.

А нужно, прямо-таки необходимо было, чтобы посмотрели: она же всем взяла — и ростом, и статью, и свежим миловидным лицом с черными бровями. Пойти прогуляться? Нельзя замужней женщине прогуливаться. В церковь — другое дело… Елизавета Федоровна в своем единственном праздничном платье ходила и в будни к утренней службе или к вечерне то в храм Христа Спасителя, то к Василию Блаженному. Расстояния ее не смущали; она бойко постукивала по торцовым мостовым каблуками полусапожек.

В церкви Елизавета Федоровна стремилась быть не хуже других — она усердно опускала в кружки и на блюда врученные мужем монеты, оделяла нищих на паперти, хотя сама была беднее их.

Поздней осенью у Макаровых родилась дочь Мария. Забот у Елизаветы Федоровны прибавилось, нужды — тоже. Но от церкви молодая женщина уже не могла отказаться. Наоборот, теперь в посещении ее она видела особый смысл: она вымаливала у бога счастья для маленькой дочки, просила принести ей самой облегчение, избавить от нищеты, которая все сильнее захлестывала семью.

Когда грянула империалистическая война и Петра Евдокимовича отправили на фронт, жить стало совсем туго. Мать с дочерью били поклоны, стукались лбами о холодные плиты церковного пола. Детский голосок Марии, выделяясь из хора взрослых, взлетал к самому куполу и звенел там нестерпимой болью… Макаровы сами верили, да и все соседи говорили, что молитвы их были услышаны: после ранения Петр Евдокимович вернулся домой. Высохший, с землисто-серым лицом. Он снова был принят на службу почтальоном. Опять работал с раннего утра до позднего вечера. Начал выпивать — сначала понемногу, а потом допьяна каждый день. Елизавета Федоровна, раздраженная и уставшая от поденщины — она ходила по людям стирать, убирать, — от беспросветной нужды, бранила мужа. Но он

продолжал пить.

Мария тяжело переживала родительские неурядицы, плакала и молилась. Некоторые ее наивные детские мольбы, обращенные к богу, сами собой выполнялись. Вот бежит она по улице, заглядывает в известные ей одной закоулки и подворотни, ищет знакомую понурую фигуру отца. А его нигде нет. «Господи, вдруг папеньку моего злоумышленники ограбили… убили. Не дай, господи! Сохрани, Христос…» Бежит девочка, захлебывается рыданиями, вся сила взбудораженных чувств обращена в молитву. И молитва-мольба вроде бы услышана: за углом из темной сводчатой подворотни прямо на мостовую раскинулись ноги в стоптанных рыжих сапогах. «Папенька, да что же вы тут легли-то?» Мария поднимает отца, подставляет ему, как подпору, худенькое плечико, ведет домой. И опять молится — воздает хвалу богу, сохранившему отца в целости и невредимости.

В церкви в хоре Мария пела по обету, данному Елизаветой Федоровной. Ни мать, ни дочь не допускали и мысли, что можно пропустить хотя бы одно богослужение. Из подслеповатой комнатенки, пропитанной испарениями нищеты, от корыт с помоями мать и дочь устремлялись в ладанную, одурманивающую среду всенощных и заутрен, возвращались смиренные к тем же безрадостным обязанностям, то есть двигались по замкнутому кругу.

После революции семья перебралась из подвала в нормальное жилище на той же Болотной улице. Мария поступила на службу в почтовую контору.

В ноябре 1920 года Елизавета Федоровна родила вторую дочь — Татьяну, но здоровье у этой в молодости красивой и веселой женщины было подорвано настолько, что она выписалась из больницы полуинвалидом.

Болезненная Татьянка с самого рождения была отдана на попечение сестре. Пока она была младенцем, носить ее в церковь полагалось лишь к причастию. Но стоило ей стать на ножки, и Мария повела ее к обедне. Голодная, в духоте, стиснутая чужими огромными тетеньками и дяденьками, Танюшка сомлела. Мария вытащила ее на паперть, оставила на знакомую нищенку Аринушку, а сама вернулась достоять обедню. Очнувшись опять-таки среди чужих — безобразных, оборванных, грязных старух, Таня оцепенела от страха. С остановившимися глазами ждала она сестру и, когда та наконец появилась, заплакала без крика, по-взрослому.

— Нельзя плакать, — сказала Мария, — боженька накажет.

…Все раннее детство Тани проходило в страхе.

Мать с отцом часто лежали в больнице. Петру Евдокимовичу

делали сложную операцию, надо было носить ему передачи. И дома оставались трое. И на канун надо. Ох как боялась маленькая Таня, что на канун Мария выделит самый большой паек. Жили впроголодь, но паек для церкви, для священника с причтом Мария отделяла. Иногда Мария брала Таню с собой в контору, сажала в уголок со строгим наказом: не шуметь! Таня забивалась подальше в угол, вырезала из бумаги кукол, боясь, как бы не звякнули ножницы. Всего на свете она боялась, потому что ей внушали: все видит бог, который может покарать.

Когда ей приходилось оставаться дома и играть во дворе, она боялась мальчишек. Никому не мешала — приткнется где-нибудь в сторонке и наряжает тех же бумажных кукол. А мальчишки подберутся, схватят ее бумажки, изорвут и, если она зальется слезами, дразнят:

— Рева-корова, рева-корова…

Дергают за косы, толкают.

Однажды соседский мальчишка Шурка так толкнул, что Таня упала. Ударившись затылком о камень, она не сразу смогла подняться, сидела на земле посреди двора и, как никогда раньше, громко кричала. Ребятня сразу отхлынула; девочка осталась одна, несчастная и жалкая, впервые отчаянно, во всеуслышание заявляющая об этом.

Может быть, на крик, а может, и просто так вбежал во двор Витька Кирьянов, лучший дружок Шурки, такой же заводила. Таня вся сжалась и, давясь рыданиями, уставилась на подходившего мальчика, ожидая нового удара. Витька деловито спросил:

— Это кто ее?

Шурка хвастливо откликнулся:

— Это я ее, Вить. Бей и ты. Она рева-корова!

И вдруг тот самый Витька, который не раз обижал Таню, бросился на Шурку и свалил его с ног. Завязалась драка. Витька выкрикивал:

— За что бил? За что, спрашиваю? Кого осилил?!

После одержанной победы Витька, весь вывоженный в пыли, в разодранной рубашонке, довольный, подошел к Тане и заявил:

— Пусть только тронет еще, я ему не так надаю!

Неожиданная защита резко изменила Таню, придала ей смелости и даже какой-то уверенности в себе, будто наказавший ее обидчика Витька поделился с ней своей доброй силой. Бумажные куклы потеряли для девочки всякий интерес; она присоединилась к шумливой и беззаботной ребячьей ватаге, начала играть в общие игры. Излюбленными местами игры в казаки-разбойники были лабазы, берег реки и бульвар.

В то время Болотная улица кишела разномастной толпой. В большом доме на первом этаже размещался ломбард, в верхних этажах — гостиница. Во всю длину улицы выстраивались извозчики, привозившие или увозившие каких-то толстопузых дяденек, которых называли нэпманами. Днем и ночью тут стоял шум и гам: ржали лошади, стуча копытами, тарахтели колеса по булыжной мостовой, со звоном и грохотом проносились трамваи. На Болотной площади был рынок и лабазы — каменные и деревянные, без окон, с широкими железными дверями-воротами. За трамвайной линией, вдоль берега Канавы, как называли жители водоотливный канал, тянулся бульвар со старыми кленами, ясенями и липами. На бульваре тоже было многолюдно; иногда останавливались даже табором цыгане, раздавались протяжные песни, звуки бубна, гитары.

После казаков-разбойников обычно наступал тихий час. Ребята усаживались где-нибудь на берегу или на бревнах, а чаще всего на крыше сарая во дворе, прямо против Таниных окон, и рассказывали друг другу разные истории. Вот тут-то Таня сразу заняла центральное место, оказавшись самым интересным рассказчиком. Она привыкла вслушиваться в разговоры взрослых. Больная Елизавета Федоровна или делавшая что-нибудь по дому Мария иногда старались занять Танюшку пересказами всяческих библейских притч и житий святых. Все услышанное причудливо переплеталось в душе чуткой и умной девочки, и рождались такие истории, что стоило Тане начать рассказывать, как ребята сразу замолкали и сидели завороженные, затаив дыхание.

Тихий час выпадал летними поздними вечерами, когда надвигающиеся лилово-синие сумерки усиливали необыкновенность впечатлений.

3. «АЙ ДА МЫ!»

В одном из старых лабазов на Болотной площади оборудовали красный уголок. Здесь стали собираться ребята со всех ближних улиц: пели песни, играли в шашки, шахматы, читали стихи, рисовали плакаты, выпускали стенную газету, строили разные модели. Малыши не мешали этой веселой суете; они сидели чинно, молча, с любопытством взирая на танцующих девочек, на что-то клеящих и строящих мальчиков.

Танин путь в школу проходил мимо лабазов, по Подкаменному мосту — в Старомонетный переулок. В школе № 12 училась Таня с подружкой Марусей Перемотиной. Жили они в одной квартире, вместе ходили в школу. И уж, конечно, не могли утерпеть, чтобы не заглянуть в красный уголок. Таня иногда успевала даже на больших переменах сбегать туда, узнать новости. Особенно взволновало ее появление у некоторых ребят постарше красных галстуков: это организовался пионерский отряд. Вожатым отряда был комсомолец Полянский.

Таня отправилась к Полянскому, сказала, что тоже хочет вступить в пионеры.

— А как же церковь? — спросил Полянский. — Ты же ходишь молиться богу. А пионеры не ходят в церковь, не верят в бога.

— Я не пойду больше в церковь.

— Ну хорошо. Не будешь ходить в церковь — примем и тебя в пионеры.

После этого разговора Таня стойко выдерживала домашние бури, которые почти каждый день разражались, потому что в церковь она отказалась ходить наотрез, сказав: «Никакого бога нет! Хватит с меня ваших аллилуев!»

Вскоре Таня стала пионеркой. Ее друзья — Маруся Перемотина и Витя Кирьянов тоже записались в пионерский отряд вопреки строгому запрещению религиозных родителей, У ребят появилась строжайшая тайна, которая еще больше сдружила их. Все свободное время они проводили в красном уголке, а когда возвращались домой, прятали галстуки в заповедном местечке под лестницей парадного хода.

Однажды в отряде Тане и Марусе поручили написать плакат. Они раздобыли бумагу, краски, кисточку и отправились в сарай. Туда же явился и Виктор. По очереди, старательно выводя каждую букву, они написали красной краской: «Церковный звон — для старух и ворон». Встал вопрос: где же спрятать плакат до следующего дня? После долгих колебаний Таня решила взять его к себе домой. У двери прислушалась. Тишина.

— Все в порядке. Мама спит, — шепнула она друзьям.

Чтобы не заскрипела дверь, тихо приотворила ее… И сразу забыла об осторожности. Возле кровати матери стоял священник и читал молитву. В углу, перед иконами, распростерлась сестра. Таня похолодела от мысли: «Мама умирает».

Елизавета Федоровна заметила Таню и воскликнула:

— Наконец-то ты пришла, Танюша! Батюшка давно тебя ждет.

Священник обратил внимание на рулон, который Таня держала в руках.

— Что это, дочь моя? — спросил он.

Таня смутилась, спрятала сверток за спину. Поп подошел к Тане, взял рулон из рук и развернул его. Прочел вслух:

— «Церковный звон — для старух и ворон».

Мать заплакала. Сестра — тоже. А поп стал стыдить Таню. Потом сказал Елизавете Федоровне:

— Она ни в чем не виновата. Этому теперь их учат в школе… Что поделаешь, такие времена пришли…

— Танечка, что ты наделала? Что теперь будет? Молись скорее богу, проси милости! — заголосила мать.

В Таниной душе боролись два чувства. Стать на молитву и этим успокоить мать? Или честно во всеуслышание заявить, что она вступила в пионеры и ей не к лицу слушать россказни священника, не к лицу молиться богу? Сердце у Тани разрывалось от жалости к матери, но девочка молчала, думала свою нелегкую думу…

В поддержку Елизаветы Федоровны снова выступил священник:

— И тебе не жалко матери? Ты всех прогневила. И бога. И мать родную… Молиться нужно, грехи замаливать, а не богохульствовать! Бери пример с сестры своей единоутробной. — И он ткнул пальцем в сторону Марии, которая, будто пригвожденная, стояла все время на коленях перед иконами.

Таня заплакала и сквозь слезы проговорила:

— Нельзя мне молиться. Я — пионерка! Я не верю в бога. Давно об этом маме сказала… Ты прости меня, мама, но в церковь я, хоть убей, никогда не пойду!

Елизавета Федоровна и поп ахнули, начали наперебой опять что-то говорить. Но Таня не слушала — зажала уши руками, выскочила из комнаты, забилась в уголок в коридоре.

Отец вернулся с работы поздно, а Таня все сидела и плакала. От отца она не ждала ни помощи, ни защиты. В этот поздний вечер все казалось ей мрачным и противным, как поповский слащавый голос: «Она ни в чем не виновата, этому теперь их учат в школе». Не виновата… А чего же накинулись? Особенно

растревожили Таню глухие рыдания Марии; она ни слова не произнесла, но всхлипывания, доносившиеся из угла, все стояли в ушах. Разве может Таня простить себе такое: старшая сестра, вынянчившая, выкормившая ее, рыдала-надрывалась из-за ее, Танькиного, как поп сказал, «богохульства»! С богом, с церковью как-нибудь можно разделаться. Не ходить в церковь — да и все! Но в комнату-то свою из коридора идти придется. А там Мария, и так желтая, как свеча, горючими слезами исходит…

«Что делать? Как быть?» Разве девочка была в состоянии сразу решить эти вопросы? «Убежать из дому? Или изобрести такую машину, чтобы церкви по камушку рассыпались?» Какие только мысли не возникали у Тани!

А наутро надо было учить уроки, собираться в школу. После школы — не закрыты двери в родной красный уголок! Мать, конечно, разорвала тот плакат, но Таня написала новый: «Религия — опиум для народа» — и собственноручно прикрепила его на заборе против церкви. Высоко-высоко — Маруся Перемотина и Витька Кирьянов держали ее на плечах. А Витька даже сказал, что, если нужно, она и на голову ему может ногу поставить, только тапки чтобы сбросила…

Таня училась хорошо — была очень способной. Особенно она любила математику. Ребята всего двора знали: если у кого не получается задача, надо идти к Танюшке Макаровой, каждому она поможет. Мелком, кусочком кирпича на стене, щепочкой на земле Таня выписывала решение задачи, доказательство теоремы. Расскажет, сотрет, снова расскажет все сначала и, лишь убедившись, что задача понята, успокоится.

Подрастая, Таня начала с болью отмечать непорядки в семье. Елизавета Федоровна уже растеряла былую жизнерадостность. Мария доходила до исступления в молитвах. Таня с растущей неприязнью мысленно называла ее презрительным именем — монашка. Младшая сестренка Вера, еще несмышленыш, бездумно повторяла «Отче наш». Тане было некогда научить ее своим песням — ведь она так рвалась прочь из мрачного дома!

Она могла пока только уйти. И она уходила. В читальном зале библиотеки имени Чернышевского каждая книга открывала перед ней иные миры. Здесь она делала уроки, много и жадно читала Горького, Джека Лондона, Чехова, Жюля Верна. Любила стихи Пушкина, Лермонтова и особенно Маяковского. Библиотекарша удивлялась серьезности этой худенькой порывистой девочки с печальными глазами.

В остальном Таня была похожа на сверстниц. Часто с подружками она зайцем пробиралась в «свой» кинотеатр «Ударник». Просиживали там по два, по три сеанса подряд и

знали каждую картину до мельчайших подробностей. Зимой, чтобы сократить путь в школу, переходили Канаву по льду. Словно на санках съезжали с горы на своих сумках, зорко следя друг за другом — кто раньше съедет.

Весеннее половодье ребята встречали с восторгом. Какое удовольствие смотреть, как сталкиваются, разбиваются, громоздятся друг на друга неугомонные льдины!

Однажды ребята увидели плывущую по воде хибарку, на крыше которой сидела собака и жалобно скулила.

— Потонет, — сказал кто-то. — Как дом развалится, так и потонет.

— Жалко собаку, — проговорила Таня. — Спасти бы ее…

— А как ты спасешь? Льдины сейчас трухлявые, не выдержат прыжка, — в раздумье осматривая реку, сказал Витя. Потом подскочил к самому берегу и замер, готовый ринуться на лед.

— Брось, Витька! Сам потонешь!.. — закричали ребята.

Но Витя уже прыгнул на ближайшую льдину, перемахнул на вторую, на третью… Собачонка соскочила с крыши, побежала навстречу. Мальчик схватил ее в охапку и двинулся в обратный путь. Вдруг льдина поменьше закачалась под его ногами, поднялась одним краем вверх. Не в силах удержать равновесие, Витя со своей живой ношей свалился в воду. На него налетела следующая льдина, ударила по голове.

— Утонет! Он утонет! — не своим голосом закричала Таня, кинулась к самой воде.

Ребята — за ней.

Льдина, накрывшая Виктора, приподнялась. В воздухе показалась рука, а затем и голова пострадавшего.

— Витька, держись!

— Хватайся за палку!

— На́ палку, Витек!

Шапка осталась где-то подо льдом. Глаза широко раскрыты. По лицу стекают струйки воды. А сам мальчик стоит, окруженный льдом. Хорошо еще, что все случилось у берега, и он смог выбраться. Синий от холода, он выскочил на берег и в одних носках запрыгал по грязи — валенки тоже остались на дне. Зато рядом прыгала, радостно визжа, мокрая дворняжка.

Ребята наперебой в знак одобрения похлопывали товарища по плечам, по спине, намокали сами, сгоняя воду с его одежонки. Жучка, отряхиваясь, обдавала всех колкими брызгами.

— Ай да мы! — выстукивая зубами дробь, сказал герой события. — Спасли все-таки собаку.

Все согласились — еще бы нет! А потом, как водится, попробовали дразнить Витю собачьим спасителем. Таня

услышала и каждому сказала:

— Еще услышу, задачи тебе пусть дедушка помогает решать…

Ребята предпочитали, чтобы помогала Таня.

Летом девочки проводили время в излюбленных местах — на ветвях какого-нибудь столетнего дерева на бульваре. У Тани с Марусей было свое гнездышко, куда они забирались, чтобы помечтать вслух, поделиться секретами. Разговоры велись здесь самые задушевные. Именно здесь, на ветке дуба, Таня призналась, что решила стать балериной.

Подружки вместе записались в парке культуры в балетный кружок имени Айседоры Дункан. Три раза в неделю они незаметно выскальзывали из дому, мчались по набережной до парка и занимались в кружке. Дома, запершись в туалетной комнате, тренировались.

Понятно, их занятия недолго оставались тайной. Первой разоблачили Марусю: она совсем забросила уроки, нахватала неудов. Тетка, у которой воспитывалась Маруся, запретила ей выходить из дому, засадила за книги.

Таня училась легко, хорошо. Занятиями в балетном кружке она очень увлекалась: что может быть лучше ощущения своего тела послушным, ловким, прямо-таки музыкальным!

И уроки Таня не запускала. И не ленилась тренироваться часами, не позабыв выбрать такое время, когда она никому не мешала в туалетной. Но мать сказала: «Нет». Она считала танцы кощунством. Тане пришлось бросить балетный кружок.

Семья Макаровых жила впроголодь. А ведь необходимо было еще и одеваться. Во время летних каникул Таня устраивалась на почту; как отец, разносила письма, телеграммы. Сотрудники любовно называли ее «наша Быстроножка» — она была не по-детски аккуратна, исполнительна и действительно очень быстра.

Отказ от летнего отдыха не угнетал Таню: после рабочего дня хватало времени разыскать подруг, отправиться вместе с ними на реку, в кино, в парк. А вот запрещение заниматься балетом она восприняла с горечью, тем более что мать обманула ее.

Елизавета Федоровна, видя, что с Татьяной не справиться в открытую — сначала девчонка дерзила, а подросла, молча уходит, да и все, — решила схитрить, подействовать на чувства дочери.

— Танюшка, ты ведь у меня рассудительная, — сказала она как-то. — Ну где тебе танцами заниматься, когда дома такое? Мария-страдалица на ладан дышит. Я, сама видишь, тоже долго не протяну… Тебе, как старшей, Верочку растить. Помни: Мария тебя вырастила. А ты… последнюю обувку топчешь… Нет,

Танюшка, на твоем месте я бы мать и сестер пожалела. Развлечение твое рисковое: ногу подвихнешь — на почту не годишься. Всю семью оголодишь.

Безалаберной, несчастливой, кровно-родной своей семье Таня желала только хорошего. Она не могла допустить, чтобы из-за нее, Тани, кому-то стало хуже. Она отказалась от большой радости — перестала заниматься в балетном кружке.

Спустя, некоторое время совершенно случайно Таня услыхала, как мать говорила Марии:

— Великая благодать, что Танюшка свои танцы-манцы бросила. Довелось-таки мне ее поулещать, чтобы не было скверны, кощунства в нашем доме…

Горько было Тане от материнского обмана. Мать — самый близкий человек — становилась чужой, если говорила одно, а думала совсем другое. Думала и думает о своем боге… До родной дочери ей дела нет! Что ж, будет Таня сама… После этого случая Таня как-то сразу повзрослела, еще больше отдалилась от домашних.

4. ДОРОГА В НЕБО

Весной 1935 года Таня закончила семилетку.

Что делать дальше? Какую выбрать специальность? Куда пойти учиться? Эти вопросы Таня решала самостоятельно. Вся страна училась — это был приказ времени. Несмотря на домашние материальные затруднения, Таня не представляла себе дальнейшей жизни без учебы. Вот только какой техникум выбрать — механический, химико-технологический или пищевой? В конце концов она решила поступить в Московский механико-технологический техникум пищевой промышленности.

Елизавета Федоровна, узнав о Танином выборе, одобрила:

— Правильно, всегда сыта будешь.

Вступительные экзамены в техникум Таня выдержала успешно. Она готовилась много и старательно, хотя в доме было горе — умер Петр Евдокимович.

После окончания школы Маруся Перемотина уехала из Москвы. Рассыпалась дружная тройка. С Виктором Таня встречалась лишь изредка — он поступил работать на завод. Редко выпадали свободные вечера, чтобы вместе пойти в кино или в комнате Виктора послушать радио. Таня очень любила музыку, а Елизавета Федоровна не разрешала устанавливать радиоточку: это тоже по ее понятию было кощунством.

Виктор знал, как тяжело живется Макаровым. Маленькая зарплата Марии и студенческая стипендия Тани — вот весь бюджет семьи в четыре человека. Юноша был бы рад облегчить участь подруги. Но как? Он приглашал ее в кино. Таня отказывалась от приглашений. Ему и невдомек было, что она стеснялась пойти в платье с надставками и заплатами, которое мать перешила из старья.

Таня ссылалась на занятость, хотя иногда попросту заставляла себя сидеть вечерами в комнате, чтобы не попадаться на глаза Виктору. Впрочем, занималась она и в самом деле много. Узнав, что неподалеку, рядом с гостиницей «Балчуг», открылись курсы машинописи, она поступила туда, выучилась печатать на машинке и стала брать работу. Летом мать благосклонно разрешила ей купить маркизета на платье.

Теперь Таня не отказывалась ходить с Виктором в кино, каталась с ним на лодке. А чаще они просто гуляли, мерили шагами прекрасные и таинственные по вечерам улицы родной Москвы. С Виктором ей всегда было хорошо. Они шутили, рассказывали разные были и небылицы, строили планы на будущее — иногда всерьез, иногда подсмеиваясь друг над другом.

Таня любила спорт. Еще в школе она увлекалась волейболом, прыжками в высоту.

— Ты всегда была длинноногой цаплей, — подтрунивал Виктор. — Ты просто перешагивала планку.

— Попробовал бы сам перешагнуть… Небось за сборную завода не играешь, а только ходишь со мной на «Динамо» болеть.

— Так на «Динамо» и ты только болеешь. А твоя сборная в техникуме еще очень слаба.

— Молчи, молчи! Наша промышленность всех кормит.

Таня была патриоткой своего техникума. Уж такой у нее был характер — если бралась за дело, то делала его с огоньком и считала самым важным.

Занятия в техникуме и особенно практика на кондитерских фабриках увлекали ее. Приобщение к коллективному труду подняло сознание Тани; она почувствовала себя неотделимой частицей огромной трудовой армии.

Таня очень любила читать. Со временем пристрастилась в к политической литературе. Свой человек на почте, она заходила туда рано поутру и из свежих газет узнавала о событиях в стране. Первой сообщала она товарищам в техникуме о новых стройках, восхищенно рассказывала о славных делах Стаханова, Марии Демченко, машиниста Кривоноса, доказывала, что и пищевики могут показать образцы героизма в труде.

Горячего, вдохновенного агитатора — Татьяну Макарову комсомольцы избрали своим групоргом. Работы прибавилось. Да Таня и не боялась работы. Ей только все казалось, что она успевает сделать непростительно мало. Вон ведь Чкалов, Громов, Байдуков перелетели через Северный полюс прямо в Америку. Сколько для этого нужно было знать и уметь!

Подвиг женщин-летчиц Расковой, Осипенко, Гризодубовой потряс Таню… В эти дни ей попалась брошюра Н. Морковина «Молодежь — в аэроклубы». Таня жадно поглощала страницу за страницей.

> «Советской авиации нужны новые кадры, нужны самые разнообразные специалисты — летчики, штурманы, инженеры, техники, радисты. Для молодежи широко открыты двери авиационных школ, аэроклубов. Но только лучшая, передовая молодежь, грамотная, физически крепкая, горячо преданная своей Родине и партии, может быть допущена на самолеты».

Таня даже выписала себе эти слова, они явились для нее целым откровением. А призыв: «Комсомол — на самолеты!» — она восприняла как обращенный специально к ней, комсомолке

Макаровой.

Таня попросила в комсомольской организации техникума рекомендацию в аэроклуб.

* * *

Летняя жара наступила неожиданно. Беспощадно палило солнце, обжигая нежную зелень деревьев, накаляло стены домов и асфальт тротуаров. Люди старались спрятаться куда-нибудь в тень. Духота изнуряла.

Тяжело было сидеть в эти дни на лекциях в аудиториях техникума. С нетерпением ждали студенты выходного дня. И вот последний субботний звонок. Все шумной толпой двинулись к выходу.

— Танечка, пойдем с нами, — обратилась к Тане пышноволосая Нина. — Брось свои полеты! Еще комсорг называется, совсем не бывает со своими комсомольцами…

Таня виноватым голосом ответила:

— Не могу я сегодня пойти, Нина. Сегодня самый ответственный день у меня. Вчера инструктор так и сказал: «Макарова, выспитесь и отдохните — завтра будет очень ответственный день». А ты знаешь, что это значит? Это, наверное, самостоятельный полет. И вдруг я не приду!

По лицу Тани скользнула мечтательная улыбка. Все ее мысли были уже там, на аэродроме…

Когда после окончания теоретических занятий начались полеты, Тане показалось, что она окунулась в какой-то сказочный, наполненный светом и счастьем мир. С нетерпением она ждала теперь возможности мчаться через всю Москву на аэродром, чтобы снова и снова испытать чувство широты, простора, свободы, ни с чем не сравнимое «чувство воздуха».

Ее тянуло ввысь, в небо.

Она ехала в вагоне и неотрывно смотрела в голубое небо. Мечтала, как она будет управлять самолетом одна, без инструктора. Хотелось скорее попасть туда, в центр поля, где толпятся учлеты, ежеминутно взлетают и садятся самолеты, оставляя за хвостом облако бурой пыли, туда, где сегодня, может быть, начнется ее настоящая летная жизнь.

Казалось, что поезд ползет слишком медленно, что появившееся на горизонте белое облачко вдруг закроет все небо, и тогда могут прекратиться полеты или просто не станут выпускать учлетов самостоятельно. Она с волнением посматривала на горизонт.

Наконец поезд остановился на станции Люберцы. Через несколько минут Таня заняла место в рейсовом автобусе, чтобы преодолеть последние шестнадцать километров, отделяющие ее от аэродрома. Еще минут сорок — и она в кругу учлетов.

— Привет отважным пилотам! — радостно воскликнула Таня. — Моя очередь не прошла, ребята?

— Можешь пока загорать.

Таня отошла в сторонку, спряталась за стартовкой и быстро натянула на себя синий комбинезон, аккуратно уложив блузку и юбку в чемоданчик. Надела шлем, поправила очки и вернулась к ребятам.

— Как сегодня настроение у инструктора, хорошее? Что нового на старте? — спросила она, чтобы отвлечься от тревожной мысли: «А вдруг не выпустят?»

— Никого пока не ругал сегодня наш инструктор. Значит, хорошее настроение. Погода тоже подходящая.

— В третьей группе еще одного выпустили самостоятельно.

— А вот и наш самолет идет на посадку.

Один учлет поднялся и побежал встречать приземлившийся самолет.

— Следующая очередь встречать твоя, Макарова. Следи! — предупредил ее староста группы.

Самолет зарулил на линию предварительного старта и тут же снова ушел в полет. Таня следила за ним глазами и в любую секунду среди десятка других самолетов в небе отличила бы именно свой. Как только он стал заходить на посадку, девушка отправилась на нейтральную полосу для встречи. Взявшись рукой за правую плоскость, она бежала, сопровождала его, помогала учлету, управляющему самолетом, быстро развернуться и зарулить на свободное место на предварительном старте. Учлет, сидевший в задней кабине, вылез на плоскость и долго слушал замечания инструктора. В освободившуюся кабину усаживался следующий.

Наконец подошла очередь Тани.

Она услышала долгожданное:

— Макарова, в самолет!

Сильно забилось сердце. «Справлюсь ли сегодня?!» Она села в кабину, присоединила к уху переговорный аппарат, спустила на глаза очки и посмотрела на инструктора в зеркало.

— Товарищ инструктор, учлет Макарова к полету готова! — четко доложила она.

В зеркале взгляды их встретились. Инструктор Женя Воронцов, молодой веселый блондин, с первого же дня проявлял к Тане, пожалуй, больше внимания, чем следовало. Таня,

увлеченная полетами, ничего не замечала. Вот и сейчас, встретившись с ним взглядом, не смутилась, а лишь с трепетом ждала разрешения на взлет. Воронцов, наблюдая за Таней в зеркало, заметил, что она волнуется. Перед полетом это — плохая примета. Учлет должен быть спокоен, только тогда он будет действовать правильно.

— Товарищ Макарова, что случилось? Чем вы так взволнованы? — мягко и участливо спросил Воронцов.

— Я не взволнована… С чего вы взяли, товарищ инструктор? — смутилась Таня.

— Вы забыли пристегнуться ремнями. А раньше с вами этого не случалось! — смеясь, ответил Воронцов.

Таня смутилась еще больше и стала заниматься ремнями.

— Ну теперь все в порядке. Успокоились, Макарова? Слушайте задание. Взлет, Построение маршрута. Точные, правильные развороты. Расчет на посадку и посадка у «Т» на три точки. Вот и все. Делайте так же, как это вы делали всегда, и все будет хорошо. Задание ясно?

— Ясно. Разрешите выполнять?

— Выполняйте.

Таня осмотрелась по всем правилам, вырулила на старт и условным жестом запросила у стартера разрешение на взлет. Стартер, учлет одной с Таней группы, осмотрел полосу взлета и взмахнул белым флажком: взлет разрешен.

Таня отжала сектор газа и ручку управления вперед. Самолет рванулся, взревел, стремительно помчался по взлетной полосе и оторвался от земли, унося Таню в воздух. Она все еще волновалась, но это не мешало ей работать четко. Было жаль, что полет кончился очень быстро. Самолет послушно пронесся над аэродромом, зашел на посадку, мягко коснулся земли.

— Ай да мы! — сказал Воронцов, склонившись к Тане в кабину. — Полет выполнен отлично. Замечаний у меня нет. Сейчас с вами полетит командир отряда, проверит вашу технику пилотирования. Пойду доложу.

Таня провожала инструктора взглядом. Вот он подошел к командиру отряда Борису Васильевичу Серебрякову, разговаривает с ним. Серебряков застегивает шлем. Оба направляются к ее самолету.

Таня отвернулась и стала осматривать приборы в кабине. На крыло поднялся командир отряда, весело сказал:

— Ну покажите, Макарова, чему вы у нас научились? — Он сел в кабину. — Сделайте полет по кругу. Задание вам знакомо?

— Знакомо, товарищ командир отряда.

— Можете выруливать.

Снова взлет, построение коробочки, расчет на посадку. Снова легкое, мягкое касание земли. И вот она уже заруливает на линию предварительного старта и останавливает самолет.

С замиранием сердца Таня глянула на командира отряда, потом повернула голову и увидела инструктора. Воронцов улыбался, одобрительно кивал ей, исподтишка показывал большой палец.

«А что скажет Серебряков?»

— Полетом я доволен. Летаете грамотно, уверенно, — сказал он и соскочил на землю. — Можно выпускать.

— Давайте мешок! — донеслось до нее как самая лучшая музыка.

На крыло опять поднялся Воронцов, принял от учлета мешок с песком, уложил его в переднюю кабину для сохранения центровки, закрепил ремнями, проверил, не мешает ли ручке управления, и повернулся к Тане:

— Ну? Не боитесь лететь?

— Нет, — ответила она. Глаза ее светились счастьем.

— Все будет хорошо… Таня! — в первый раз назвал инструктор ее по имени и легонько тронул за плечо. — В добрый путь!

Потом он спрыгнул на землю и сам проводил самолет до линии старта, кивнул ей и взмахом руки разрешил взлет. Сзади него стартер взмахнул белым флажком.

Вот она, долгожданная минута!

Взревел мотор, быстро замелькала земля, потом медленно стала отдаляться. Это она, Таня, уносится ввысь.

Не сон ли это? Нет-нет, не сон! Она одна, совсем одна, без инструктора, в самолете. Первый разворот… Она нажимает ручку управления влево, и самолет тут же разворачивается.

«До чего же легко им управлять! Одним пальцем можно повернуть куда хочешь. Это же крылья… Мои крылья!» Таня старается умерить свой восторг, но это не так просто сделать. Ей кажется, что у нее действительно выросли крылья. И несут ее, несут…

С этого дня для Тани началась новая жизнь. Полеты стали для нее необходимы как воздух.

Экзамены в техникуме Таня сдала хорошо и перешла на четвертый курс. Потом она уехала на аэродром и, как многие учлеты, поселилась на лето в палатке с тремя девушками из других групп. Теперь ей не нужно было никуда спешить, и она вся отдалась любимому делу.

* * *

С восходом солнца учлетов будил сигнал горна.

Утренняя свежесть, чистый прозрачный воздух к полудню сменялись знойным, пропахшим бензином ветерком, мерцанием миражной дымки, долго не расходящимися облаками пыли. Обдерганная трава была жесткой и бурой… Тане сразу понравился, стал дорог этот непритязательный аэродромный пейзаж.

С рассвета и до темноты над аэродромом не прекращался гул моторов. Кончались полеты одного отряда, и тут же начинались полеты другого. Учлеты группы Воронцова начинали с утра: летали по кругу, на низкополетной полосе и в зону. Таня только изредка вылетала с инструктором — большей частью за пассажира сидел с ней другой учлет. Постепенно вырабатывался свой летный почерк.

В три-четыре часа дня самолету давали отдых — полеты заканчивались. И учлеты под руководством техника начинали рьяно ухаживать за машиной: чистили каждый винтик, гаечку, болтик, проверяли каждую деталь, устраняли дефекты — учились готовить самолет так, чтобы он надежно работал в воздухе, безотказно служил летчику.

Сами отдыхали вечером. Вместе с инструктором веселой гурьбой отправлялись на Москву-реку или Пахру. И так получалось, что Воронцов всегда оказывался рядом с Таней.

Девушка понимала, что нравится Воронцову. Она ловила на себе его взгляд, уже не только веселый и нежный, но и печальный — ведь она никак не отвечала на его чувство. Когда у него вырывалось ласковое слово, она старалась отделаться шуткой или молчанием, будто не слыхала. И даже собиралась как-нибудь отчитать его, но не отчитала. Ведь это он, Женя Воронцов, научил ее летать, привил ей горячую любовь к самолету, к небу, к летному делу…

Воронцов первым разглядел в Тане качества настоящего летчика и старался оттачивать их. На полетах он бывал неизменно строг:

— Товарищ Макарова, уж вам совсем непростительно. На вираже сегодня самолет зарывался носом. В чем дело? Вы можете выполнить полет гораздо лучше.

— Она, наверное, на вас засмотрелась, товарищ инструктор, — бросал реплику какой-нибудь учлет.

— Прекратить шутки! — обрывал Воронцов. — Макарова летает хорошо. Если вы станете так летать, то обязательно попадете в истребительную школу. Небось мечтаете. Да пока я в вас сомневаюсь: вы делаете гораздо больше ошибок, чем Макарова. А с вами, Макарова, давайте вашу ошибку разберем.

Послеполетные разборы были для Тани школой летного мастерства.

Быстро минуло лето.

В октябре Таня сдала экзамены на «отлично». Юношей даже с удовлетворительными оценками приняли в военные школы, а ее, девушку-отличницу, — нет! Рушились все мечты и надежды.

Таня бросилась в городской совет Осоавиахима. Там ей разъяснили: «Действительно, женщин в военные школы не принимают. А в осоавиахимовской мест нет». Но что же это было за разъяснение?!

Женя Воронцов тоже не мог смириться с тем, что его лучшая ученица, способная, имеющая летный талант девушка, вынуждена бросить авиацию. Он ходил и в городской и в центральный Советы, горячился, доказывал.

— Бесполезно доказывать, — говорили ему. — Вы же знаете, техники у нас пока маловато. Не можем принять всех желающих.

Таня чуть не заболела с горя. Стала пропускать занятия в техникуме. Товарищи пристыдили ее.

— Ты что художничаешь? Забыла, что комсомолка?!

Нет, Татьяна Макарова и в небо-то стремилась потому, что была комсомолкой. Таня встряхнулась, взяла себя в руки, засела за учебу по кондитерскому делу и вновь веселой заводилой предстала перед товарищами. Только иногда ночью она позволяла себе поплакать в подушку.

Да еще при встречах с Виктором бередилась незаживающая рана. Он поступил в аэроклуб. И теперь изучал теорию полета, штурманское дело… Нет-нет да и спросит что-нибудь о полетах. Как острый нож, полоснет этот вопрос.

Однажды зимним вечером к Макаровым неожиданно зашел Воронцов. Таня так растерялась, что даже не пригласила его в комнату. Быстро накинула пальтишко и пошла бродить с ним по улицам. Женя сиял. Таня тоже была рада его видеть. Разговор все время вертелся вокруг аэроклубовских дел и бывших учлетов, которые учились теперь в летных школах. Вспоминали прошедшее лето. Таня старалась казаться веселой, беззаботной, совсем не интересующейся больше полетами и лишь из вежливости слушающей рассказы инструктора.

И вдруг Воронцов сказал:

— А ведь я привез новость. Только, кажется, она теперь для тебя значения не имеет.

— Какая же это новость?

— У нас в аэроклубе открываются курсы по подготовке инструкторов-летчиков.

— А женщин туда принимают? Меня примут?

— Я уже говорил о тебе с начальником аэроклуба. Он сказал, чтобы ты пришла.

— Не может быть… Женечка, миленький!.. — Таня порывисто повернулась к Воронцову, — Ты… ты… гений. Я не знаю, что я сейчас готова сделать. У меня голова идет кругом. Ты понимаешь, Женя… Ведь мне каждую ночь снится, что я летаю. Думала, что с ума сойду от этих снов. А они, оказывается, сбываются! Спасибо тебе. Завтра буду в аэроклубе.

Счастливая и радостная, Таня еще долго ходила с Воронцовым по улицам, не обращая внимания на мороз и ветер. Утрем она как на крыльях полетела в аэроклуб. Ворвалась в кабинет начальника майора Лехера и гордо положила на стол свое пилотское свидетельство.

Состоялась краткая беседа. И вот она зачислена в инструкторскую группу.

Снова потекли счастливые дни учебы в аэроклубе. Техникум Таня не бросала — до окончания оставались считанные недели.

Инструктором Тани по-прежнему оставался Женя Воронцов: его перевели в инструкторскую группу. Таню, конечно, интересовал вопрос: как это произошло? Но она стеснялась спросить Женю, догадываясь, что он сам добился перевода, чтобы чаще видеть ее. Только теперь Воронцов относился к Макаровой не как к учлету, новичку в-авиации, а как к равному, как к коллеге, грамотному летчику. В свободное от полетов время он старался быть рядом с Таней. Когда она шла на поезд, провожал до станции. И смотрел, смотрел с лаской, с нежностью…

А Таня думала больше о Викторе.

Летом она снова поселилась в палатке на аэродроме: жила вместе с Ирой Кашириной и Марусей Акилиной, тоже курсантками. Особенно веселым выдалось это лето. Поблизости от аэродрома, в деревне Мячики, обосновалась съемочная группа фильма «Пятый океан». Целые дни артисты и кинооператоры проводили на аэродроме — ловили солнечные минуты для съемок. Впрочем, когда солнце скрывалось, тоже не уходили — наблюдали жизнь летчиков. Все перезнакомились, подружились. Рассказывая разные интересные истории — знал он их множество, — артист Алейников смешил всех до слез.

Изредка по делам уезжая в Москву, Таня с сожалением расставалась с веселой компанией друзей, с особой остротой чувствовала затхлость домашней обстановки. Мать не уставала повторять:

— За твое безбожие нас господь покарал. Мария, словно свеча, тает… Умрет — ей место в раю уготовано. А мы грешниками с голоду поляжем…

Таня понимала, что Мария подорвала здоровье вечными своими постами. Не раз на работе — в почтовой конторе ей предлагали путевку в санаторий, но она отказывалась.

Тане было жаль сестру, мать и маленькую Верушку. Но в душе росла уверенность, что она не даст им умереть с голоду: еще немного — и будет зарабатывать достаточно.

Осенью Таня закончила инструкторские курсы и почти одновременно защитила диплом техника. Она получила сразу два назначения — на фабрику «Большевик» и в Ленинский аэроклуб. Несколько месяцев работала техником-кондитером и инструктором-общественником. А когда ее зачислили на штатную должность инструктора аэроклуба, она уволилась с фабрики и окончательно перешла на летную работу. Было ей в ту пору девятнадцать лет.

5. ПРИЗНАНИЕ

Это было совсем недавно. Почерневший снег быстро таял под лучами весеннего солнца. На дорогах стояли лужи, непролазная грязь. Автобус, фырча и покачиваясь, разбрызгивая черную жижу, медленно двигался по дороге. От автобусной остановки еще два километра приходилось добираться пешком.

Но солнце и ветер делали свое дело. Прошла какая-нибудь неделя, и уже пробилась нежная поросль травы, поле аэродрома покрылось зеленым ковром.

Близилась летная пора. Таня ждала ее с нетерпением. Хотелось скорее испытать свои способности: сможет ли она научить летать других? Сможет ли передать учлетам свой опыт и знания, привить любовь к полетам, к пилотажу, к небу, вообще к авиации?

В аэроклубе появилась новая летчица, только что окончившая Херсонскую летную школу, — инструктор Аня Малахова. Как-то сразу, с первого же дня, Таня с ней подружилась. Девушки сняли себе комнатку в деревне, чтобы жить поблизости от аэродрома и не тратить времени на переезды. Аня была похозяйственнее и взяла на себя организацию быта. Таня привозила книги и брошюры. Их сначала складывали на столе, потом появилась новая стопка их на лавке в переднем углу. Скоро аэроклубники прознала, что у девушек можно достать ту или иную нужную книгу быстрее, чем в библиотеке. Сами девушки читали много; иногда по вечерам одну книгу — вдвоем.

Наконец наступил первый день выхода инструктора Макаровой на аэродром. Дома Аня оглядела подружку с ног до головы, заставила и так и эдак примерить шлем:

— Имей в виду: внешний вид — серьезный фактор.

— Ой, Анечка, главное-то под шлемом.

У здания аэроклуба с утра собрались летный, технический состав и учлеты второго отряда. Майор Лехер пожелал учлетам успехов в овладении летным мастерством, инструкторам и техникам — безаварийной работы. Техники и учлеты группами разошлись к своим самолетам, а инструкторов задержал командир отряда Борис Васильевич Серебряков.

Все для Тани было знакомо и вместе с тем необычно. Она, как инструктор, слушала напутствие Серебрякова. Ей, когда она подошла к своей группе, именно ей техник Сергей Селиверстов доложил о готовности самолета к полетам и о количестве присутствующих учлетов.

— Здравствуйте, товарищи! — громко сказала Таня.

— Здравствуйте, товарищ инструктор! — вразнобой ответили юноши. Они, конечно, сильно волновались.

— Давайте познакомимся. — Таня чувствовала, что голос ее дрожит.

Отчего вдруг оробела? Ведь самолет и все то, чему предстоит обучить стоящих перед ней молодых людей, она знает, как собственное имя. Значит, с имени и надо начинать.

— Моя фамилия Макарова, зовут Татьяна Петровна, — тихо проговорила Таня. — Я научу вас управлять самолетом, выполнять фигуры высшего пилотажа. Вы станете смелыми, отважными летчиками. Станете бороздить наше прекрасное советское небо. — Постепенно голос ее окреп, она овладела собой и говорила уверенно, горячо: — Нет ничего лучше на свете, чем чувствовать себя крылатым, подниматься над землей и сверху смотреть на наши поля, леса, реки… Все это вы скоро испытаете сами и полюбите самолет. Только любовь к самолету, к небу неотделима от знаний.

Таня вытащила из планшета маленькую модель самолета и стала описывать ею в воздухе традиционную коробочку, показывать, под каким углом должен проектироваться летчику посадочный знак «Т», выложенный на аэродроме. Модель в тонких, ловких девичьих пальцах была легка, маневренна и красива во всех движениях. Учлеты следили за рукой инструктора, внимательно слушали.

На следующий день занятия проводились на самолете, установленном на штырь. Таня сидела в передней кабине, а в заднюю по очереди садились Агеев, Балабанов, Ковальчук, Логинов. Она уже запомнила учеников по фамилиям и каждому показывала, как нужно действовать секторами и рулями управления, как будет проектироваться нос самолета в различных режимах полета.

Через несколько дней начались полеты.

В три часа утра подруги вместе вышли из дому и, поеживаясь от утренней свежести, зашагали к аэродрому. Еще издали Таня увидела, что у самолета возится Сережа Селиверстов. Ему помогают ребята: бегают, снимают струбцинки, расчехляют мотор. Самолет, освещенный утренней зарей, играет всеми цветами радуги.

Заметив приближение инструктора, учлеты выстроились, и староста группы отдал рапорт. Таня пожала руку технику, поздоровалась с учлетами, осмотрела самолет и сказала:

— Товарищи, прежде чем подниметесь в воздух, запомните: в авиации нет мелочей. Неправильный заход на посадку или взлет, неосмотрительность, простая невнимательность могут привести к

аварии. Только строгая дисциплина, точное выполнение всех правил помогут вам стать грамотными летчиками, овладеть мастерством летного дела. — Таня помолчала, строго осмотрела учлетов. Все были сосредоточенны и серьезны. — Первым пойдет сегодня в полет Логинов.

Каждый подумал о Логинове: «Счастливец!» Каждому не терпелось быть первым. Но у Логинова на то было больше оснований: он имел хорошую теоретическую подготовку, был целеустремленным.

Один ждет от инструктора одобрения или поправки. Другой глаза зажмурит — куда, мол, кривая вывезет. А иногда будто и правильно отвечают, но ясно: стараются не ударить в грязь лицом, перед инструктором-ровесницей красуются. Это уж Тане особенно досадно. Ведь у нее тоже был инструктором Женя Воронцов — симпатичный ровесник. Но раз ты сел в самолет, то, кроме него, нет для тебя никого и ничего. Он — единственная твоя любовь. Вон как у Логинова.

Первый вылет с Логиновым убедил Таню, что в этом учлете она не обманулась. Он вел себя в воздухе великолепно, действовал смело, решительно.

Однако Таня должна была учить летать не одного Логинова. Наоборот, Логинов требовал гораздо меньше времени и заботы, чем остальные. Со временем Таня, конечно, не считалась; день за днем она поднималась в воздух, терпеливо показывала каждому элементы полета, повторяла непонятое и непонятное. Если у какого-нибудь учлета что-нибудь не получалось, она оставалась на вторую смену и летала до тех пор, пока не убеждалась, что учлет понял и исправил свою ошибку.

По вечерам подруги делились опытом, Аня сразу заметила, что Танюша чаще других говорит о Балабанове. Поминает недобрым словом. Бывают такие. В группе Малаховой таких, как Балабанов, несколько. Но стоит ли уж так переживать? Она, правда, тоже оставалась летать с некоторыми дополнительно.

Ну а если и это не помогает? Балабанов, например, сбежал. Скатертью дорога! С чего бы ночи не спать?

А Балабанов летчиком все-таки стал. С характером оказался парень. Через три дня явился, осунувшийся, словно после тяжелой болезни, вытянулся перед Таней и сказал:

— Что хотите со мной делайте, товарищ инструктор, только не прогоняйте.

— Да кто же вас прогонять собирался? Только вы вот болели — пропустили занятия. Теперь побольше работать придется.

— Буду работать как зверь.

Таня засмеялась:

— «Как зверь» — не надо. А то я еще буду вас бояться. А страх, вы знаете, плохой помощник. Слетаем-ка сегодня без всякого страха…

Балабанова словно подменили. Если Таня мучилась, думая о его судьбе, то он переживал вдвойне, все передумал и понял, что надо отвыкать от позы. Был за ним такой мальчишеский грех — хотелось показать себя: я, мол, ловкий, складный, я все могу… не то что другие. А другие уже летали. И еще он понял: один ничего не добьется. Как здорово, что Татьяна Петровна сказала: «Слетаем-ка сегодня…»

И они летали.

Инструктор выпустила учлета Балабанова в самостоятельный полет позже всех, но он быстро осваивал летную практику и вместе со всеми сдал экзамены на «отлично».

Вся группа инструктора Макаровой получила высокую оценку на экзамене: восемьдесят процентов «отлично» и двадцать — «хорошо». Все учлеты ее группы были приняты в военные авиационные школы. Это было для Тани огромной радостью. И особенно было дорого письмо, присланное вскоре ее бывшим учлетом из военной школы. Балабанов писал:

> «Уважаемый товарищ инструктор, дорогая Татьяна Петровна!
>
> Спешу сообщить Вам, что я попал в истребительную школу, о которой мечтал. Приступили к занятиям. Приложу все силы, чтобы учиться только на «отлично». Вижу Вашу улыбку при чтении этих строк, ведь Вы, мой учитель, знаете прилежность и аккуратность всех своих учеников. Улыбайтесь и сомневайтесь, но я доведу начатое дело до конца, обязательно стану летчиком. Я очень благодарен Вам, Татьяна Петровна, за науку и большое терпение, которое Вы проявили к своим питомцам, и в частности ко мне. В одном отряде со мной и наши Логинов, Боков, Агеев. Все они передают Вам большой привет и пожелания самого лучшего в жизни…»

Таня много раз перечитывала это письмо. Вспоминала и трудности своих первых шагов, и то, как грустно было расставаться с первыми учлетами и как трогательно преподнесли они ей на прощание в подарок дамскую сумочку.

После выпуска аэроклуб опустел. Пока позволяла погода, инструкторы повышали технику пилотирования; полеты продолжались до поздней осени. Затем все переехали в Москву.

Дни теперь были заняты командирской учебой. Вечера оказались свободными. С Аней они часто ходили в театр. Еще чаще — в кино. Некоторые фильмы смотрели по нескольку раз. А уж новый фильм «Антон Иванович сердится» и вовсе нельзя было пропустить — там играли любимые артисты.

Раскрасневшиеся, радостные оттого, что удалось достать билеты, девушки вошли в фойе. И вдруг Таня замерла: навстречу ей шел стройный высокий молодой человек. Это был Виктор.

— Здравствуй, Танюшка! — Он обеими руками пожал ей руку. — Ты совсем пропала, целую вечность не видел тебя. Как живешь?

— Хорошо живу. А ты изменился. Стал интересным, девушки, наверное, так и бегают за тобой.

— Что-то не замечал. Одна рядом была, да и та в небо подалась.

Им хотелось знать друг о друге все.

— Ты летаешь? Мама говорила, что ты продолжаешь учиться в аэроклубе. Это правда?

— Учился. Окончил аэроклуб. Хотел в истребительную попасть, но комиссия забраковала. Говорят, цвета не умею различать. Мечтал летчиком стать, а придется по земле ползать. Поступил в вечерний автомеханический.

— Молодец! Это ты хорошо придумал. А работаешь там же, на заводе?

— Да. Слесарем. А ты теперь инструктор? Ну и как, товарищ инструктор, получается?

— Получается. Первую группу выпустила. Всех приняли в летные школы.

Раздался звонок. Таня вспомнила о подруге и стала искать ее глазами.

— Ты кого ищешь? Ты не одна? — с тревогой спросил Виктор.

— Я с подругой. Куда же она запропастилась? Ага, вот она. Аня! — Таня подняла руку.

Аня Малахова пробралась к ним через толпу.

— Анечка, познакомься! Мой товарищ детства.

Ане понравилось крепкое рукопожатие Виктора, его мужественное лицо.

— Танюша, — сказал он, — я подожду вас после сеанса у выхода. Хорошо?

— Жди, — ответила Таня. — Нам ведь по дороге. Пойдем вместе.

— Красивый парень и, кажется, скромный, — сказала Аня, когда они уселись на свои места. — По-моему, он к тебе неравнодушен.

— Не знаю… — рассеянно ответила Таня.

Виктор ждал их на улице.

Вначале обсуждали фильм, потом говорили о полетах, о звездах. Шутили, смеялись. Незаметно дошли до дома, где жила Аня, распрощались с ней и, оставшись вдвоем, вдруг замолчали. Шли молча, не решаясь заговорить, неизвестно почему стесняясь друг друга. Неожиданно Таня поскользнулась, Виктор вовремя поддержал ее под руку. Девушка с бьющимся сердцем чего-то ждала. А Виктор не решался сказать то, что давно было у него на душе.

— Завтра будет хорошая погода, правда, Витя? — сказала Таня, чтобы нарушить молчание. — Мы идем в лыжный поход. У тебя ведь тоже завтра выходной день. Пойдем с нами. В лесу чудесно! Снег блестит на солнце. И мы несемся по этому снегу, словно в сказке.

— Со своими летчиками идешь? — нахмурившись, спросил Виктор.

— А ты что, боишься летчиков? Лес большой, всем места хватит.

Виктор ответил не сразу, только крепче прижал к себе ее руку. Потом резко повернулся к ней лицом:

— Таня, ты можешь смеяться… Но я должен сказать… Я давно собирался сказать…

— Да что случилось? Говори же! — Таня посмотрела ему в глаза. — Что ты хотел сказать?

— Я люблю тебя. Вот что я давно хотел сказать тебе… Теперь можешь смеяться…

— Витя, ты так смешно говоришь, что мне действительно хочется смеяться, — счастливая, проговорила Таня.

— Все эти месяцы я думал о тебе. Я очень боялся за тебя. Не потому, что ты летаешь, нет. Я боялся, что тебя какой-нибудь летчик увлечет… И я навек потеряю тебя. Я места себе не находил от одной этой мысли. А сегодня, когда увидел тебя, и вдруг одну, обрадовался, — значит, думаю, все в порядке.

— А вдруг ты ошибся? — решила подразнить его Таня.

— Если бы ты влюбилась, в кино пошла бы с ним.

— А может, он не знает, что я его люблю, и потому не приглашает? — улыбнулась Таня.

— Так не бывает.

Таня скрывала свое чувство к Виктору. Да и о любви его только догадывалась. Рассказать бы ему сейчас, как часто вспоминает она о нем! Но в нее словно бес вселился.

— Ты говоришь «люблю». Просто мы всегда с тобой были хорошими друзьями, вот ты и думаешь обо мне.

— Я так и знал. Зачем же ты зовешь меня на прогулку? Чтобы я увидел твоего дружка?

— А почему ты не хочешь его увидеть? Поедем — и увидишь!

Таня имела в виду, что вот там, в лесу, а не на людной улице, Виктор поймет, что именно он и есть ее друг.

Но Виктор понял ее слова в буквальном смысле.

— Нет, спасибо. Я никуда не поеду. Не буду мешать тебе.

— Витя, ну что ты придумал? Да никого у меня нет. Никого я не люблю… Я же пошутила. Хороших друзей много, а любить — никого не люблю. А завтра у нас лыжная тренировка. К соревнованиям готовимся. Неужели ты не понимаешь? Пошли лучше домой, поздно уже.

Лишь у самого дома Виктор глухим, сдавленным голосом сказал:

— Мне за тобой не угнаться. Ты летаешь, а я ползаю. Забудь, пожалуйста, все, о чем я говорил. Может, ты и права, может, это не любовь, а детские грезы. Я не буду мешать тебе.

— Чудак ты, Витька! При чем тут «летаешь», «ползаю»? Друг называется… Да ну тебя! Ничего ты до сих пор не понял.

Таня побежала по лестнице, доставая из кармана ключ. Виктор шел сзади.

— Если надумаешь пойти на лыжах, будь готов к девяти часам, — в темноту проговорила Таня и скрылась за дверью.

В ту ночь она долго не могла уснуть, ругала себя за несносный характер.

6. ВОИНСКОЕ ЗВАНИЕ — «СЕРЖАНТ»

С детства, с той поры, когда Таня вместе с друзьями начала борьбу за свои пионерские идеалы, с той самой поры в душе девушки росло и крепло — становилось чертой характера, как и у всего ее поколения, — чувство ответственности за происходящее.

Зимой 1940 года международная обстановка обострилась. Прославленные летчики — ветераны обороны страны обратились к молодежи с призывом овладевать военной наукой.

В аэроклубе начальник собрал летно-технический состав и зачитал приказ. В нем говорилось, что создается ВАШПО — военная авиационная школа первоначального обучения и что на работу в нее предлагается направить лучших инструкторов.

Таня шепнула подруге:

— Аня, давай попросимся. Может, и нас возьмут.

— Вряд ли, женщин в военные школы не принимают.

И все же девушки написали рапорт.

Вскоре их вызвал к себе начальник ВАШПО майор Поцейко. Рассказал об условиях:

— Летать придется очень много. Жить — на казарменном положении, в палатках, прямо на аэродроме. В Москву не ездить, дома не бывать. Выдержите ли вы, девушки, такой режим? Я ведь знаю, сам был молодым, захочется вечером сходить на танцы или в кино. Захочется пойти погулять. А тут нужно или дежурить по части, или на полетах быть. Ведь у нас и ночные полеты будут. Это нужно теперь решать. Потом, когда не понравится, поздно будет. Придется подчиняться воинской дисциплине.

— Товарищ майор, меня не пугают трудности, я к ним готова, — заговорила Таня. — Чем больше придется летать, тем лучше. Я люблю летать. А казарменное положение… Прошлым летом мы тоже ни разу в Москву не ездили и на танцы не ходили. И вот видите, живы остались. Дома тоже привыкли к тому, что почти совсем меня не видят. Прошу, зачислите меня в школу. С работой справлюсь.

Аня присоединилась к подруге.

— Решаю вопрос в вашу пользу, — заключил майор.

На следующий день девушки прибыли на аэродром с вещами.

В мае летно-технический состав школы принял воинскую присягу. Инструкторам-летчикам присваивалось звание «сержант».

Таня думала: «Сержант Макарова, ты теперь полноправный защитник Родины. Родина подняла тебя высоко в небо, дала великую силу. Теперь твой долг — Родину защищать».

В первый набор курсантов попало много авиационных специалистов — техников, мотористов, прибористов, тех, кто изъявил желание освоить летное дело. В группе инструктора Макаровой — двенадцать курсантов. Некоторые старше своего инструктора, неплохо разбирающиеся в авиации люди. В отношениях с ними — особая сложность. Иной не прочь подшутить или поухаживать за молодой, веселой, красивой девушкой. И она должна была заставить не юношей, как в аэроклубе, а взрослых мужчин подчиняться ей беспрекословно.

Полеты начинались с рассветом. По звуку горна курсанты вскакивали с постелей, делали зарядку, завтракали. Таня ждала курсантов у самолета. Она старалась так уплотнить день, чтобы ни одна минута не пропала даром, чтобы не простаивала машина на земле, чтобы с самого начала курсанты привыкли не растягивать круг, заруливать правильно — по кратчайшему пути, не задерживаться с пересаживанием.

Когда курсанты первого набора стали летать самостоятельно, инструкторскому составу поручались курсанты нового набора. Для инструкторов проводились тренировочные ночные полеты. Таня никогда не пропускала возможности полетать ночью.

Занятые до предела, частенько усталые, девушки не забывали заботиться друг о друге, делиться опытом.

С легкой руки Тани все обязали курсантов завести тетрадки с подробным разбором личных ошибок. Эти своеобразные индивидуальные памятки Таня опробовала первой и убедилась в их пользе. Курсант лучше и быстрее осваивает практику полета, если ни одна его ошибка не остается без внимания.

Осенью вслед за первой и вторая группа курсантов Макаровой получила высокую экзаменационную оценку. И опять все были приняты в школу истребителей. Таня прощалась с ними гордая и немного грустная — они станут истребителями, на больших скоростях будут преодолевать безбрежные просторы…

Курсанты разъехались, и на несколько дней на аэродроме установилась тишина: инструкторам и техникам предоставили отдых.

Таня помчалась в Москву. Что бы ни было, хотелось повидаться со своими. По маме и Верушке она очень соскучилась. Мария вызывала теперь только сострадание.

Таня накупила гостинцев — конфет, яблок, орехов и, нагруженная кульками, замешкалась у входной двери, доставая ключ. Дверь открылась и без ключа — на пороге стоял Виктор с чемоданом.

— Здравствуй, Витя. Ты что, уезжаешь? Куда?

— Иду служить в армию.

— Да что ты? Ведь ты же учишься в институте. Как же так?

— Обстановка требует. Прости меня, Таня, я тороплюсь.

— Витя, милый, я пойду тебя провожать! Я сейчас, только брошу вещи.

И, не слушая возражений Виктора, она побежала по коридору к себе в комнату. Через минуту вернулась.

Виктора провожали отец и мать. Вчетвером они направились к трамваю. Таня разговаривала с Виктором, с матерью Виктора, смотрела на окружающих, на проносившиеся за стеклом дома и никак не могла прийти в себя. Что же это получается? Он уезжает. А она-то мечтала — теперь нечего скрывать — встретиться с ним и прямо сказать, что много хороших ребят ее окружают, а он для нее лучше всех. Она скучает без него — ведь они так редко видятся… И вот он совсем уезжает.

На сборном пункте было много народу. Стояли группками. Пели, смеялись, некоторые плакали. И уж тут Тане пришлось держаться — еще не хватало ей разреветься! Виктор чувствовал себя как-то неловко. Спешил распрощаться. Когда он решительно шагнул к Тане и протянул ей руку, она вдруг обняла его и поцеловала.

— Витя, ты будешь мне писать? Я прошу тебя, пиши! Ладно? Я буду ждать тебя, слышишь, Витя!

Виктор сияющими глазами смотрел на нее.

Их связывала первая юношеская любовь. Любовь, рождающая многие душевные качества человека. Мальчиком Витя по-мужски защитил слабенькую девчушку. А потом, когда эта девчушка вон куда махнула — в самое небо, ему стало трудно мириться с ее превосходством; ему все казалось, что он отстает. Не случайно он сказал: «Ползаю по земле». Нет, он зная, был твердо уверен, что на земле, как и в небе, можно делать доброе и красивое дело. Только сам он все еще на полпути к этому делу. Добьется своего, тогда и напишет ей…

В снегопад, в суровые морозы зимы 1941 года инструкторы ВАШПО неутомимо занимались с курсантами.

Сержант Татьяна Макарова, помня, как важна для летчика физическая закалка, была инициатором лыжных походов.

Впрочем, все инструкторы работали по-боевому. Задание — выпустить пилотов в мае — школа выполнила досрочно.

Однажды в комнате инструкторского состава, где заполнялась необходимая полетная документация, возник спор о летных качествах курсантов.

— Как твои новые молодые орлы, Танюша? — спросила Аня Малахова.

— Сто́ящие ребята. Ты знаешь, такие любознательные, живые,

энергичные. Просто прелесть, — ответила Таня.

— Ты подожди, Макарова, хвалить. Полеты покажут, кто живой и энергичный, — вмешался в разговор Павел Лузин. — Знаешь, как оно бывает: с виду орел хоть куда, а в полете мокрая курица.

— Брось, Паша! Любого человека можно научить летать, — с жаром сказала Валя Лисицына. — Только, конечно, не каждый станет летчиком.

И тут Таня вспомнила о Балабанове, с юмором, как она это умела, рассказала о нем товарищам, доказывая, что нет оснований «разводить теорию мокрых куриц». Потом в течение чуть ли не всего дня она вспоминала об этом своем первом трудном ученике, недоумевая и досадуя, почему вдруг посторонний человек так упорно занимает ее мысли…

Хотя какой же Балабанов посторонний, если он писал в письме ей: «Вы, мой учитель…» Как же можно считать посторонними теперешних курсантов, когда она знает, чем каждый из них дышит! Была раньше пословица: «Пуд соли вместе съесть». Что соль? Теперь новые измерения: сколько неба вместе излетано! Сколько вместе энергии у самого солнца взято! Вот разъедутся — и, может, не напишут, как не пишет она сама, как не пишет ей Виктор. А все равно везде свои, родные. Во всей огромной, с высоким небом, родной стране.

* * *

День начался обычно. В четырехэтажном здании школы с утра тишина. Хотя и воскресенье, все курсанты, техники и инструкторы на аэродроме: не упускалось ни одного часа летнего, светлого, благодатного времени.

Действительно, благодать: на небе — ни облачка. Зачем же подан знак приземлиться всем находящимся в воздухе самолетам? Зачем срочно собран весь личный состав?

— Товарищи, война…

Майор Поцейко и другие выступавшие могли пока лишь призвать к строгому соблюдению дисциплины и порядка, напомнить, что теперь долг каждого — удесятерить усилия по овладению летным мастерством.

Таня сразу стала проситься на фронт.. Ей казалось, что человек, вооруженный знанием летного дела, не имеет права сидеть в тылу. Она считала Подмосковье глубоким тылом, не предполагала, что не пройдет и месяца, как линия воздушного фронта будет подчас прямо над головой. В рапортах на имя

начальника школы инструкторы Макарова и Малахова просили, умоляли, требовали, чтобы им разрешили сражаться с ненавистным врагом, не жалея крови и самой жизни. Начальник задержался с ответом — девушки написали рапорты вторично. И тогда майор Поцейко вызвал их к себе в кабинет. Преисполненные решимости, шли в знакомую комнату подруги. Да знакома ли она? Узкие бумажные полоски, наклеенные крест-накрест на стеклах окон и балконной двери, казалось, заслонили весь свет. Лицо майора было серым. И голос непривычно глухим. Он сказал:

— Наша школа — это тот же фронт. Вы готовите кадры для фронта. Разве этого мало? Если все уйдут на фронт, кто будет готовить летчиков? Вы подумали об этом? Идите и подумайте.

Таня уходила в еще большем смятении чувств и мыслей — она действительно что-то неправильно оценивала. И поэтому росла тревога, недовольство собой.

Аня за порогом кабинета тяжело вздохнула и зашипела на подругу:

— Убедилась, что мы сдуру рапорта строчили? Начальство знает, куда нас определить… Майор-то аж поседел весь, за нас думаючи… Видела небось?

— Видела, — машинально ответила Таня. — Видела… Постой… Это он поседел от переживаний.

Девушки больше не писали рапортов, но желание защищать Родину не ослабевало. Учебные полеты не прекращались.

Нормальная жизнь школы продолжалась даже тогда, когда начались налеты фашистских стервятников на Москву. Днем курсанты летали, ночью дежурили в засадах. Москву охраняли наши истребители, зенитчики, аэростаты, но все же бывали случаи, когда вражеские самолеты прорывались к столице.

Натолкнувшись на стену зенитного огня, вражеские бомбардировщики зачастую сбрасывали свой смертоносный груз на поля и поселки Подмосковья. Падали бомбы и на аэродром, и на ближние дороги и перелески — туда, где дежурили курсанты и инструкторы.

Сержанту Макаровой, как и другим инструкторам, приходилось отвечать за подчиненных. Еще не угаснет скоротечный ослепляющий свет взрыва, а Таня уже перебегает от одного человека к другому: проверяет, подбадривает.

К сентябрю, когда курсанты закончили ускоренную летную программу ВАШПО и были отправлены учиться дальше, какое-то время охранять учебные самолеты, бензосклад, школу, ходить в засады пришлось одним инструкторам. Круглосуточно нужно было нести караульную службу.

Особенно трудным был пост у бензосклада. Среди бочек и цистерн с горючим, под небом, где в перекрестие прожекторов пойманы вражеские бомбардировщики, пойманы, обстреляны, но еще не сбиты, под этим зловещим небом, запрокинув голову, стоит человек. Стоит Таня. Колотится сердце. Видно: враг мечется, бежит… Куда бежит? Где вздумает сбросить бомбы? Радость — не дали злодею бомбить Москву! — сменяется тревогой: если сюда попадет хоть одна зажигалка, то и с ней не успеешь справиться. Среди бочек и цистерн ты — одна. И все-таки пусть враг летит сюда! Здесь — боец противовоздушной обороны. Как здорово, что, может, кто-нибудь из ее учеников там, в небе, заставил затрепетать врага, отступить, не сбросить запланированную смерть на таких, как мама, сестры Верочка, Мария. Не твой выдуманный бог охраняет тебя, старшая сестра! Младшая — сержант Татьяна Макарова на своем посту!

На смену ей идет сержант Валентина Лисицына.

Валя Лисицына как-то поделилась с товарищами переживаниями. Оказывается, она больше всего боялась… пустых бочек.

— И ничего смешного нет, — поспешила разъяснить она. — Сколько на складе, да и везде, валяется бочек из-под бензина? В темноте за каждой мерещится фриц. Думаешь: приземлились, притаились и…

— …Не иначе нашу Валечку окружают для пленения, — подхватила Аня Малахова.

— Я тебе сказала: не смейся! Боюсь. И Таня твоя боится… сама призналась. А вообще она — человек. Душа человек.

Лисицына вспомнила, как поздней ненастной ночью разводящий привел наряд караула к тому же бензоскладу. Издалека окликнул хриплый женский голос:

— Стой! Кто идет?

Разводящий отозвался и повел Валю на смену часовому. Сменяемым часовым оказалась Таня Макарова — по голосу ее невозможно было узнать. Она тихонько пожала холодной рукой руку Вали, сказала:

— Вон там стоят бочки. А вон там все время от ветра колышется брезент. Ты не пугайся. Я, пока не сообразила, обмирала. Фашист, думала, подбирается…

В конце сентября 1941 года фашисты подошли совсем близко к Москве. Вокруг аэродрома протянулись траншеи с окопами, противотанковые рвы, проволочные заграждения. Но приказа об эвакуации школы не было, и учеба не прекращалась; все светлое время суток над аэродромом гудели моторы. Часто учебные самолеты находились в воздухе, когда рядом завязывался

воздушный бой. Наши истребители схватывались с фашистскими, били зенитки, а По-2 летали от зари до зари.

2 октября, после очередной посадки, когда Таня собиралась вызвать в полет следующего курсанта, на крыло самолета поднялся командир звена.

— Товарищ Макарова, вас вызывают в штаб! Идите. А я полетаю с вашими курсантами! — в самое ухо прокричал он.

— Зачем? После полетов нельзя нагоняй дать, что ли?! — недовольно бросила Таня, предполагая, что начальство вызывает ее для выговора за срезанный круг. — Пусть не развозят круги на двадцать километров, тогда и срезать не буду.

— Уж не знаю, зачем вы понадобились. Стало быть, важное, коль приказали с полетов снять.

Таня, раздосадованная, выскочила из кабины и побежала к машине-полуторке. В кузове уже сидели Аня Малахова, Валя Лисицына, Рая Сурначевская и Лиля Тормосина.

— В чем дело, девушки? Вас тоже вызывают?

В это время подошли еще трое — Клава Нечаева, Инна Лебедева и Лина Смирнова.

— Ого, весь женский персонал в сборе! — воскликнула Клава Нечаева. — Значит, что-то особенное случилось!

— Конечно, неспроста всех вместе… Может, запретили женщинам служить в военной школе?.. — высказала предположение Аня.

— А ты не каркай! — сердито крикнула Валя Лисицына. — Что, мы хуже мужчин работаем?!

— Не спорьте вы, девчонки, сейчас все узнаем.

— Герой Советского Союза Марина Раскова формирует женскую авиационную часть и всех вас, девушки, вызывает к себе, — сказал майор Поцейко. — Вот и исполняется ваше желание, товарищи Макарова и Малахова.

Девушки распрощались с начальником школы и, как были на полетах, прямо в комбинезонах, отправились в академию имени Жуковского, в распоряжение Расковой.

Начинался новый этап по-настоящему взрослой Таниной жизни.

7. ЭКИПАЖ МАКАРОВОЙ — БЕЛИК

27 мая 1942 года женский полк под командованием Евдокии Давыдовны Бершанской прибыл на фронт и вошел в состав 218-й авиадивизии. Командир дивизии полковник Попов проходил перед строем, всматривался в юные девичьи лица и думал: «Какие же это воины? Это же просто девчушки, что с них возьмешь! Как они справятся с самолетом над целью? Под огнем противника?!»

Началась боевая работа, и сомнения командира дивизии рассеялись: полк оказался полноценной боевой единицей.

С первых вылетов особо зарекомендовал себя экипаж Макаровой — Белик; пилот и штурман превосходно взаимодействовали.

Подружились девушки еще во время подготовки к фронту. Таня по натуре была доброжелательна и быстро сходилась с людьми. Общность интересов, существенных интересов, была для нее самым главным; она умела простить и даже не заметить мелкие недостатки характера. На стремление прийти на помощь каждому многие отвечали ей искренней привязанностью.

С далекой аэроклубовской поры Таня дружила с Аней Малаховой. Аня трагически погибла в учебном отряде: темной ночью потеряла пространственное положение, и пилотируемый ею самолет врезался в землю. Эта смерть потрясла девушек. Особенно Таню. Какая-то неразгаданная ошибка, может быть, мельчайшая промашка в расчетах — и до сражения, задолго до вступления в бой с врагом на сержанта Малахову послали домой похоронку. Обидная, нелепая смерть.

Таня переживала гибель подруги и не знала, с кем поделиться горем: они еще не были тогда душевно близки с Верой, хотя в летном деле Веру Белик — знающего штурмана — летчица Макарова восприняла сразу как бы частицей себя самой. Поработав недолго рядом, стала говорить за двоих: «Мы сделаем», «Здесь нам следует поднажать», «Это у нас пока не получается», «Мы своего добьемся» и даже смешное «Ай да мы, спасибо нам». Причем это «спасибо» чаще всего выражало неодобрение. Вера очень боялась Таниного неодобрения. А выражение это любила, как любила в Тане все.

Вера Белик, как Таня, как многие тысячи советских девушек, пошла на фронт добровольцем. Только у Тани была и до войны профессия летчика, а Вера до войны училась в самом мирном институте — педагогическом.

Выросшая старшей девочкой в рабочей семье, Вера умела трудиться. И в своем командире экипажа в первую очередь

отметила и оценила именно это качество, хотя и другие ее качества прямо-таки покоряли. У Тани, конечно, был летный талант. В представлении Веры именно Макарова была настоящим летчиком: стройная, собранная во всех движениях, будто подчиненная внутреннему ритму. По походке — легкой, танцующей — ее можно было узнать издалека.

У Веры была мягкая красота украинки: темные волосы, белая кожа, которую не брал никакой загар. Плавные жесты. Неторопливая речь.

Хотя обязанности пилота и штурмана легкого По-2, предназначенного для ночных действий, считались одинаково сложными, Вера хотела быть похожей на Таню.

…После похорон Ани Малаховой, видя, что Таня ходит сама не своя и даже почерк ее полета вроде бы изменился, Вера набралась смелости и, как старшая, сказала командиру:

— Ты не отчаивайся, Танюша…

В простых этих словах было столько участия, что все время крепившаяся Таня ткнулась головой в колени Веры и заплакала.

— Если бы ты знала… если бы знала… ведь именно Аня была подругой моей летной юности. А летать для меня — все! — И тут же поправилась: — Нам летать и бомбить теперь вдвойне надо. Ани-то нет… И не от какой-нибудь пули гитлеровской она погибла, а все равно они виноваты… Вдвойне… втройне нам бить их, Верок.

— Получат сполна, — твердо сказала Вера.

С первых же дней, вернее, ночей на фронте девушки с честью выполняли свой долг.

Боевые задания ставились полку самые разнообразные: бомбили железнодорожные эшелоны противника, огневые точки, взрывали мосты и переправы, уничтожали танки, автомашины, склады с горючим и боеприпасами. Экипаж Макаровой — Белик скоро стал по праву считаться экипажем снайперских бомбовых ударов.

В пылающем июле 1942 года летчик Татьяна Макарова подала заявление в партию.

Пишущей эти строки довелось быть принятой в партию в один день с Таней. Помню, заседание партийного бюро было назначено на 12 часов. Минут за пятнадцать я подошла к штабной землянке и у входа увидела Таню.

— Ты чего тут сидишь?

— На бюро пришла, мое заявление будут разбирать, — каким-то скучным тоном ответила Таня.

— И меня сегодня будут принимать в партию. Ты давно ждешь? Кто там, в землянке?

— То-то и оно, что никого нет. Я пришла в одиннадцать, а там никогошеньки. Может, не состоится бюро… Ты ничего не слыхала?

— Еще нет двенадцати… — сказала я, взглянув на часы, и подумала: «Не станет наша Мария Ивановна, наш партийный секретарь, запаздывать, ведь дисциплина у нее в крови. Она столько лет была комсомольским вожаком, научилась понимать душу каждого молодого человека. Она знает, как сейчас волнуется Таня, волнуюсь я… Не может она запоздать!»

И верно, они уже шли: старший лейтенант Мария Ивановна Рунт и члены партбюро — комиссар Рачкевич, инженер Ильюшина, командир полка Бершанская, летчица Надя Тропаревская и мастер по вооружению Саша Акимова.

Всем понравилось проникновенное Танино заявление. Парторг сказала, обращаясь к Тане:

— Вы правильно привели слова Маяковского. Вступающий в нашу великую Коммунистическую партию должен чувствовать себя «революцией мобилизованным и призванным». Идейная убежденность помогает нам крепче держать боевое оружие. Поздравляю вас с приемом в ряды партии.

На партийном бюро можно было бы ответить и другими словами, но Таня ответила по-воински:

— Служу Советскому Союзу!

Радостно взволнованные, шли мы к своим самолетам.

— По такому торжественному случаю пир бы закатить на весь мир, — заговорила Таня. — Да только обстановка не та. Эх, дали бы сегодня цель хорошую, мы бы устроили фрицам!

— Целей на нас с тобой хватит, подружка. Не промазать бы… Вдруг с радости глаза косить станут.

— За это беспокоиться нечего. Если Вера взяла на мушку, то, считай, капут гадай! Правда, Верок?

Но Вера не ответила: она лежала в тени самолета с закрытыми главами.

Техник Зина Радина, увидев Таню, крепко обняла ее:

— Поздравляю тебя, Танюша, с приемом в партию. Ты у нас, командир, самый настоящий коммунист.

Таня застенчиво улыбнулась:

— Пока меня приняли кандидатом…

— Это уж как полагается, — рассудительно заметила Зина и кивнула на распростертую фигуру штурмана: — Разбудить бы… Уж так она тут за тебя переживала… так волновалась. А потом свалилась камнем и, наверное, спит.

Тане самой не терпелось разбудить Веру. Да жаль было будить, ведь сон для них, бодрствующих по ночам, так дорог!

А Вера не спала — просто она не находила сейчас слов для разговора, в голове была одна мысль: «Вот сначала Таня, как самая достойная, потом — я, мы будем коммунистами».

8. НОЧЬЮ И ДНЕМ

Вскоре полк перебазировался. И сразу ответственная боевая задача — бомбить огневые точки противника в пункте Матвеев Курган. По подтверждению других экипажей экипаж Макаровой — Белик уничтожил там две артиллерийские точки со всей прислугой.

В станицу Ольгинская, под Ростовом, в полк прибыл начальник политотдела для вручения партийных документов.

Фашисты бомбили Ростов. Ухали взрывы. Город горел.

На противоположном берегу Дона Таня и другие летчицы и штурманы сидели под обрывом в глубоком молчании. Их фанерные самолеты стояли на площадке, замаскированные ветками. В любую минуту их могли обнаружить вражеские разведчики.

Тот день был одним из самых тревожных и горьких, и даже радостное событие — получение партийного билета не могло заглушить боль сердец.

В тот день гитлеровские войска прорвали линию нашей обороны на реке Миус и начали наступление на юг страны. Все перемешалось. Трудно было определить, где свои, где враг… Ночники в полной готовности до рассвета ждали боевой задачи. Но так и не дождались: под утро был объявлен «Отбой».

Личный состав полка размещался в сарае, прозванном кем-то гостиницей «Крылатая корова».

Командир полка Евдокия Давидовна Бершанская торопила:

— Всем в «гостиницу». Спать немедленно.

Не раздеваясь, девушки зарылись в сено и заснули беспокойным сном. Через два часа, когда полк был поднят по тревоге, они с трудом узнавали друг друга: лица как в маске — вся кожа в красных пятнах от комариных укусов.

Вскоре полк вылетел на новую точку, отступая на Северный Кавказ.

Невыразимо труден путь отступления. Тяжко и больно оставлять врагу родную землю. А сколько горечи испытывает человек, имеющий оружие и все-таки вынужденный отступать!

Оставляя горящие Сальские степи, полк чуть ли не ежедневно менял площадки базирования — разве назовешь аэродромом неблагоустроенный клочок поля? Как еще удавалось взлетать без аварий!

…Темная ночь окутала землю. В подсвеченную снизу пожарами и потому будто спрессованную непроглядную мглу ушли на задание все самолеты. И вдруг появился командир

дивизии Попов, приказал Бершанской:

— Поднимайте полк по тревоге и перелетайте на новую точку. Приближаются танки противника.

— Все самолеты ушли на задание, товарищ полковник, — доложила Бершанская. — Вернутся минут через сорок, не раньше.

— Оставьте несколько техников для встречи самолетов. Остальных отправляйте в станицу Воровское.

Через несколько минут техники, вооруженцы, персонал штаба выехали в нужном направлении. Шофер бензозаправщика без приказа двинулся вслед за ними, исчез в темноте.

Обнаружила отсутствие бензозаправщика Бершанская.

— Товарищ Озеркова, вы отпустили бензозаправщик?

— Нет, не отпускала, — подбежала к Бершанской инженер полка Озеркова. — Наоборот, я предупредила шофера, чтобы не уезжал.

— Сбежал, струсил, подлец! — ахнул Попов. — Где ваша легковушка?

Он вскочил в машину и помчался вдогонку, готовый расстрелять уехавшего. Но не расстрелял, только повернул обратно: ведь другого шофера не было, а бензин требовался полку как воздух — один за одним возвращались с боевого задания самолеты.

Летчицы не удивлялись, что их не встречали, как обычно, свои техники и вооруженцы. Обстановка была ясна. Куда ни кинешь взгляд — всюду пожары. Горят села, горит неубранный хлеб на полях, горят скирды сена, даже на высоте полета — удушающий дым и чад. Но дым не мог скрыть танки и тягачи, ползущие по дорогам. Враг близко, совсем рядом.

С непостижимой быстротой заправляли каждый возвращающийся самолет девушки-техники. Бершанская прямо на вздрагивающей плоскости объясняла экипажу маршрут и опознавательные ориентиры нового аэродрома.

Лишь один самолет невозможно было отправить. Экипаж Крутовой попал под обстрел, самолет получил повреждение, в результате чего во время посадки отвалились патрубок и тяга цилиндра. А на ремонт времени не было. Чтобы самолет не достался врагу, инженер-капитану Озерковой и технику Ире Кашириной Бершанская приказала подорвать его.

Последней взлетела командир полка. С комиссаром эскадрильи Карпуниной уехали на машине остальные — все, кроме Озерковой и Кашириной.

— Я ведь так за ним ухаживала… — тихо говорила Ира. — А сейчас своими руками для взрыва готовлю.

— Разве лучше его целеньким фашистам оставить? — строго

спросила Иру Озеркова.

На минуту притиснутые взрывом к земле, девушки встали, обошли «хозяйство», удостоверились, что на аэродроме действительно никого и ничего не осталось. Задание они выполнили. Но сами оказались отрезанными от своих; около месяца Озеркова и Каширина пробирались по территории, занятой гитлеровцами, пока наконец под Моздоком им не удалось перейти линию фронта и разыскать полк.

Машина с техниками, последней ушедшая со злосчастного аэродрома, тоже задержалась в пути. На новый аэродром еще затемно перелетели самолеты, пришли на рассвете машины с бомбами, масло- и бензозаправщики. А последней машины все не было. Послали на розыски экипаж Екатерины Пискаревой. Катя возвратилась через несколько часов; кроме штурмана у нее в кабине сидела техник Евполова.

— Молодец, Пискарь, разыскала! — закричала Таня и осеклась: троих прилетевших было трудно узнать — они почернели от усталости и переживаний.

Катя рассказала, что произошло. Вдоль дорог непрерывно летали «мессеры», обстреливали наши отступающие войска и мирных жителей, вынужденных бежать из горящих селений. «Мессеры» принимались гоняться и за Катей, но ей удавалось садиться, скрываться в подсолнухах, в молодых посадках. Улетал преследователь, и она опять взлетала, кружила, пока не нашла свою автомашину… Катя сразу же села, чтобы предупредить своих — они ехали не в ту сторону. Но здесь налетели два «мессера» и прямо на глазах обстреляли бросившихся врассыпную девушек. Машина загорелась. Девушки попадали. «Мессеры» скрылись. Катя приблизилась к подругам и в растерянности остановилась. Без движения, ничком, прикрывая своим телом убитого мальчика, лежала Леля Евполова.

— Лелечка! — закричала Катя. — Ты жива? Девушки, кто живые? Подъем!

А сама упала рядом с Лелей на колени. Леля повернула залепленное кровью и землей лицо, приподнялась и вместе с Катей подняла безжизненное тело мальчика.

— Что за мальчик? — спрашивала Катя.

— Мы на дороге его подобрали… Возле убитой матери. Когда машину нашу стали обстреливать, я вместе с ним спрыгнула и побежала. И вот не уберегла… У, гады! За все, за все нам ответите! — Леля потрясла кулаком в направлении удалявшихся «мессеров».

— Девчата, нельзя терять ни минуты, — встрепенулась Катя. — Враг движется быстро. Машина ваша сгорела. До

аэродрома осталось километров восемь… Идите пешком. А то к вечеру мы вылетаем на новую точку. У меня в кабине штурман. Могу взять еще одного человека.

— Евполова, полетите вы! — распорядилась комиссар эскадрильи Карпунина. И тихо добавила: — Ей больше всех досталось… с парнишкой. Она еле на ногах держится. А мы — пошли!

Девушки быстро зашагали по указанной Пискаревой дороге. Катя прилетела на аэродром и доложила обо всем командиру полка.

После доклада к Кате подскочила Таня, обняла ее за плечи, растрепала слипшиеся от пота и копоти белокурые волосы, сказала:

— На, Пискарь, затянись. Давно не курила, правда?

У Тани уже была скручена в палец толщиной махорочная цигарка. Наготове держала она и спичку.

* * *

Станица Воровское вся в садах. Деревья были усыпаны крупными розовобокими абрикосами. Хозяйки наперебой зазывали летчиц в сад, в хату, расстилали, как для самых дорогих гостей, расшитые рушники, угощали. Абрикосы приносили корзинами, ведрами. Да не лезла в горло сочная, сладкая мякоть.

— Если совесть у нас есть, Верочка, то не может быть аппетита, — невесело говорила Таня. И тут же заставляла Веру обязательно съесть абрикос или яблоко: — Налегай на витамины, штурман. Витамины обостряют зрение.

— И откуда ты все знаешь?

— Что «все»?

— Ну про витамины…

— Э, штурман! Я же училась на кондитера, ты что, забыла?

Вере хватало подобного объяснения. А Таня задумывалась: сама удивлялась, что была у нее когда-то столь мирная профессия. Вот Катя и Леля рассказывали об убитом мальчике, и он, никогда не виденный, представлялся живо, как сестренка Верушка… Маленький — Верушка-то уже выросла, — беспомощный, около убитой матери. Девочки правильно сделали, что взяли его с собой. Леля своим телом его прикрывала… Разве виновата, что не уберегла?! Одна пуля в висок. «Прямо между пальцев прошла», — показывала Леля свои вздрагивающие руки. Убит маленький мальчик. Убита его мать. Все равно как если бы ее, Танина, мать была убита, бессильная и безоружная…

Таня любила летное дело, потому что оно умножало человеческие силы, расширяло границы их применения. Сейчас все силы — на разгром врага. Специфика действия ночных бомбардировщиков не всех сводила с врагом с глазу на глаз, как Катю Пискареву и девушек-техников с разбитой машины. Но все стремились сделать как можно больше боевых вылетов, чтобы нанести как можно больше смертоносных ударов по захватчикам.

Во время отступления, когда не было данных о линии боевого соприкосновения, летчицы бомбардировочного полка часто вылетали на разведку.

Катя Пискарева стала прямо-таки одержимой. Она говорила, будто бы шутя, что научилась вести разведку и с земли, и с воздуха, но что ее тянет к матушке-земле и она не стесняется для проверки собранных данных лишний раз приземлиться. Приземления у нее случались подчас удивительные.

Послали Катю доставить пакет с важным донесением в штаб дивизии. Катя прилетела в назначенный пункт и, чтобы побыстрее добраться до штаба, села на западной окраине деревни прямо на улице. Не успела она сделать и нескольких шагов от самолета, как увидела мчащиеся танки. Раздумывать и проверять, чьи это танки, не было времени; вроде свои, раз в деревне размещается штаб дивизии… Но почему они мчатся во весь опор к самолету?! Катя повернулась и тоже бросилась к самолету. Штурман Рая Аронова выпрыгнула из кабины, приготовилась к запуску мотора. Катя — в самолет, завертела ручку магнето. Запустился мотор с пол-оборота. И это спасло их. Штурман почти на ходу забралась в кабину. Катя взлетела. Вслед самолету понеслись выстрелы — танки оказались фашистскими.

Катя не растерялась, подсчитала их, заметила, с какого направления прибывают, и, возвратившись в полк, обо всем увиденном доложила.

— Очень ты верткая, Пискарь. За тобой не угнаться, — говорили ей подруги. — Не в разведку тебя посылали, а ты разведданные привезла.

— Эх, нам бы с Верой по этим твоим танкам шарахнуть! — вставила Таня. Ее желание вполне могло осуществиться: ночники то и дело получали задания бомбить скопления вражеской техники.

А Пискарева попала, как она невесело шутила, «в полосу дневной работенки в качестве извозчика». Поручили Кате отвезти врача дивизии на другой аэродром. Полетела. Под самолетом — голая равнина, ни овражка, ни лесочка, где бы можно было спрятаться в случае появления вражеских истребителей. Пискарева летела бреющим так низко, чтобы только колесами не

зацепиться. И все же «мессер» углядел. Спикировал и дал очередь. Катя метнулась в сторону. Очередь прошла мимо. Истребитель взмыл вверх, разворачиваясь на второй заход. Катя, как говорится, прямо перед собой посадила самолет и в конце пробега выскочила на крыло.

— Скорее вылезайте и бегите подальше! — крикнула она пассажиру и сама бросилась прочь.

Истребитель уже пикировал. Катя, успев отбежать всего несколько метров, упала на землю. Над головой прошла противная пулеметная строчка. Голова тут же непроизвольно поднялась. Катя была полна тревоги: как там пассажир? как самолет? Врача в кабине уже не было, он резво бежал от самолета. Катя закричала, подбадривая:

— Скорее дальше!.. Дальше!

«Мессер» сделал еще огненный заход по самолету. Катя не верила своим глазам: родная ее маленькая зеленая птичка стояла невредимой. Минутная слабость удерживала девушку распростертой на земле, она не решалась подняться. «А вдруг еще раз зайдет…»

Нет, враг скрылся окончательно.

Теперь Катя увидела, что врач гораздо резвее бежит уже к ней. «Что за безобразие, чего же я валяюсь?» Катя встала, с достоинством отряхнула пыль и приставшие и комбинезону травинки, подошла к самолету, осмотрела его и сказала спокойным тоном:

— Удивительное дело! Кабина и плоскости пробиты, а мотор цел. Это не летчик на нас напал, а сапожник. С трех заходов не смог самолет уничтожить. Тяпа…

— Вы вроде бы недовольны, — усмехнулся врач. — А может, он и не хотел вас уничтожать…

— Э, нет! Такого, доктор, не бывает. Он нас не уничтожил просто потому, что не умеет стрелять. Попался юнец… Во всяком случае, нам повезло. И давайте-ка улетать отсюда!

С помощью врача Катя запустила мотор и быстро добралась до пункта назначения. Там, высадив одного пассажира и ожидая другого, она решила замаскировать самолет в кустах: тянула его за хвост, укрывала ветками и так захлопоталась, что услышала гул мотора, только когда совсем рядом плюхнулся с ходу самолет УТ-2. Летчик выпрыгнул из кабины — и под крыло; на его УТ-2 пикировал «мессер». Отвизжала одна очередь, зашел второй истребитель. УТ-2 вспыхнул. Истребители противника скрылись за облаками.

Катя выбралась из кустов и кинулась к летчику, который лежал без движения под горящим самолетом. Подбежали еще

люди, вместе с Катей подняли летчика, отнесли в сторону — самолет в любую секунду мог взорваться. Катя твердила:

— Со мной прилетел доктор. Я привезла доктора.

Но нужды в докторе не было — летчик был мертв.

— На земле, рядом со мной, его убили, гады! — сокрушенно говорила Катя солдату, заправлявшему горючим ее самолет.

— И на земле, и в небе страсть сколько побили! Думаешь, тебя в небе не убьют? — мрачно спросил солдат.

Катя обозлилась:

— Ни о чем я таком… не думаю. А вот ты подумай, умно ли говоришь?

— Вы — товарищ Пискарева? — спросил подошедший офицер. — Полетим с вами в район Ставрополья. Нужна срочно уточнить линию фронта. У вас все в порядке?

— Не будем считать пробоин, — сказала Катя. — Мотор тянет. Бензином заправили. Можно вылетать?

— Да. И чем скорее, тем лучше.

И Катя полетела с офицером — работником штаба дивизии. Снова пришлось лететь над самой землей, прятаться по балочкам и овражкам, если они, на счастье, встречались в пути, зорко наблюдать за воздухом, чтобы в случае опасности вовремя сесть. Шли от деревни к деревне. Над иной, занятой противником, кружили, чтобы высмотреть скопление танков, артиллерии.

Лишь к вечеру возвратилась Катя на свой аэродром. Самолет поступил в заботливые руки Техника Лели Евполовой. Пискарева доложила о событиях дня начальству и, когда Бершанская разрешила отправиться отдыхать, стала просить не отстранять ее от ночных боевых полетов.

— Товарищ командир, ведь я сегодня своими глазами видела фашистов. Знаю их размещение и места скопления. Как же я могу сегодня не лететь на боевое гадание? Именно я должна обязательно лететь…

— Вы же устали за день, товарищ Пискарева. Да и самолет ваш, как вы сказали, имеет пробоины.

— Товарищ командир, какие же это пробоины? Техник их так позаклеит, следа не найдешь. А устала? Кто теперь не устал? Вы только разрешите мне сразу и обед, и ужин съесть… — неожиданно заключила Катя.

Бершанская улыбнулась доброй своей улыбкой, которую каждая девушка в полку воспринимала как материнскую:

— Проголодалась? Разрешаю: сразу и обед, и ужин. Но только чур в воздухе не уснуть! Спать на земле. Договорились?

— Есть, товарищ командир, — щелкнула Катя каблуками неуклюжих своих сапог, — спать не в воздухе, а на земле!

Встретившись через несколько минут с Таней, Катя вроде бы совсем не к месту повторила эту фразу. А Таня поняла, сказала:

— Тебе, значит, не спать сегодня ни в воздухе, ни на земле. Выпросила задачку? Да?

— А ты бы не выпрашивала? Нет? Молчи уж, я тебя знаю. Пойдем-ка, я подзаправлюсь немного и тебе некоторые детали обрисую. Я ведь там все высмотрела. Пригодится.

Крепкая дружба объединяла девушек полка. Помогали друг другу советом, рассказом — что видели, что заметили. Соперничество разгоралось лишь по поводу того, чтобы первой идти на задание, каким бы трудным и опасным оно ни было, и, конечно, сделать побольше боевых вылетов.

Танина смелость обусловливалась предварительным вдумчивым трудом — проработкой маршрута, собиранием и запоминанием всяческих ориентиров. Не случайно именно с Таней Макаровой делились многие своими впечатлениями, подобно Кате, «обрисовывали детали».

На разведку войск противника днем Таня чаще всего летала со своим штурманом Верой Белик. Если приходилось лететь с кем-нибудь другим, то все равно Таня с Верой вместе склонялись над картой. Вера производила какие-то расчеты, приговаривая: «Ах, это типичное не то…» — или радовалась: «Вот это возьмем за основу».

Девушки при расставании обходились без лишних слов. Просто одна спросит:

— Пошла?

Другая ответит:

— Пошла!

Не разрешала себе Вера и волноваться в отсутствие любимого командира. Но все знали: волновалась очень. Она становилась даже какой-то удивительно похожей на Таню: могла шутить, а глаза — печальные-печальные.

Как-то Таня вылетела на разведку и уточнение линии фронта в районе города Минеральные Воды. В задней кабине сидел оперативный работник штаба армии. Самолет несется на высоте одного-двух метров над землей по широкой долине. Слева тянутся невысокие холмы, справа — ровное плоскогорье. Чтобы не заметил с воздуха противник, надо как можно теснее прижиматься к земле, вести непрерывное наблюдение: видеть каждую точку в небе, каждый кустик внизу.

Таня заметила на горизонте две черные точки. Они росли, приближались. Настоящим спасением оказалась маленькая рощица. Таня посадила самолет и вместе с офицером подтащила его под деревья. Истребители пронеслись, не заметив.

Снова взлетели, и снова через несколько минут пришлось садиться. Таня невольно вспомнила Катю Пискареву: «Действительно, мы с тобой, подружка, становимся какими-то наземниками». Кругом стояла неухоженная — пополам с бурьяном, — неубранная пшеница. Зерно уже высыпалось; пустые колосья жалко топорщились, кололи лицо и руки. Ничего-то не было в этом неказистом поле хорошего. А Таня думала о нем с нежностью: «Вот доброе полюшко попалось…» Фашисты опять не заметили самолет.

Вообще, они будто играли: то уходили, то появлялись — сновали на просторе в безбрежном океане неба. А она, летчица Татьяна Макарова, вынуждена была прятаться, прижимаясь, припадая к самой земле, выискивая затененные ложбинки и балочки, или и вовсе то и дело садиться и тащить самолет, который только в воздухе легок и резв, тащить его, обливаясь потом, под деревья — маскировать, укрывать, как краденое… Фашисты — разбойники и грабители, и от них же прячься!

Обидно, но прятаться пока необходимо. Таня мобилизовала всю свою волю, всю свою зоркость.

И все-таки уберечься до конца не удалось. Когда офицер штаба собрал все нужные сведения и с этим драгоценным грузом они возвращались, пара истребителей, вывалившись ив-за облаков, атаковала беззащитный самолет.

Нет, Таня не считала его беззащитным. Увидев, что сзади на нее пикирует истребитель, она круто развернулась. Пулеметная очередь прошла мимо. Противнику оставалось карабкаться вверх и опять пикировать. И опять Таня повторила тот же маневр. Истребитель проскочил, впустую рассеивая огонь. Истребителей было два, а действовал только один: он разворачивался для нового захода. Таня выключила мотор и приземлила самолет.

Одновременно и она, и офицер штаба бросились в разные стороны и залегли. Над головой у Тани просвистели пули. Она смотрела на свой самолет. «Только бы не сжег… только бы не сжег».

Это была последняя атака нахального истребителя. В небе появилась пара «ишачков». Один фашист бежал сразу. Второму наши И-16 навязали бой. Он был коротким; стремительными атаками И-16 послали «мессершмитт» вниз. Там, где он упал, взметнулся столб черного дыма.

Таня вскочила. Она бежала к своему самолету и смотрела в небо, на друзей-истребителей, так вовремя подоспевших на выручку. Истребители приветственно покачали крыльями: «Продолжай путь, братишка! Враг побит». Им же и в голову не приходило, что они помогли сестренке.

Таня занялась осмотром самолета. Первое, что она заметила, — это вытекающий тоненькой струйкой бензин. Вначале предположила, что открылся кран, но, когда зашла со стороны мотора, увидела: бензобак пробит. Таня заткнула пальцем пробоину: «Вот горе! Как же с пробитым баком лететь? Хоть и недалеко, всего несколько минут полета, а вспыхнешь, как спичка. И хватит ли бензина?»

Подошел офицер улыбаясь:

— Живы мы и здоровы…

Таня сказала спокойно:

— Пробит бензобак. Соорудить бы… какую-нибудь пробку…

— Большая пробка нужна? — Офицер посмотрел на Танин побелевший от напряжения палец: — Сейчас попробую поискать палку, деревяшку. А вот на центроплане пробоины, это ничего?

— Ничего! — сказала Таня. — Главное — ищите палку.

Офицер отправился разыскивать по полю какой-нибудь подходящий для пробки материал. Скоро он притащил сухую корягу и принялся выстругивать из нее пробку. Делал это ловко, пробка получилась отличная. Забили ее на совесть. Таня восхитилась:

— Техника! Правда?

Но начали запуск — мотор не работал.

— Дело труба, — сказал офицер.

Таня снова молча осмотрела каждую деталь. И обнаружила пробитую свечу цилиндра. К счастью, в бортовой сумке нашлась запасная. Свечу заменили, и мотор заработал.

Осмотрев воздух, Таня взлетела. Через двадцать минут они приземлились на своем аэродроме. Задание было выполнено.

Офицер поблагодарил летчицу за смелость, находчивость и выдержку, проявленные в ответственном полете, и попросил командование полка занести благодарность в личное дело Макаровой.

Это заслуженное поощрение не обрадовало Таню. Она, конечно, приняла от подруг поздравления — в ту пору благодарность в личном деле была событием. Но в задушевную минутку наедине с Верой сказала:

— Когда всем горько, зачем же меня-то баловать?! Потом несправедливо: все девушки не меньше делают. Нельзя меня выделять.

Вера ответила раздумчиво:

— Всегда мне кажется, что правильно ты, Таня, рассуждаешь. А сейчас нет. Не знаю, как тебе это объяснить… Благодарность? Награда? Ведь это не только приятно тебе… Это напоминание всем нам делать дело еще лучше.

Таня взглянула на Веру острым, серьезным взглядом, сказала без улыбки:

— Штурман, ты и есть штурман! И тут ты как положено направила.

9. ЗА ЛЮДЕЙ УМЕРЕТЬ ГОТОВЫ

Двоюродная сестра Веры Белик, Анна, в войну приютилась у родственников мужа в станице Ивановской. По хозяйству справлялась, пасла корову по бурьянам в проулках — страшно было пойти с нею в степь, отбиться от жилья, от людей. С народом как-то спокойней. Народу в Ивановке густо: кроме беженцев, как сама Анна, и местных еще целый летный женский полк на постое.

Хотя земля гудит от дальней канонады, иногда прямо-таки вздыхает под ногами, а все думается: коли вон по тропочке идет девушка в военной форме, ладная такая, подбористая, сразу видно — боевая, и беззаботно кувшинчиком помахивает — за молоком собралась, — значит, нет пока настоящей опасности. Не впервой. Анна видит девушку, лица, правда, не разобрала — по стати запомнила. Красавица! Молоденькая.

Ни с того ни с сего женщина дернула поводок коровы, взмахнула хворостиной. Ох, война — горе лютое! До слез дорога незнакомая девушка. А ведь что может быть?! Вернется она сейчас к своим подружкам, попьют они вместе парного молока, любая хозяйка и сливок нальет, не пожалеет — холодные сливки с погребицы тоже хороши. Словом, поужинают девушки.

Каждую полночь идет работа. В темноте начинают урчать моторы. Сначала по земле волна тревожного, приглушенного урчания прокатится, потом в небо взмоет и потонет вдали. Вся станица знает: «Ушли на задание». В самое пекло улетают еженощно девчоночки каких-нибудь семнадцати-восемнадцати лет от роду. Добровольцы. Как сестра Вера.

Где-то ты, Верочка?

Рано оставшись сиротой, выращенная Вериными отцом и матерью, Анна считала Веру родной сестрой. Но война раскидала, разбросала родных. О Вере известно лишь в общих чертах. Из Москвы, из института, куда поступила после школы первой из семьи Беликов, Вера попросилась на фронт. Письма ей нужно теперь адресовать: «Действующая армия. Полевая почта №…»

Необъятен фронт. Неизвестно, где, в каком огненном поле такой номер почты. Да и что напишешь Вере, самоотверженно любящей близких, если сама ничего не знаешь о них.

Вспомнилось почему-то, как несла Вера во время обеда — за столом семеро ребятишек мал мала меньше — с мангала во дворе кастрюлю перлового супа и обварилась. Споткнулась, кастрюлю к себе прижала и — плеснула на грудь… Впопыхах ожог солью вместо соды присыпали. А Вера успокаивала мать: «Не

волнуйтесь, мама. Садитесь, кушайте». А с сестренками, плакавшими за нее в три ручья, нашла силы шутить: «Так и знайте, будет у нас жидкий суп. Очень вы его слезами разбавляете». На Лиду, слишком расчувствовавшуюся, прикрикнула: «Какой ты младшим пример подаешь?»

Сама Вера всегда была примером. Даже мальчишки к ней прислушивались, у нее учились. Как же было не учиться, когда не отец, не мать, а Вера выручала из любой беды! С Федором, братом, — сейчас он танкистом на фронте — однажды приключилась история: забрали в милицию, потому что катался на трамвае без билета. Самое страшное: с родителей потребовали бы штраф. И не признавался Федюшка, кто именно заменяет ему родителей. Дружков папы с мамами повыкупали. Федя сидит в холодной. Чтобы слух не дошел на завод, не расстроил Лукьяна Филипповиче, Вера отпросилась с уроков — кинулась в милицию объясняться. Кто она? Ученица восьмого класса. Худая, невзрачная. И куда? В милицию. От страха-то, наверное, ноги подкашивались, но шла. Пришла и сказала милицейскому начальнику: «Отпустите брата. Он больше не сглупит. Ручаюсь». «Смотри, — сказал милицейский начальник Федору, — оправдай ручательство. Сестра у тебя молодец. Будешь брать с нее пример, сам молодцом станешь!» И отпустил.

Все в семье любили и уважали Веру, а Федор с той поры вовсе беспрекословно слушался. Выше крыши вымахал детинушка, а что Вера скажет — так тому и быть. В одном только — правда, шуточном и не важном — не могла Вера взять верх. В дом к Беликам ходило много молодежи: к одному — приятель, к другому — тоже. Вера постоянно с кем-нибудь из одноклассников занималась. Чаще прочих заходил паренек с рыжей шевелюрой, словно огонь. Стоит ему показаться — ребята кричат: «Пожар! Пожар!» Вера сначала не понимала: «Какой пожар? Где?» Потом Федор выложил ей: «Вон твой Пожар идет». Вера попыталась усовестить: «Нельзя человека этаким прозвищем обижать». Снедаемый чувством ребячьей ревности к парню, которому сестра уделяла чересчур много внимания, Федор отрезал: «Не звать же его рыжим чертом». Вера рассмеялась. И остался Пожар Пожаром.

Дружила Вера с Пожаром крепко. Во всяком случае, к экзаменам в институт они готовились вместе и вместе отправились из Керчи в Москву. Ну а как там дальше? Где Пожар — не станет же Вера сообщать. О себе и то писала скупо: «Учусь, где хотела, в педагогическом. Живу хорошо». А потом: «Фашисты Москву бомбили. Прошусь на фронт», «…Уважили просьбу. Пишите мне — Действующая армия. Полевая почта № …».

…Воспоминания о днях юности растревожили Анну. Она кинула поводок на спину корове — иди, мол, Куда знаешь, — заслонила глаза рукой от заходящего солнца, посмотрела еще раз вслед девушке в военной форме, вздохнула.

В этот момент девушка невероятно знакомым жестом вдруг прижала кувшин к груди. Анна обмерла, голоса не хватило закричать: «Голубчики, да ведь это наша Вера!»

А Вера — это была действительно она — резко опустила руку с кувшином, тряхнула головой и побежала к вынырнувшей из-за угла машине-«козлику». Навстречу Вере, прямо в тучу пыли, выпрыгнул из машины какой-то долговязый военный.

Когда пыль на дороге рассеялась, Анна не увидела ни машины, ни Веры с военным и подумала: «Не привиделось ли мне все это?»

А Вера в это время сидела рядом с Саввой в машине. Не стесняясь шофера, не встречая никакого сопротивления Веры, Савва целовал ее и почти кричал:

— Глупышка-малышка, а как же иначе?!

Нет, даже по сравнению с высоким и сильным Саввой Вера не чувствовала себя малышкой. Вот поглупела она от счастья — это верно! Она же прекрасно понимает — и понимала с того самого вечера встречи с братцами-бочаровцами из соседнего полка, вечера, который она протанцевала с одним из братцев, — что он, этот братец, для нее теперь — все: радость, боль, сомнения, мучения. Счастье. Она понимает, что с охватившим ее чувством уже не в силах справиться, не может подчинить его своей воле.

Они встретились, как всегда, на считанные минуты и, дыша любовью друг к другу, говорили, по существу, о ненависти, то есть о том деле бойцов Великой Отечественной войны, которому были подчинены их молодые жизни. Савва рассказывал, как его товарищ вышел победителем из битвы против двоих.

— Какое там, к черту, против двоих… ведь у них в каждом экипаже трое. Так он, чуешь, троих гадов в землю вогнал. А трое драпанули с дымом.

— Ну а сам? Сам он жив? — спросила Вера, на мгновение представив на месте неизвестного ей летчика своего Савву.

— Повезло парню. Обещают в санбате залатать. Зато машина… — Савва жестом показал, во что превратилась машина.

— Да, техникам тяжелая работа, — вздохнула Вера. — Нашу Зинаида до сих пор чинит. Боюсь, не остались бы мы с Таней на сегодня безлошадными.

— Так досталось?! — Савва с не присущим ему выражением тревоги и боли заглянул Вере в глаза.

Вера помотала головой. Потом невесело улыбнулась:

— Вечно мы… об одном и том же. Не будем… — И стала читать стихи.

Стремясь к любимому всем существом, Вера тем не менее повторяла себе: не такое сейчас время, чтобы заниматься личным. Ведь это нестерпимо — идти в полет и замирать: а вернется ли он?! Нет. Он и она — солдаты. Ничто не должно отвлекать их от главного.

Тогда они поссорились с Саввой.

Вера возвратилась с молоком взволнованная. Таня сразу заметила это. Но спросила ровным голосом, как спрашивала обычно перед вылетом:

— Все ли у тебя в порядке, штурман?

Вера односложно ответила:

— Все!

Она не Тане в тот момент отвечала, а подводила черту, как ей казалось, своим отношениям с Саввой. Все кончено. Он не придет больше в Ивановку.

Он примчался на выпрошенном командирском «козлике», схватил ее среди улицы в охапку. И вот везет неизвестно куда. И целует.

Глупая она, глупая: какая же это беда?! Счастье.

…Анна не знала бы, что и думать, если бы не подобрала в канаве при дороге оброненный Верой и забытый глиняный кувшин. От бока кувшина откололся порядочный черепок, традиционная надпись: «Напейся не облейся» — уже не имела конца, и вообще кувшин стал ни на что не годным. Но Анна понесла его домой бережно, как драгоценность. На второй, на третий и на четвертый день она пасла корову в том же проулке. И всякий раз захватывала с собой кувшин, рассчитывая вернуть его хозяйке. Представляла: окликнет она девушку в военной форме и ради смеха скажет:

— Что же вы приданое-то растеряли…

Просто пойти в расквартированную в станице летную часть и спросить о Вере Белик Анна не решалась. Вера первой обратилась к сестре, встретив вскоре ту на станичной площади. Хотя встреча для Веры была неожиданной, она не растерялась — остановила Анну шуткой в манере Беликов:

— Эгей, керчанка, что же своих не признаешь?

Сестры обнялись.

Условия позволяли — Часть в Ивановке задержалась, — и Вера побывала у Аниных родственников в гостях. Первый раз пришла с неизменным своим другом Таней Макаровой.

Девушек-воинов, да еще летчиц, принимали с почетом. Хозяйка-казачка снарядила на фронт, в кавалерию да

артиллерию, пятерых сынов. Но дочери были все при ней. И она, в душе сокрушаясь за мать Веры и мать Тани, которых окаянная война заставила послать своих дочерей на самый страшный фронт — воздушный, прямо-таки не находила достойного места, куда бы усадить девушек, чем попотчевать. Сесть предложили, конечно, в красном углу, под образами. Таня шепнула на ухо Вере:

— Не думают небось, что мы с тобой безбожницы. А если я песню антибожью затяну? Мне что-то попеть охота.

Вера видела, что из солидарности с ней, переживая ее сердечные неурядицы, Таня последнее время была притихшей, молчаливой. А сегодня — опять-таки вместе с ней — повеселела и готова озорничать. Она благодарно сжала руку подруги и произнесла во всеуслышание:

— Споем, Танюша. Обязательно споем. Тут тебе хорошие помощницы найдутся. — И, понизив голос, сказала только Тане: — А… антибожьих я от тебя что-то не слыхала. Ты поешь все какие-то, я бы сказала, величавые…

Очень чуткая к настроениям времени, к пульсу общенародной жизни, именно Таня Макарова запевала в полку новые песни — суровые и нежные, преисполненные любви к страдающей Родине и светлой веры в победу.

За столом в первую очередь спели старую, «Конармейскую». Таня начала ее, не без основания предположив, что «песня вроде тутошняя». С улицы и из соседних домов потянулись на песню жители — ребятишки и женщины. Заглядывали, в окна, заходили в сени и в горницу, Становились как в хоре — голос к голосу. И пели. Печалью звучали женские голоса. Печалью и вместе с тем непреоборимой мощью.

По дороге к себе в часть Таня сказала:

— Знаешь, Верок, я сейчас не только пела всласть, но и думала…

— Знаю. Думала: «Ай да мы! Спасибо нам!» — засмеялась Вера. Потом сокрушенно добавила: — А я боялась, что с Анной о домашних делах поговорить не успею. Так и не успела. Выпадет ли еще времечко?

В следующий раз Вера к Анне опять зашла не одна, потому что Савва не отпустил, с ней увязался.

— Дальние родственники, говоришь?! — воскликнул он на замечание Веры, что неудобно идти вдвоем к дальним родственникам сестры. — Нет у нас тут в станице дальних. Все ближние. Посмотришь, как еще твои бабоньки рады будут.

— Излишней скромностью ты не отличаешься.

— А надо ли? Твоей скромности вполне хватит на нас двоих.

— Савва… — протянула Вера с нежным упреком: ее коробила беззастенчивая самоуверенность. И вместе с тем она все прощала любимому, считала, что это у него от широты натуры.

В доме молодаек-солдаток он, конечно, очень понравился. Девушки-летчицы хороши, а летчик-сокол еще лучше.

Анну Савва просто очаровал. Как он заботится о Вере! Прощаясь, он попросил Анну:

— Хотя бы вы на Верочку подействовали, чтобы побереглась… Иной раз ведь можно и не выпрашивать приказа на полет. Она ведь не мужик, которому стыдно на земле отсиживаться. Мне, конечно, ни о чем таком и заикнуться нельзя. В шутку разве скажешь: сохрани себя для детей и внуков…

Анна поинтересовалась:

— А если и впрямь у вас… дитя?

Савва посуровел. Сказал задумчиво:

— По совести: о сыне мечтаешь и боишься.

Подошедшая Вера услыхала только «боишься» и махнула на Савву рукой:

— Обманывает. Ничего он не боится. Ничегошеньки. — И отошла, как отлетела.

Отроду не видывала Анна сестру такой — не назовешь даже оживленной, а какой-то светящейся, трепетной. Это от любви. Оттого что Савва, оказывается, и храбрый. Хорош, лучше не придумаешь.

Анна опять улучила момент для вопроса:

— Сыну бы, значит, обрадовались?

— Чему обрадуешься, когда война… Вера моя говорит… не имеем мы сейчас права на личное. Не имеем! Одно у нас сейчас право: бить, бить… или голову сложить… за всех чужих маленьких. И не спрашивайте вы меня больше ни о чем. — Савва обеими руками некрасиво натянул пилотку на самые уши. — Сестру спрашивайте. Она у вас выросла… кремневой.

— Ох, правда, правда… Верочка, она такая… всегда за других, себя не жалеет. А вы такой же. — Анна вдруг осмелела и заговорила, как старшая: — Вы с ней, одно слово, под пару. Знаю. Вижу. За людей умереть готовы.

10. СЕМЬЯ ВЕРЫ

Родилась Вера у отца с матерью первенцем, поэтому рано повзрослела — еще бы, была ведь потом старшей! Впоследствии, заполняя анкеты, с гордостью писала, что она, Белик Вера Лукьяновна, «рабоче-крестьянского происхождения». Деревни, правда, она не знала: когда была еще совсем маленькой, отец — Лукьян Филиппович — к своим прибавил детей брата, погибшего в гражданскую, и подался в город.

В Керчь, к теплому морю, Белики приехали большой семьей. Отец-кормилец поступил на завод — огромный по тем временам металлургический завод имени Войкова. Люди работали с большим подъемом с утра до глубокой ночи.

Многодетная Евдокия Емельяновна вела хозяйство. Обитали Белики в бараке — общежитии.

Дети помогали Евдокии Емельяновне — носили воду, убирали общий коридор-кухню. От работы никто не отлынивал. Жили дружно, старшие заботились о младших. Вера была первой маминой помощницей.

Будто бы и не сильная — худенькая, тихая, Евдокия Емельяновна за день переделывала массу дел. Собственные дети обшиты, вымыты, накормлены. Не ленилась присмотреть и за соседскими. Одним словом, всем, помогала. Мама Доня, так все уважительно называли Евдокию Емельяновну, знала: кому помочь стены побелить, кому полы помыть. Бывало, скажет:

— За полдень прибегу…

— Далековата дорога, устанут ваши ноженьки, мама Доня!

— Ноги для того и дадены, чтобы к добрым людям тропки торить! — И поднимет Евдокия Емельяновна на собеседника свои добрые глаза.

С годами Вера становилась все более похожей на мать, хотя внешне мать — смуглянка, а у старшей дочери (по приметам — к счастью), как у отца, рыжие веснушки на белой коже. Временами в душе Вера досадовала на эти веснушки, но плакать, понятно, никогда не плакала. Да и стыдно плакать старшей. А жизнь шла своим чередом. С радостями большими и малыми. Конечно, не без огорчений. Огорчало, например, что даже малыши не всегда ели досыта. Директор завода, молодой неженатый человек, свой комсоставский паек поочередно отдавал многодетным семьям. Да директор — один, а семей, как Белики, — несколько. А мама Доня, того и жди, свою очередь переуступит, скажет твердо:

— Мы обойдемся!

И обходились. Евдокия Емельяновна была мастерицей, как

говаривал отец, «из ничего чего сотворить».

В то время со всем было туго: и с продовольствием, и с одеждой, особенно с обувью.

Характер Веры складывался в атмосфере добра и сердечности. Она помнила и директорский продуктовый паек. Помнила, как, когда заболела сестренка Валечка, их семью переселили в «административную» — единственную удобную, изолированную комнату барака. И перестал Валечку бить кашель. Помнила, как внимательны, терпеливы, добры были к каждому ученику учителя.

Высоко ставила Вера принадлежность к пионерской организации. Закон пионера: хорошо учиться, быть смелым, честным, правдивым, преданным Родине, общему делу. Вот как отец на заводе!

Мать подчас говорила мужу:

— Лукьян Филипыч, совсем себя не жалеешь! День и ночь в работе.

А он щурился и, чтобы не расслышали младшие, заговорщически шептал:

— Можешь ты мне поверить, Донюшка? Вторую семью завел на заводе.

Евдокия Емельяновна, конечно, улыбалась:

— Кому верить, коль не родному мужу? Только поправочку дозволь, Филипыч, внести. Не вторая у тебя семья на заводе, а дом и завод — одна большая семья.

— В точку угодила. Хочу открыть тебе один секрет: знаний у твоего Лукьяна маловато. Вот и думаю, как подобраться к работе. Моя электротехника больших знаний требует. Всем теперь дорога к знаниям открыта. Верочка небось на инженера пойдет учиться аль еще на кого…

Вера в душе давно решила: она будет учиться на учителя.

…В школьные каникулы отец брал сына Федора на завод подработать. Вера по три месяца работала пионервожатой в пионерском лагере. На заработанные деньги можно было купить сатина на юбку в складку, на несколько кофточек. Даже мама Доня в новой сатиновой кофте зафасонила.

В удостоверении об окончании средней школы на имя Белик Веры Лукьяновны стояли одни оценки: «отлично». С этим удостоверением да с немудрящим фанерным чемоданчиком, куда был положен и пионерский галстук, Вера уехала в Москву.

Год в институте промелькнул незаметно.

И вдруг война…

11. И ТУМАН — ВРАГ

Есть на Кавказе, в Сунженской долине, станица Асиновская. Здесь полк останавливался на больший срок, чем в других местах, принимая участие в операциях по разгрому гитлеровских войск под Моздоком.

Белые аккуратные домики утопали в зелени огромного колхозного сада. Яблоки, абрикосы, груши, сливы, персики, орехи — все было в том саду. Ветки ломились от обилия плодов. Только не хватало рабочих рук, чтобы убрать богатый урожай.

Треугольной формы небольшая площадка, обрамленная с двух сторон арыками, а с третьей — сетью электропроводов, служила аэродромом. Через арыки были перекинуты мостики, по которым самолеты заруливали в сад, под сень деревьев, для маскировки.

Стоило чуть стабилизироваться наземному фронту, как настроение воздушных бойцов поднялось: боевая работа ночных бомбардировщиков развернулась по-настоящему. На самолетах По-2 не было ни пушек, ни пулеметов, ни бронированной спинки для защиты от обстрела. И скорость не превышала 120 километров в час. Но на этих, сугубо мирных в прошлом, спортивно-тренировочных самолетах были оборудованы бомбодержатели, в замок которых подвешивалось по 200 килограммов бомб. Маленькие стрекозы сыпали на головы врага смертоносный груз.

Каждую ночь, с вечерней зорьки и до утренней, девушки неизменно появлялись над позициями противника и наносили ему ощутимые удары, изматывали его, сбрасывая бомбы через каждые две-три минуты.

С аэродрома, ограниченного арыками и деревьями, взлетать с бомбами было опасно, почти невозможно — не хватало места для разбега. Поэтому работали с аэродрома-подскока. Каждый вечер самолеты переправлялись на какую-нибудь большую площадку — поле. Туда же выезжали техники, вооруженцы. Батальон аэродромного обслуживания вывозил все необходимое: бомбы, бензин, масло, ужин. Иногда даже два ужина.

Нашли удобное поле у подножия Терского хребта, неподалеку от реки Терек, по которой проходила линия фронта. На поле были копны сена. Несколько копен убрали, очистив таким образом полосу для взлета.

Боевой задачей являлось: бомбить вражеские эшелоны на подходе к Моздоку, мешать противнику подтягивать резервы.

Первой вылетела эскадрилья под командованием Серафимы

Амосовой. Еще издали в районе железной дороги Амосова заметила дымок. Штурман в ярком свете САБа разглядела движущийся поезд. На него была сброшена серия бомб. Состав разметало. Лишь паровоз с двумя вагонами продолжал мчаться к Моздоку.

Эх, стукнуть бы по паровозу! Да больше не было бомб. Командир эскадрильи повернула на аэродром. И она, и штурман видели, как вспыхивали САБы, рвались бомбы, сброшенные другими экипажами.

— Наши девчонки добьют эшелон, обязательно добьют, — сказала Амосова.

И вдруг забеспокоилась: густой, вязкий туман наползал со стороны Терека.

— Скоро закроет аэродром! Смотри, смотри, штурман! Успеют ли наши сесть до тумана?

— Я вижу. Но как помочь? На аэродроме еще и не знает никто, какая грозит опасность.

Приземлившись, Амосова сразу же побежала доложить командиру полка обстановку.

Самолет за самолетом возвращались с задания. Туман быстро распространялся. Все самолеты успели благополучно сесть. Не вернулся лишь экипаж Макаровой — Белик. Их ждали с минуты на минуту.

Аэродром окутал густой туман, настолько густой, что на расстоянии двух метров невозможно было ничего различить. Люди, находясь рядом, лишь по голосам узнавали друг друга. И вдруг прямо над головами раздался гул мотора. Это прилетела Макарова.

Таня кружила над аэродромом — чувствовалось, что она пробовала зайти на посадку. Зажгли прожектор. Таня сумела точно посадить самолет на узенькую площадку у самого прожектора.

После посадки подруги окружили Таню и Веру, обнимали, поздравляли с благополучным приземлением. Таня улыбалась и рассказывала:

— С воздуха прекрасно видно расположение аэродрома. Туман же всего десять — пятнадцать метров толщиной. Издалека вижу: все самолеты зарулили под копны, место для посадки свободно. А как зайду на посадку, окунаюсь, будто в молоко, и ничего не вижу. Консолей плоскостей даже не видно. Когда взлетела красная ракета, мне показалось: она подожгла туман. Перед глазами — красная пелена. И свет прожектора расплывается.

— Таня, а почему ты не пошла на основной аэродром, в

Асиновку? — спросила Нина Распопова. — Там же есть старт.

— А почему ты не пошла в Асиновку? Я пошла бы в Асиновку… а через полчаса аэродром открылся, и вы бы все летали, а я там прохлаждалась. Так, по-твоему?

— Это ты в рубашке родилась, как говорят старики. Могло бы кончиться худо. Ведь все самолеты сели, когда туман только начинал закрывать аэродром. А ты садилась в самый кисель. Слепая посадка на наших самолетах пока еще не практикуется, — говорила Нина. — Поэтому считай, что ты сегодня второй раз родилась.

— Пусть так! Только родилась я, наверное, седой, А ну, девочки, посмотрите — нет у меня седины?

Таня наклонила голову, сняла шлем. И вдруг смутилась, опять надела его. Нельзя было сейчас и заикаться о том, что она, кружа в воздухе, с отчаянием вспоминала о трагической гибели Ани Малаховой. Она ничего не могла поделать с собой… Когда загоралась красная ракета в толще тумана, она с непостижимой отчетливостью представляла, как мигал в черной ночи бортовой огонек Аниного самолета… Вспыхнет красная точка. Погаснет. Вспыхнет. Погаснет. Словно Аня, падая, призывала на помощь, выстукивала: «SOS», «SOS», «SOS». Какая нелепость!.. Аня готовилась бить врага… Почему же она не справилась в ту страшную ночь? Это было давно, когда они учились, только готовились на фронт, были неопытны… Сейчас боевой опыт говорил Тане: «Нельзя о таком вспоминать, если надо приземляться, а посадочной полосы в тумане не видно».

Таня нахлобучила шлем и сказала:

— Нет, не к лицу нам седеть. Пусть лучше фрицы седеют. Штурман, правда? — Она обняла Веру за плечи и всем объявила: — А ведь в нашей задержке вот она виновата. Четыре раза заходили на паровоз с двумя вагонами. Заходим. Она: «бум» — сбросила одну бомбу. «Заходи, — говорит, — еще». Захожу второй раз. Ну, думаю, то была пристрелочная, а теперь сыпанет на них серию. Нет! Опять сбросила одну. Четыре раза заходила, и она все по одной бросала. Но молодец — попала прямо в паровоз.

— А почему было не заходить?! — перебила ее Вера. — Обстрела нет. Фашисты, видно, еще не успели подвезти зенитки. Вот я и целилась как хотела. Ты, Таня, не хвали меня. Если бы не ты, то не очень бы я попала. Представляешь, — обратилась она к штурману эскадрильи, — условия идеальные, как на полигоне, еще лучше даже. Высота четыреста метров. Обстрела нет. Скорость сто десять. Курс не шелохнется. Летчик мой — ас. В таких условиях — да не попасть?

Долго еще говорили, смеялись, шутили девушки. Потом Таня затянула песню, и все подхватили ее. Туман продержал на подскоке летчиц до самого утра, так и не дав возможности работать.

Осень вступала в свои права. Летчицам теперь часто приходилось проводить ночи на земле, сидя в самолетах, закрывшись чехлами от дождя. Каждый час взлетал самолет-разведчик. Все с нетерпением ждали вестей о погоде: рассеялась ли облачность на маршруте и можно ли пройти на цель?

Как радовались, когда возвращался дежурный разведчик с сообщением:

— Цель открыта. Можно выпускать самолеты!

Тут же зарокочет один мотор. Потом другой… И вот мощный рокот заполняет весь аэродром.

Вслед за подругами на боевое задание — бомбить переправу на реке Терек у станции Хамидие — вылетели и Таня с Верой. Прямо с аэродрома взяли курс на цель. По маршруту высятся хребты двух гор.

Перегруженный самолет медленно набирал высоту. Облачность исчезла, видимость хорошая. Таня озорно подмигнула светлой луне в чистом небе. Однако стоило самолету перевалить за второй хребет, как картина изменилась. Внизу — пелена низких облаков.

— Что будем делать? — спросила Вера. — Цель, наверное, закрыта.

— Сказали же, цель открыта. Пойдем и увидим сами. Что зря гадать. Смотри, какая красота! Словно на полюсе мы где-нибудь. Кругом торосы, сугробы, и сверху луна их серебрит…

В надежде, что цель все-таки может оказаться открытой, Таня продолжала полет.

Впереди по курсу забили зенитки, вспыхнули четыре прожектора и сошлись в одной точке.

— Поймали. Видишь, цель открыта, — сказала Таня. — Наши уже там.

У самого Терека облачность рассеялась, показалась извилистая лента реки, характерный изгиб берега у Хамидие. Небольшой клочок земли, примыкающий к переправе, был весь покрыт огненными вспышками. Яркие лучи прожекторов метались по небу.

Таня с Верой вошли в зону огня. Впереди над переправой, будто неподвижный, повис самолет, схваченный цепкими клещами прожекторов. Огненные шары-разрывы окружили его кольцом.

— Нужно выручать. Так и сбить могут, — сказала Таня и

повернула самолет, чтобы скорее подойти к переправе.

— Бросаю САБ. Давай заходи на боевой курс! — крикнула Вера и выбросила за борт осветительную бомбу.

Два прожектора метнулись к их самолету, ослепили. Ближе, ближе за бортом рвутся зенитные снаряды. Все внимание противника сосредоточено теперь на их самолете. Зато подругам стало легче; освобожденные от прожекторов, они быстро удаляются от цели. А Макаровой туго. Десятки снарядов пытаются настигнуть, уничтожить самолет. Летчик маневрирует, перекладывает с одного крыла на другое. То короткой, то длинной змейкой, то горкой ускользает от снарядов, упорно приближаясь к переправе. Чтобы лучше прицелиться, ослабить свет прожекторов, Вера сбрасывает второй САБ и подает команду:

— Курс триста двадцать. Еще право. Хорош! Так держать!

Тридцать, сорок секунд длится прицеливание. Летчик все это время строго выдерживает режим полета: скорость, высота, курс — необходимые условия для меткого сбрасывания бомб. Именно в эти секунды зенитчики ведут по самолету прицельный огонь. И чаще всего попадают. Тане приходится призвать на помощь всю свою волю, чтобы перебороть инстинкт — рука так и тянется отвернуть самолет от надвигающейся опасности. Таня заставляет себя забыть об опасности. Все внимание только приборам — курс, высота, скорость. Курс, высота, скорость.

Вдруг самолет вздрагивает, отклоняется от курса. Прямое попадание. Снаряд пробил правую плоскость. Таня не успевает сделать парирующего движения, как Вера командует:

— Держать курс!

Неимоверно трудно удерживать израненный самолет. Он кренится, вздрагивает, плохо слушается рулей управления. Но Таня не позволяет ему выйти из послушания, Наконец — толчок по ручке управления. Это штурман дает знак, что бомбы сброшены, И Таня, получив возможность снова маневрировать, выписывает немыслимое сплетение змеек и горок, стремится выскользнуть из лап прожекторов, уйти подальше от лавины огня.

— Попала! — кричит радостно Вера. — Попала в переправу! Я рассмотрела… Ты слышишь, Таня, мы разбили переправу!

— Ай да мы, спасибо нам, — машинально роняет Таня, охваченная новой заботой. «Почему греется мотор? Почему падает высота? Очевидно, пробит маслобак или маслопроводка, — решила она, потому что козырек, стойки, борта кабины — все было забрызгано маслом. — Дотянем ли домой? Хватит ли высоты, чтобы одолеть горы?» Тревога росла, но летчица молчала, не желая волновать подругу.

— Таня! Почему ты молчишь? Ты не ранена? — с

беспокойством спросила Вера.

— Нет… Я не ранена, — ответила Таня. — А вот самолет… Не хотела тебе говорить, да, видно, придется. Видишь, как масло брызжет? В любую минуту мотор может остановиться, и если это случится над горами…

— Ты думала, что я ничего не знаю? Я давно все поняла! Но нечего раскисать.

— Ты права, Верок. На наше счастье, болтанка утихла, чувствуешь? Долетим! Как-нибудь дотянем, обязательно дотянем.

И, несмотря на усталость, несмотря на то что руки стали словно деревянные, настроение у Тани улучшилось. Чем-то незаметным, но необходимым в эту минуту поддержала ее подруга, и она уже справилась с нахлынувшей было слабостью.

А мотор все больше и больше недодавал оборотов, высота падала. И все же самолет перетянул через вершину хребта. Вот и Сунженская долина. Но что это? Там, где должен быть аэродром, виднелось белое пятно.

— Только тумана нам сейчас недоставало! — воскликнула Таня.

— А вчера разве лучше было? Тоже туман два часа нас держал, и пробоин пару десятков получили. Разве ты забыла, Таня?

На аэродроме их встретила техник Зина Радона. Она радовалась возвращению экипажа, радовалась успешному бомбометанию, а насчет самолета просила не беспокоиться:

— Не горюй, командир, завтра отремонтирую, и будет служить не хуже нового. Хорошо, что сами не ранены. А самолет — это ничего.

С переправы на Тереке многие самолеты возвращались потрепанные. Экипаж Распоповой — Радчиковой не вернулся совсем. Исправные самолеты садились, заправлялись новой партией груза и уходили на цель. Таня с Верой очень переживали, что остались безлошадными.

На другой день была радость: перед обедом явились в полк Нина Распопова и Леля Радчикова. Вот что с ними произошло. Над переправой их самолет подбили зенитки. Мотор прекратил работу. Летчик и штурман были ранены. Собрав последние силы, Нина Распопова вывела самолет из-под обстрела, и ей удалось спланировать на нейтральную полосу. В темноте девушки долго ползли по грязи, пока не добрались до переднего края своих войск. Их подобрали солдаты саперного батальона, оказали первую медицинскую помощь и отправили в госпиталь. Нина и Леля по дороге сбежали. На попутках добрались в полк, в свою санчасть. Врач полка Оля Жуковская еще несколько дней

отражала натиск желавших с ними повидаться.

А после обеда принесли полный мешок писем: с начала отступления в полк еще не доставлялась почта. Сейчас каждой из девушек было по нескольку писем. Таня схватила пачку разноцветных треугольников и конвертов.

Первым распечатала письмо от Виктора. Он писал, что после госпиталя был послан в танковое училище, закончил его, стал офицером и теперь едет на фронт. «Не может ли он с танками попасть на наше направление? — думала Таня. — Вот бы здорово было: он давил бы фашистов на земле, а я с воздуха! И вдруг бы встретились… Уж тогда бы я ему все сказала…»

Но Тане было необходимо сказать о переполнявших ее чувствах сейчас. Она прочитала другие письма. Сестренка Вера сообщала, что учится в энергетическом техникуме, мама по-прежнему болеет. Деньги от нее, Тани, получили. Мама просит Таню беречь себя…

— Штурман, тебе тоже пишут «береги себя»? — присела Таня на койку Веры. — Как будто я хочу погибнуть. Я хочу жить и хочу победить. Победим фашистов, Верок?

— О чем разговор! Конечно победим! Мы с тобой еще на Берлин бомбы сбросим, — уверенно ответила Вера.

— Сбросим! А ты знаешь, от кого это письмо? От Виктора. Помнишь, я тебе рассказывала: мы вместе выросли — жили в одной квартире. А потом я в него влюбилась. Только не смела об этом сказать. И ему не велела… А теперь мне очень бы хотелось, чтобы он написал о любви. А от него… просто товарищеское письмо.

— Так ты ему напиши о своем чувстве.

— Что ты?! Умру — первой не напишу.

— Хочешь, я напишу? Напишу, что ты страдаешь… Как запоешь — песни все о любви. Нельзя, чтобы твой Виктор не знал об этом. Давай номер его полевой почты.

— Нет! Нет! — Таня отошла от Веры, взяла карандаш и сама стала писать. Она писала стихи. Но они получались такими нескладными, что она никогда бы не показала их никому на свете.

12. УЧИТЬ И УЧИТЬСЯ

На Кавказе, особенно в долинах, почти не бывает сумерек. Как только скроется за горами солнце, сразу сгущается темнота. Еще над головой светлое, солнечное небо, а в долине уже ночь.

Наступает рабочая пора летчиков и штурманов. А техники вдобавок к ночному обслуживанию полетов работали все светлое время суток; ни один самолет не мог бы подняться в воздух, если бы не их заботливые руки.

Таня знала Зину Радину. Зина не присядет отдохнуть, не пойдет есть, пока не отремонтирует самолет. И все же Таня волновалась: успеет ли Зина залечить вчерашние раны? Уж очень крепко досталось. Да у Зины дела не только на своей машине. Техник-лейтенант Радина — техник звена. И менее опытные Леля Евполова и Зина Петрова, чуть что, бегут к ней: «Зиночка, помоги!»

В Асиновской летчиц задолго до начала полетов тянуло на аэродром. Были трудности и смертельная опасность в их еженощной работе, были тяжелые потери, боль воспоминаний о погибших — было все то страшное, грубое, нелепое и дикое, что принесла война. Но большинству девушек полка было по девятнадцать — двадцать лет. И если представлялась хоть малейшая возможность, бегали наперегонки, сбрасывали сапожищи и болтали ногами в прохладных струях арыка. Если над самолетом, который скоро, совсем скоро вести и во тьму, и в пламя, сейчас склонились ветки, отягченные спелыми плодами, то почему же не сорвать самое красивое яблоко и не угостить им подругу, как удержаться, чтобы под громкий хохот не обрызгать ее водою из арыка?

На досуге Таня часто бывала заводилой. Пройдется туда-сюда своей легкой, танцующей походкой, и все уже знают: Макарова собирается что-нибудь забавное выкинуть. Запевала тоже всегда она. И откуда только узнавала первой новые песни? Где их подслушивала?..

В этот день беспокойство — не остаться бы на ночь безлошадной — привело Таню прежде всего к самолету.

— Товарищ командир звена, два самолета к полетам готовы. Третий будет готов через полчаса, — отрапортовала Радина.

— Это наш самолет не готов? Много работы было? Чем тебе помочь? — расстегнув обшлага и на ходу закатывая рукава, говорила Таня. — Мы с Верой в твоем распоряжении.

— Что ты, Таня! Вам надо отдыхать перед полетами. Я управлюсь сама. Осталось только присоединить один шланг.

— Давай-давай вместе! Быстрее будет… Вера! Иди сюда, подержишь ключи, а я трубку буду держать.

Таня приблизилась к мотору, нащупала гибкий валик и подвела его к баку. Зина с головой юркнула куда-то внутрь, то и дело протягивая к Вере жесткую, промасленную руку за ключами.

Сосредоточенно, в молчании работали минут пятнадцать.

— Готово! — сказала Зина, вылезая из-под мотора. — Теперь только поставим капот — и все.

Летчик, штурман и техник дружно закончили работу. Подъехал маслозаправщик. Зина заправила бак маслом, соскочила на землю:

— Товарищ командир звена, самолет к полету готов! И стоило вам возиться? Времени еще много… Я бы и одна… А вы лучше бы шли под яблоньки, в сад.

— Если хочешь, Вера, иди попасись. А я тут с Зиной посекретничаю.

Таня уселась в гамак, который Зина устроила из оставшейся маскировочной сетки, и стала раскачиваться.

— Нет, я не дам вам остаться наедине. Буду с вами, никуда не уйду. — Вера потянула Зину, и они уселись рядышком на траве.

Зина, как и Вера, очень любила Таню: вот и гамак специально для нее устроила, зная ее страсть к озорству и шуткам. И то, что Таня изображала сейчас маленькую девочку, нравилось Зине. Она мечтательно сказала:

— Была у меня в детстве история с гамаком. Пошли как-то мы, детишки, с отцом в лес. Нас в семье было одиннадцать, и отец по праздникам ходил с нами в лес. Матери, конечно, некогда было. Пошли мы и взяли с собой гамак, сделанный из рыбацкой сети. В лесу натянули его между деревьями и стали качаться, вот как Таня. Старшие братья, правда, сразу сказали: ерунда. И полезли по деревьям. А я раскачалась так, что гамак перекрутился. Сестренки смеются, думают, что я дурачусь. А я выбраться никак не могу. Барахталась, пока не разревелась. Отец потом пришел — вызволил меня. А кто тебя, Таня, вызволять будет?

— Да вы разве не вызволите? — засмеялась Таня. И тут же серьезно добавила: — На вас у меня вся надежда.

Помолчали. Каждая думала о том, что действительно за короткое время они стали родными, Весь полк живет, словно одна большая семья.

— А как ты попала в авиацию? — спросила Таня.

— После семилетки поступила в техникум. И в аэроклуб. Закончила его.

— Значит, ты в аэроклубе училась? Так же, как я. Но почему же ты не стала летчиком?

— После окончания аэроклуба мне предложили поехать в Ульяновскую техническую школу. Что мне оставалось делать?! Или расставаться с авиацией, или ехать в техническую. Я поехала. Закончила, и меня послали работать в Минский аэроклуб техником. Там я договорилась с начальством — мне разрешили тренироваться в спортотряде. Но сделала я всего несколько вылетов. Началась война. Ох и хлебнули горюшка в Минске-то… Чего только не приходилось делать!.. И окопы рыла, и в бой с десантом ходила, и детишек спасала, самолеты под огнем ремонтировала. Потом меня направили в распоряжение майора Расковой. Попала я сначала в истребительный полк. Но, когда узнала, что полк ночных бомбардировщиков первым отправится на фронт, попросила перевести в этот полк. Столько злости у меня на этих проклятых фашистов накопилось, что не могла я ни одного дня задерживаться в тылу!

— Зиночка, а я и не знала, что ты летчик. Тебе, конечно, хочется летать, я понимаю…

— Не получился из меня летчик. Если бы не война, я в спортотряде оттренировалась бы как следует. Война помешала. Я ведь мечтала учиться, стать летчиком мечтала… как бы это сказать, в мирных целях. Мне почему-то казалось, что над тайгой интересно летать. Теперь один интерес — боевая работа. У меня надежда на Бершанскую: если разрешит, буду тренироваться.

— Если разрешит, я с удовольствием буду тебя тренировать, — сказала Таня.

— Танечка, а ты долго работала инструктором?

Таня не успела ответить. Раздалась команда: «Запускай моторы!» Тишина наполнилась мощным рокотом. Все пришло в движение: самолеты по мостикам-настилам выруливали через арыки на поле. Летный состав ненадолго собрался вокруг командира полка выслушать боевое задание. А еще через полчаса аэродром опустел — самолеты ушли в темное небо.

Всей душой преданная своей трудной профессии — сейчас, в войну, это было больше, чем профессия уметь управлять самолетом, — Таня готова была помочь всем девушкам полка стать летчиками. Ведя в ночи к цели послушный ей бомбовоз, Таня думала: «Зина хочет тренироваться? Великолепно. В экипаже будет полная взаимозаменяемость…»

Таня и Вера были неразлучны в воздухе. Очень редко разлучались они и на земле. Когда Вере случалось дежурить или отсутствовать по какой-либо другой веской причине, Таня откровенно скучала и говорила, что ходит «как неприкаянная».

Вера была более сдержанна в выражениях, может, оттого что, будучи почти ровесницей, неизменно почитала Таню учителем, относилась к ней как к старшей.

Однажды Вера — она даже сама не знала, как это получилось, — разоткровенничалась со штурманом Дусей Пасько. Девушки сначала вспоминали студенческие годы. Хотя Верин институт не был каким-нибудь особенно завлекательным — просто педагогический, — все в полку знали, что уж Белик-то будет непременно учительницей. Преподавателем математики. И что работа штурмана ей пока единственно сродни. А тут вдруг Вера спросила у Пасько:

— Дуся, тебя летчица учит управлять самолетом?

— Иногда Парфенова доверяет мне управление. Показывает, как нужно действовать рулями.

— А меня Таня, Макарыч наш, решила сделать заправским летчиком. Она решила закалять мою волю. И знаешь как? Показывает мне фигуры высшего пилотажа. Иногда — над горами.

— Да ну? А не страшно?

— Конечно страшно, но не страшнее зениток. А Таня говорит: «Тебе нужно научиться управлять самолетом по-настоящему. Это всегда может пригодиться. Я научу тебя делать «мертвые петли», виражи, штопор — все фигуры пилотажа. Вот смотри, это петля!» Выключила мотор. И представляешь, все вокруг засвистело. Мы понеслись вниз, прямо на горы. «Теперь делаем так!» — говорит Таня. Где тут «делаем»! Делает она. А я только вижу: мы понеслись к звездам. А потом перевернулись вверх колесами. «Поняла?» — спрашивает Таня. «Нет, ничего не поняла», — отвечаю.

— Где же понять, когда душа в пятках, — усмехнулась Дуся.

— А Таня говорит: «Ну тогда смотри, что такое штопор!» У меня в глазах все замелькало. Вижу то звезды, то верхушки скал, то снова звезды. А Танька хохочет и только, слышу, считает: «Один, два, три, четыре…» Это она витки штопора считала. А потом говорит: «Ты у меня научишься летать лучше любого курсанта». Так что, Дусенька, чем черт не шутит, я еще летчиком стану.

— А по совести, нравится тебе пилотаж?

— Когда Таня учит, кому не понравится. И знаешь, как это нам сейчас нужно! Вот у Тани есть поговорка: «Ай да мы! Спасибо нам…»

— Правильная поговорка. Что мы мало дела делаем?

— Я о том, что целое «мы» состоит из частей. Вот поэтому штурману научиться пилотировать очень важно. Чтобы части

были равноценны и взаимозаменяемы.

— Смотри ты, летчиком станешь, и учительство побоку?

— Нет! Никогда. После войны обязательно институт закончу. И знаешь что, Дуся? Ты никому не проговорись о наших с Таней занятиях.

— Раз просишь, то я, конечно, молчать буду. Да, думаю, Таня твоя не умолчит.

Дуся Пасько предугадала события: с легкой руки Тани в полку развернулось своеобразное соревнование в обучении штурманов летному делу. Штурманы в свою очередь делились тайнами собственной непростой специальности.

13. ВМЕСТО ПУДРЕНИЦЫ

На берегу Каспийского моря, в городке Хачмасе, размещались подвижные авиационные мастерские ПАМ-44.

Сюда доставлялись самолеты, которые уже нельзя было отремонтировать в полевых условиях. Из женского полка тоже отправили в ПАМ два самолета с экипажами в полном составе.

Небывалое событие, «бабы прилетели», — в мастерских до сей поры видели только мужчин-авиаторов, — произвело настоящую сенсацию. Даже начальник ПАМа был удивлен, узнав, что на фронте воюет целый женский авиаполк. Да как воюет! Девушки с боевыми орденами. По такому случаю он отдал распоряжение отремонтировать оба самолета вне очереди.

За ремонт принялась лучшая бригада старшины Александра Костенко. Мастера старались вовсю, и на третьи сутки самолеты стали как новенькие. Девушки поблагодарили, распрощались и улетели.

За трое суток молодые люди перезнакомились, подружились. Из разговоров Саша Костенко узнал, что в женском полку не хватает самолетов. Как было сказано, некоторые летчицы ходят безлошадными. У старшины-бригадира зародилась мысль собрать самолет в подарок женскому полку. Своей идеей Костенко поделился с товарищами. Всем она пришлась по душе; начали работать во внеурочное время, после трудового дня, по ночам. Решили подготовить подарок к 25-й годовщине Октября.

Когда самолет был почти готов — осталось только отрегулировать и облетать его, — в мастерские прибыл полковник из кавалерийского корпуса. Увидев в цехе исправный самолет, он сказал:

— У меня нет времени ждать, пока вы отремонтируете мою машину. Поставьте здесь эмблему кавалерийского корпуса — подкову. Я улечу на этом самолете, свой оставлю взамен. — И он похлопал по обшивке, как по крупу коня.

Подобные замены вообще практиковались. Но ведь тут особенный случай.

Старшина Костенко отправился к начальнику мастерских Федору Степановичу Бабуцкому, зная, какой он отзывчивый, душевный человек.

— Товарищ инженер-капитан, что хотите делайте, но я не отдам наш подарочный. Не отдам, и все. Бригада не позволяет.

— Товарищ старшина, кто вам сказал, что подарок собираемся кому-то отдавать? Командование кавалерийского корпуса просит срочно отремонтировать их самолет или заменить

другим. Это верно. Но подарок трогать не будем. Знаете что? Чтобы новый самолет никому не мозолил глаза, вывозите-ка его на аэродром. Сегодня прибыла из женского полка летчица Марина Чечнева. Пусть она его облетает. А завтра вы с подарком отправляйтесь к нашим дорогим женщинам.

Костенко, обрадованный, вернулся в цех. Через час самолет, на борту которого было написано: «Лучшему комсомольскому экипажу», вывезли на аэродром.

Вскоре туда пришла Чечнева со своим техником Машей Щелкановой.

— Кто здесь Саша Костенко? — спросила Марина. — Мы прибыли в ваше распоряжение. Это — во-первых. А во-вторых, я привезла вам большой привет и… письмо.

— Спасибо. Я давно жду письмо. Давно жду… — Костенко принялся старательно вытирать руки ветошью.

— Нет-нет, так письмо вы не получите! Пляшите или пойте.

— Пляши, пляши, Сашка! Иначе не видать тебе письма! — подзадоривали ребята своего бригадира. — Попался на крючок? Любовь, брат, не картошка. За письмо от милой и сплясать можно.

— Помилуйте, братцы. Я лучше вечером спляшу, когда музыка будет. А здесь что? Работать надо, а не плясать.

— Я согласна, — сказала Марина и протянула письмо. — Только знайте: у меня память хорошая. Если обманете — не спляшете, то я расскажу одной чернобровой, и она больше не станет писать никогда.

— Ну, тому, что я обманщик, она не поверит. А сплясать я спляшу, раз обещал. Обязательно спляшу.

Маша Щелканова, по-хозяйски засучив рукава гимнастерки, уже помогала в работе. Она заглядывала в каждый узел крепления, осмотрела инструменты и запасные части, которые придаются самолету. «Не забыли бы чего положить, — думала она. — Нужен полный комплект».

Работа была быстро закончена, и Костенко сказал Марине:

— Товарищ младший лейтенант, теперь все зависит от вас. Вы должны определить, какая получилась машина.

— Могу сразу сказать: машина чудесная. А облетать, конечно, нужно. Пойдешь со мной, Маша?

— Нет, извините. В полет, испытать наше детище, пойду я! — сказал Костенко. — Вы отдохните, товарищ Маша, а я полечу.

Щелканова, конечно, не стала спорить: она отлично понимала чувства мастера.

Марина Чечнева, словно всю жизнь только и делала, что испытывала новые самолеты, без всякого страха взлетела и по-

настоящему отвела душу летчика: выполнила серию фигур, потом повторила все сначала.

На следующий день Чечнева, Щелканова и Костенко вылетели в полк.

Вечером под праздник полк готовился, как всегда, к боевой работе. Летчицы в сопровождении техников осторожно выруливали самолеты из-под деревьев, выстраивались на старте. По аэродрому сновали заправочные машины. На командном пункте обсуждалась боевая задача. В эту ночь всем хотелось нанести особенно ощутимый удар по врагу.

Неожиданно над аэродромом раздался гул самолета.

— Он явно собирается садиться, — с тревогой сказала Бершанская дежурной по полетам лейтенанту Амосовой. Командир полка беспокоилась, потому что аэродром маленький, весь загружен самолетами и сесть прилетевшему совершенно негде. — Гони его на второй круг! Давай ему красную ракету!

Дежурная, уже приготовившая ракетницу, выстрелила. Самолет, пролетев низко над головами, удалился.

Пока самолет делал над аэродромом круг, для посадки все было готово. Развернувшись и зарулив по всем правилам на указанное место, летчик выключил мотор. Из самолета выпрыгнули три человека.

Чечнева, Щелканова и Костенко — это были они — подошли к командиру полка.

— Товарищ командир полка, прибыла на новом самолете, — доложила Чечнева.

— Вижу, что прибыла. Молодец, села хорошо. А мужчин зачем к нам возишь? — смеясь, спросила Бершанская. — Здравствуйте, товарищ старшина. В гости к нам или по делу?

— Вот прилетел вручить вам подарок от мастерских, — смущенно ответил Костенко.

И все, кто были на аэродроме — летчики, штурманы, техники, вооруженцы, — сразу же собрались на короткий, трогательный митинг.

«Разве же наш труд идет в какое-то сравнение с тем, как они все здесь жизни своей не жалеют… молодой жизни? В каждый вылет, каждую секунду головой рискуют…» — думал Костенко, видя вокруг дышащие юной привлекательностью девичьи лица.

— На самолете написано: «Лучшему комсомольскому экипажу». Вот для нас, командир, задача, — обратилась комиссар Рачкевич к Бершанской. — У нас много лучших экипажей. Придется выбирать лучший из лучших! Но могу заверить вас, товарищ старшина, так вы и передайте всему вашему коллективу, самолет попадет в достойные руки.

«Это уж точно!» — чуть было не выкрикнул Костенко, потому что, встретившись взглядом с Мариной Чечневой, вспомнил, что она выделывала, испытывая этот самый самолет. Действительно, надежные руки!

После речи Рачкевич девушки так хлопали старшине, такими улыбками его одаривали, что он даже застеснялся и был рад, когда Бершанская его отпустила, сказав остальным:

— Пора начинать боевую работу!

Штурман полка развернула карту и указала варианты лучшего направления для захода на цель, сообщила данные об огневых точках противника, световые сигналы. («Я — свой самолет» — на эту ночь.) Зачитала прогноз погоды. Прогноз обещал низкую облачность, дождь.

Все огорчились: неужели, когда настроение такое приподнятое, придется всю ночь закисать под самолетами в ожидании погоды?

Разведчик отправился проверять высоту облачности. Девушки, притихнув, двинулись в землянку, на КП.

Лишь к середине ночи облачность стала рассеиваться. Резко похолодало. Воздух очистился. Проглянули далекие звезды. Можно было вылетать.

— Смотри-ка, — сказала Вера, идя к самолету за Таней шаг в шаг, — воздух стал как стеклянный. Вдохнешь — и грудь режет…

— Не заболела ли ты? Как это «грудь режет»?

— Да в хорошем смысле. Просто холодный, жесткий воздух.

— Придумала? Но если даже и придумала в хорошем смысле, то хорошо. Особенный ведь день сегодня. Правда? Канун Октября. Я всегда завидовала тем, кто родился до революции. Тем, кто сражался за нее. А теперь вот мы. Знаешь, как мы должны бомбить сегодня, штурман!

Вера отметила, что Таня сказала не обычное «ты должна бомбить», подчеркивающее отдельно обязанности штурмана, а объединяющее, чрезвычайно дорогое для нее, Веры, — «мы».

Все экипажи вылетели в ночь на седьмое ноября на боевое задание. В паре с Макаровой, с интервалом в полминуты, шла Катя Пискарева.

Впереди повис мерцающий САБ.

— Макарова уже над целью. Приготовься! — сказала своему штурману Катя.

Станица Дигора, выхваченная светом разгоревшейся бомбы из ночного мрака, казалась горошиной на дне огромного кувшина. Стенками кувшина служили отвесные горы высотой до тысячи метров. Из станицы вытекала тоненькой струйкой дорога и пробивалась по ущелью на восток. Дорога пестрела точками. Это

и были танки противника, которые предстояло бомбить.

Над целью почему-то спокойно, молчат зенитки, не зажигаются слепящие огни прожекторов. А нервы напряжены до предела. Молчат зенитки, но в любую секунду они могут заговорить. Пожалуй, эти секунды ожидания страшнее, чем обстрел, накал боя, когда летчик действует.

…В узком месте ущелья, где дорога была черна от танков, очень кучно вспыхнули четыре багровых куста взрывов. Отбомбился экипаж Макаровой — Белик. Полетели бомбы с самолета Пискаревой.

Появление наших самолетов в нелетную погоду было для гитлеровцев полной неожиданностью. Они не сразу открыли зенитный огонь. Но во второй вылет девушки были встречены ураганным огнем. Злее зениток — лучи трех зажегшихся прожекторов; искромсанная ими темнота меняла очертания гор. Иногда казалось: самолет обязательно заденет крылом гранитную громаду.

И все же ничто не помогло фашистам. Один за другим, парами, звеньями, подходили маленькие, но грозные наши По-2 и сыпали бомбы на дорогу, на танки. В эту ночь врагу был нанесен ощутимый удар, уничтожено большое количество живой силы и техники.

Наутро личный состав полка выстроился в коридоре школы, где размещалось общежитие. По случаю праздника прибыли командующий фронтом генерал армии Иван Владимирович Тюленев и генерал-майор авиации Константин Андреевич Вершинин.

Командир полка подала команду «Смирно».

Командующий поздоровался, поздравил с праздником, похвалил полк за хорошую боевую работу. Тридцать девушек-летчиков, штурманов, техников и вооруженцев были награждены именными часами.

После речей, перейдя на неофициальный тон, генерал Тюленев спросил Бершанскую:

— А что же я не вижу на празднике вашего гостя, инициатора подарка от ПАМа?

— Для встречи командующего фронтом выстроен личный состав полка. Поэтому гостя и нет в строю, — ответила немного смущенная Бершанская.

— Как же это так? В кои-то веки один мужчина прибыл в полк, и тот в загоне! — шутил генерал. — Разыщите и пригласите его сюда.

Старшина немедленно явился.

— Старшина Костенко по вашему приказанию прибыл! —

вытянулся он перед генералом.

Генерал посмотрел на старшину удивленно:

— Кто из нас старше, вы или я? Почему у вас бородища, как у старика?

Саша Костенко стоял, прикусив губу. Разве расскажешь генералу, командующему, что они с другом дали зарок — до конца войны не брить бороды и усов. Конечно, странный был вид у молодца с этакой окладистой бородой и закрученными усами.

— Зачем вам сдалась борода? — настойчиво спрашивал генерал. — Вас же девушки любить не будут. Поцеловать никто не захочет. Как, правильно я говорю? — обратился он к красавице Леле Санфировой.

— Нет! — не растерялась Леля. — Нет, товарищ командующий, такого парня нельзя не любить. За его чудесные руки простишь и дурную бороду.

— Да, золотые руки у памовцев. Замечательный подарок приготовили. Благодарю вас, товарищ старшина, за хорошую инициативу, за самоотверженный труд всего вашего коллектива мастерских! — Тюленев крепко пожал старшине руку и улыбнулся: — Я рад, что ошибся. Поздравляю вас с признанием в женском полку. Этого не легко здесь добиться. Слышишь, Константин Андреевич, оказывается, борода не помеха для доброго молодца! — шутил он, повернувшись к генералу Вершинину. Потом, обращаясь к Бершанской, сказал: — Хороши у вас девушки. Прямо орлы. Вернее, орлицы. Но замечаю непорядок.

Бершанская насторожилась: какой непорядок?

— Женщины должны оставаться женщинами. А они у вас стрижены под мальчишку, все в брюках… Так не годится. Пусть девушки делают прически, какие им нравятся. Когда возможно, пусть ходят в юбках. И сапоги можно подобрать им по размерам. Зачем же изящной девушке носить сапоги сорок третьего размера? Это же по пять пар портянок наворачивать надо. Закажем-ка, Константин Андреевич, всему полку форму и сапоги в армейской мастерской, тоже в виде подарка. Кстати, кто та счастливица, кому вручается подарок ПАМа?.

— Командование полка приняло решение вручить самолет экипажу командира звена младшему лейтенанту Макаровой, — ответила Бершанская.

— Кто такая Макарова? Дайте на нее взглянуть.

Таня сделала два шага вперед и стала по стойке «смирно». Сердце у нее замирало совсем не потому, что она стояла перед убеленным сединами генералом, командующим фронтом. Сердце замирало от радости, от желания оправдать доверие.

— Поздравляю вас, товарищ младший лейтенант, с высокой наградой, — пожимая ей руку, сказал генерал. — Желаю вам и дальше так же отлично бить врагов нашей Родины. И долететь на подаренном самолете до самого Берлина.

— Служу Советскому Союзу.

— Раньше девушкам дарили пудреницу или сумочку. А теперь дарят самолет. Вот какое время настало… — задумчиво продолжал командующий. — Самолет… Разве это подходяще для женщины?

— Когда Родина в опасности, лучший подарок для меня — боевое оружие, — сказала Таня.

Генерал заглянул в глубокие, серьезные, с оттенком печали, глаза Тани и подумал: «Неправильно я сказал давеча. Ни на какую орлицу она не похожа… Дитя. А для врага — страшная сила! Победим врага».

14. ПОЭМА О КОМАНДИРЕ

На вечере художественной самодеятельности Таня была молчалива. Не стала даже петь, это она-то, признанная певунья. Вера озабоченно спросила:

— Случилось что-нибудь?

— А по-твоему, не случилось?! По-твоему, ай да мы, спасибо нам! — неожиданно вспылила Таня. — По-твоему, мы самые великолепные и ходи раскланивайся. Погоди, погоди, нам еще сапожки — по ножке и шинельку — по косточке, как ты мечтала…

— Таня, ты же знаешь, ни о какой шинели я не мечтала. И вообще мечтать о мелочах нельзя.

— Льзя! Все получается: не льзя, а льзя. Льзя причесочками заниматься… Льзя старшине Костенко думать, что, упаси бог, его девочки с бородой не полюбят… Льзя, льзя! — прямо-таки в ярости повторяла Таня нелепое словообразование.

Вера схватила ее обеими руками за шею и поцеловала.

— Отстань! — Таня сняла с шеи ласковые руки.

— Я бы могла обидеться, если б не знала, что, получая награды, ты всегда свирепеешь! — засмеялась Вера. — Пойду потанцую, сейчас все равно серьезно не поговорить.

— А ты хоть чувствуешь, что надо серьезно? А может, и не надо… — Таня сама не могла понять, что с нею творилось. Во всяком случае, значение подарка ПАМа громадно. Может, Вера права: она словно бы свирепеет — такие сильные чувства ее обуревают. Прямо-таки невозможно терпеть: надо идти, бежать, получать самое трудное задание, выполнять его, чтоб земля вставала дыбом. Ни к чему тут разговоры о малозначительном — хочется, чтобы всеми владел святой боевой порыв.

Хорошо, что среди веселья вечера Ира Каширина прочитала сочиненную ею «Поэму о полке».

Таня отличалась способностью запоминать стихи. Поэма всем понравилась. Ире горячо аплодировали. Тане особенно пришлись по душе строки, посвященные Бершанской и Рачкевич:

А наш командир, комиссар — это люди,
К которым привязаны мы навсегда.
И чтоб ни случилось, и где мы ни будем —
Любовь у нас к ним не сотрут и года.

Нет, кажется, женщины более скромной,
Чем наша майор, командир боевой.
В работе, в делах напряженных, огромных

Прекрасный товарищ — простой, волевой.

Мы все ее любим. И каждая тайно
Мечтает спасти ее в жарком бою.
Без шума и пафоса, будто случайно,
Отдать за нее жизнь и силу свою.

Таня даже немножко позавидовала Ире: вот как сумела она выразить всеобщие думы и чувства! А тут в своих не разберешься. Она припомнила историю Иры, целый месяц пробиравшейся по занятой врагом территории, претерпевшей самый страшный страх — попасть в плен.

Тане захотелось поговорить именно с Ирой. Она подошла к ней и своим певучим голосом повторила одну из заключительных строф:

И так мы воюем. И летчики — «братцы»
«Сестричками» девушек наших зовут.
В семье боевой мы как равные драться
За Родину будем. За радостный труд…

Ира ахнула — такого признания, как повторение своих далеких от совершенства строчек Таней Макаровой, такого одобрения она не ждала.

— Да ведь с одного раза и запомнить нельзя…

— Видишь, льзя! — засмеялась Таня. — Уж очень здорово у тебя получилось.

— Таня, ты это серьезно говоришь?

— Не могу я, Ирочка, быть сегодня несерьезной. Видишь, меня даже штурман Вера покинула, потому что не одобряет серьезности в праздник. А я не могу. Я сегодня и на земле серьезная. Вот как ты. Тебе тут хлопали, аж штукатурка с потолка сыпалась. Но ведь не в этом же главное, хоть тебе и было приятно. Ведь главное в том, как… — Таня растянула, подчеркнула голосом всю значительность этого коротенького слова, повторила: — Как ты стихи писала.

— Ой и не говори! — Ира сжала руками виски. Глаза ее на исхудалом лице казались огромными. — И не говори, Таня. Я только тебе признаюсь. Помнишь, о командире полка у меня? О майоре Бершанской! Насчет того, чтобы жизнь за нее отдать, помнишь? Это я там… у немцев в тылу сочинила. Страшно нам было с Софьей Ивановной. Месяц — куда ни кинемся, везде они. Хоть мы обмундирование на какое-то тряпье сменили, но мне все

казалось, что по ненависти в глазах нас узнают. Да, узнают. И конечно, смерть. Трупов мы понавидались с нею… И вот раз — ты не поверишь, — один раз я подумала: ведь это нас Бершанская подрывать самолет оставила… на муки вот эти оставила. Подумала я так. И еще подумала: а могла ли командир полка оставить самолет врагу? Мне было его жалко уничтожать. А ей? И за нас она разве не переживала? За всех, кого каждую ночь посылает на бомбежку, не переживает? А я тут иду — шли мы тогда с местными жителями из сожженной деревни, и они даже в еде нам не отказывали, кормили, — только и делаю, что иду… да еще критику развожу. И сразу никакой критики у меня не стало, когда я Бершанскую со всеми ее делами представила. На Софью Ивановну посмотрела — намного ли она меня старше, а все это горькое время о нас заботилась, всей нашей группой беженцев, солдат и офицеров командовала. И сразу у меня стихи в душе стали слагаться. Были только они в душе лучше, чем получились.

— В душе всегда лучше, — сказала Таня. — Да только на душе не всегда хорошо.

— Ну уж сегодня-то, Макарыч? Сегодня у тебя — торжество!

— Не торжествовать надо. Драться! — отрубила Таня, повернулась и ушла.

Ира не успела и слова сказать. «Напишу стихи, — решила Ира. — Обязательно о ней напишу стихотворение. Мастер она своего дела. И командиром ей быть к лицу».

Мысли Кашириной о Тане оказались пророческими.

В декабре полк получил распоряжение сформировать третью эскадрилью. На пополнение летного состава из тыла не рассчитывали, принялись готовить летчиков из числа своих штурманов. Одними из первых на летчиков переучились Женя Жигуленко, Нина Ульяненко, Наташа Меклин, Рая Аронова и я — Лариса Розанова.

В полку в связи с этим произошли некоторые перемещения. Командиром второй эскадрильи была назначена Татьяна Макарова. Вера Белик — штурманом эскадрильи.

* * *

В одну темную, облачную ночь командир эскадрильи Макарова решила проверить своего нового командира звена, проверить мою технику пилотирования ночью.

Еще до войны я закончила Херсонскую летную школу и два года работала инструктором в аэроклубе. Но летала только днем. На фронте летала ночью в качестве штурмана. Амосова, с которой

мы вместе сделали к тому времени уже более двухсот боевых вылетов, иногда доверяла мне управление, разрешала производить даже посадку. Но ведь все это бывало урывками, из задней кабины, откуда совсем иначе проектируется земля. Без привычки при посадке очень трудно установить, метр или полметра осталось до земли, точно уловить момент, когда колеса должны коснуться грунта. Ошибка может привести к аварии. Поэтому летчику, который имел перерыв, обязательно дают провозные полеты, чтобы он почувствовал землю.

Вот и Таня решила проверить, или, вернее, дать провозные мне, имевшей перерыв в пилотировании довольно продолжительный — больше года.

Задание было самое простое: взлететь, сделать круг над аэродромом и посадить самолет. Макарова заставила меня семь раз взлетать и садиться.

После седьмой посадки она вылезла из кабины недовольная.

— Пойдем прогуляемся, — сказала она и взяла меня под руку.

Погода была плохая. Тяжелые облака еще днем висели над самыми горами, а к вечеру совсем спустились, окутали хребты. Девушки спали в кабинах своих самолетов, некоторые, собравшись в кружок, тихонько пели. Кое-кто прыгал, лупил себя по бокам, греясь.

— Понимаешь, Лорка? — начала Таня. — Взлет, коробочка, расчет, заход на посадку — все отлично. А вот земли ты не чувствуешь. Не чувствуешь, и все. Один раз подошла с углом, чуть не врезалась. Второй раз подвела на два метра и подвесила машину. Самолет любит обращение на «вы». А ты его — плюх да плюх. Последняя посадка немного лучше. Но еще далеко от того, что нужно. Ты не обижаешься, что я так говорю? — вдруг спросила она. — Не обижайся и не унывай. Еще несколько полетов, и ты схватишь землю. А пока давай отдохнем. Потом еще слетаем.

Мы подошли к группке, сидевшей поодаль от самолетов. Разговаривали о каком-то полете, поругивая братцев-бочаровцев.

— …Они забираются, наверное, тысячи на две, — говорил кто-то глухим голосом. — Вот мы пришли на цель По нас зенитки лупят вовсю, прожектора схватили — иллюминация настоящая. И вдруг над головой, метров на триста выше, повис САБ. Осветил нас лучше, чем переправу. Я туда, я сюда — мечусь, не знаю, что делать. Мало того, что снизу стреляют. Там, знаю, фашисты: от них иного ждать нечего. Но каково, если на голову бомбы посыплются от своих же!

— Мне тоже случалось попадать в переплет, — послышался

голос Нины Распоповой. — Интересно, как же братцы теперь летают, когда облачность не позволяет подняться выше?

— Девочки, нужно пропесочить братцев. Давайте-ка частушку про них сочиним.

— А что? Это идея!

— Давайте.

И тут родилась частушка, вошедшая потом в знаменитые в полку «сатирические фрески».

Таня, сама не раз попадавшая в подобные положения над целью, одобрила частушку и сразу стала ее напевать:

Если подруге приходится туго,
Братец: «На помощь спешу!
Да, да.
Я с высоты две тысячи метров
САБом тебя подсвечу.
Да, да».

Потом пели другие песни. И казалось, что нет на свете никакой войны, везде весело и спокойно, как вот тут, в девичьем кружке. Только холод донимал. Временами кто-нибудь вскакивал:

— Фу, черт, совсем нога отмерзла. Ну кто погреться хочет, налетай!

Несколько человек, словно петухи, прыгая на одной ноге, наскакивали друг на друга. Из самолетов тоже вылезали желающие погреться; шли неуклюже, по-медвежьи, растопырив руки, разминая затекшие ноги.

Несколько раз вылетал самолет-разведчик и возвращался ни с чем. Погоды не было. И все-таки все ждали возвращения разведчика с нетерпением. Наконец послышался гул самолета.

— Что-то он нам везет?

— Зря воздух утюжит. И так ясно, что погоды нет. Лучше десять вылетов сделать, чем вот так сидеть и ждать у моря погоды. Домой отпустили бы, что ли.

— Вот посмóтрите, скоро отбой!

Самолет-разведчик заходил на посадку. Таня поднялась и сказала мне:

— Пошли, Лора, еще слетаем. А то и вправду отбой дадут.

Мы направились было к самолету, но Таня свернула к машине командира полка — навстречу нам шла Бершанская.

— Что, девушки, замерзли? Видно, не будет сегодня погоды. Как успехи нового летчика? — спросила она Таню, кивнув на меня.

— Пока плохо чувствует землю, — ответила Таня. — Можно

сделать с ней еще несколько полетов?

— А будет толк в такую погоду? Макарова любую погоду любит, я знаю.

— А Розанова если справится в плохую, то в хорошую и подавно! — смеясь, ответила Таня.

К командиру полка подошли Пискарева со штурманом. Они летали на разведку погоды. За ними потянулись и все находившиеся на аэродроме. Пискарева докладывала:

— Высота облачности над аэродромом двести метров, над горами — еще ниже. Мы — по долине до самого ущелья. Там мокрый снег. Видимости — никакой. На цель пройти невозможно, просветов в облачности нет. Снег тянет в сторону аэродрома.

Таня дернула меня за рукав:

— Пока Бершанская будет звонить в дивизию, мы парочку полетов сделаем. Слыхала, снегопад в нашу сторону идет?

Мы успели сделать три полета. Крупными хлопьями повалил снег, забивая смотровой козырек, стекла очков. Летать дальше было невозможно. А тут и отбой дали.

— Дела движутся! Завтра еще несколько полетов сделаешь со мной, чтобы закрепить. И можно летать на боевые. Тебе ведь, я знаю, неймется, — сказала Таня, и я пошла спать с легкой душой. Таня умела сказать так, что никаким сомнениям не оставалось места. На другой день она заявила, что я теперь летаю «как бог». И я, хотя, конечно, понятия не имела, как боги летают, поверила в свои силы.

15. НОВОГОДНИЕ ЗАБОТЫ

Тихо в комнате. Час назад закончились боевые полеты. Закончились успешно. Потерь не было. Все устали, спят. Не спит одна Таня. Она сидит у стола и пишет.

Вот она подняла голову. Обвела взглядом спящих подруг, посмотрела в сторону печи. «Здорово, что дневальная натопила на славу — девчата не будут мерзнуть. Одежда просохнет у печки». А там, где только можно было примостить — на стульях, на табуретках, на поленьях, — висели портянки, меховые носки; пирамидой возвышались унты, валенки, рукавицы.

«Измучились все с этой дрянной погодой… — думала Таня. — А скоро уже Новый год. Вот чего не знаю — как готовится эскадрилья к новогоднему вечеру? Теперь это моя забота. Что касается боевой работы, тут можно быть спокойной: каждую проверю, каждой сумею помочь, если что — буду требовать. Да требовать-то особенно не придется — все сами стремятся сделать побольше боевых. На техников, вооруженцев тоже можно положиться — машины, бомбы всегда готовы в срок. Девочки, девочки, какие же вы молодцы! А все-таки как у нас самодеятельность?»

И Таня среди других пунктов записала в блокнот:

«Вместе с Карпуниной проверить самодеятельность».

Новый, 1943 год встретили весело. Ранним вечером была получена боевая задача на пятьдесят вылетов. Всего пятьдесят вылетов! Погода стояла хорошая: звездное небо, легкий морозец. Противник не ожидал, что в ночь под Новый год на его голову будут сброшены бомбы. А девушки сбросили. Сбросили еще до 23 часов. Потом быстро зарулили самолеты и с песней поехали к столовой.

Командир полка сообщила, что приедут приглашенные братцы-бочаровцы, и разрешила понаряднее одеться. Поднялся настоящий переполох.

Таня любила строгость военной формы. Сделанная по распоряжению командующего новая форма — прямая синяя юбка и коричневая гимнастерка — очень шла ей, да и не было у нее, как и у многих, цивильного платья. А шелковые чулки и туфельки на каблуках были. Таня расправляла скользкую паутинку чулка, когда Вера, слегка толкнув ее локтем, ехидно спросила:

— Сапожки по ножке выбираешь?

— Ой и зловредная ты, Верка! — засмеялась Таня. — Да ведь

я сегодня за целый год натанцеваться планирую. Одобряешь?

— Безусловно! Мы с тобой в паре так оторвем!

Однако неразлучная пара Макарова — Белик на этом веселом вечере была разлучена. Братцы наперебой ухаживали за сестрицами. Таня была, что называется, в ударе, танцевала до упаду.

Мастер по вооружению Маша Марина — дед-мороз — оделяла всех забавно составленными письмами-пожеланиями. Вера ужасно сконфузилась — даже уши зарумянились, — прочитав: «Десятерых сыновей тебе от твоего милого». Мелькнула мысль: значит, все знают, что у нее есть милый, что она без памяти любит Савву…

Однополчанки скорее догадывались о Вериной сердечной привязанности. Зато доподлинно знали: Белик любит детей, потому и институт выбрала педагогический — возиться с детьми всю жизнь. Почему же это не обыграть?

А Вера думала: «Девочки мои родненькие, разве любовь скроешь? Да и не хочу скрывать от вас — люблю! — Она приложила свои сразу похолодевшие от волнения ладони к пылающим ушам. — Сыновей желаете? Что ж, у мамы вон было восемь детей. Савва рассказывал: его родители тоже многодетные. Спасибо, подружки, за пожелание. Десятерых так десятерых. Дайте только войну закончим!»

Вера бережно свернула тоненькую бумажку «пожелания» и, поскольку привычной гимнастерки с карманами не было — была надета по случаю праздника белая кофточка, — оттянула вырез кофточки, спрятала крохотный сверточек, как талисман, на груди.

Лавируя среди танцующих, к Вере пробирался Савва; они протянули друг другу руки и вместе опять вступили в танцевальный круг.

Новогодний вечер был незабываемо хорош.

* * *

С первых дней нового года началось наступление наших войск на Северном Кавказе. Линия фронта быстро перемещалась на запад. Днем полк то и дело менял базы на заснеженных просторах Ставрополья. Но когда наступала ночь, оказывалось, что противник отошел еще дальше и радиус действия самолетов недостаточен, чтобы сбросить бомбы на его позиции.

По-настоящему ночники настигли фашистов где-то под Краснодаром. А тут дружная весенняя распутица на некоторое время сковала боевые действия. Полк застрял в станице

Джерелиевской.

В батальоне аэродромного обслуживания кончились продукты; несколько дней авиаторов кормили чечевицей, случайно оказавшейся в запасе, без соли, без жиров, без хлеба. Не было бензина и бомб — машины с ними загрузли где-то в дорогах, вернее, в полнейшем бездорожье.

Весна весной, а врага бить надо, и, чем сильней, тем лучше. Командир полка собрала летчиков и сказала:

— Получена телефонограмма, что для нас выделено все необходимое. Находится это на аэродроме Кропоткина. Нужно забрать. На один конец в баках горючего хватит, а там вы заправитесь. Если привезете хлеб, бензин, бомбы, то мы сумеем сегодня ночью поработать. Полетите без штурманов, чтобы было больше места для груза. Лететь нужно на бреющем. Машины не перегружайте. Больше двухсот килограммов не берите — на малой высоте очень трудно вести перегруженную машину. Задание ответственное. Вопросы у кого-нибудь есть?

Вопросов не было.

— Наконец-то проветримся, а то совсем закисли! — радостно сказала Таня, когда все барахтались по колено в грязи, перетаскивая самолеты на руках со стоянок на взлетную полосу.

Расстояние до Кропоткина, 200 километров, прошли без приключений. И вдруг у самого города — туман. Над туманом возвышалась церковная колокольня. А колеса самолетов утопали в молочно-белой пелене, земля почти не просматривалась.

Вот это да! Что будем делать, если горючее кончится? Все наблюдали за самолетом командира. Макарова покачала крыльями и поднялась метров на пятьдесят. С этой высоты обзор был лучше. На северо-восточной окраине города сквозь дымку тумана на земле замелькали силуэты самолетов.

Скорее на посадку — в баках бензин на исходе. И летчики прямо-таки ныряли в туман. Аэродром был просторный, и потому все приземлились благополучно.

Пока шла погрузка, туман рассеялся. На свой аэродром летели опять на бреющем. Большой груз изменил центровку самолета. Управлять им стало гораздо труднее. Путь же до своего аэродрома длился около двух часов. Он, конечно, очень утомил летчиц. После посадки все протирали глаза, делали гимнастические упражнения. Некоторые, обессиленные, ложились на крыло. Через несколько минуту разгрузившись, снова улетели в Кропоткин. За день сделали несколько рейсов и привезли все необходимое для боевой работы.

С наступлением темноты перед самыми боевыми полетами ко мне подошла Таня.

— Лора, как себя чувствуешь? Устала? Может, не полетишь сегодня?

— Что ты! Как это не полечу? Все летают, а я что, хуже?!

— У всех опыта больше. А ты ночью совсем мало летала. И после такого дня… — Таня задумалась. — Хорошо! — наконец сказала она. — Ты полетишь с моим штурманом. Если что случится в полете, то она тебе сумеет помочь. Она знаешь как водит самолет, не хуже любого летчика. А я буду летать с твоим штурманом. Пойдем, Леля, со мной, — обратилась Таня к Радчиковой.

И они ушли.

Через несколько минут появилась Вера Белик. Она молча проверила подвеску бомб, молча села в кабину, присоединила переговорный аппарат. Она была явно недовольна распоряжением командира эскадрильи и, думаю, даже обиделась на подругу.

Ночь была темная, облачная. Очень плохая видимость; как только поднялись в воздух, сразу окунулись в какую-то муть. Я встала на курс, пролетела несколько минут. Ровно, монотонно гудел мотор. Потом звук стал отдаляться, и я почувствовала, что куда-то проваливаюсь. Очевидно, самолет тоже клевал носом, потому что Вера спросила:

— Лора, ты спишь? Давай, я немного поведу, а ты отдохни.

Невозможно было противиться — глаза просто слипались, и я покорно передала Вере управление.

Проснулась я внезапно: Вера бубнила в самое ухо:

— Лора, проснись! Проснись! К цели подходим. Ну проснись же ты наконец! Под нами цель, Лорка!

Я очнулась и схватилась за управление. Глянула вниз, пытаясь рассмотреть нужную нам станицу Славянскую, а перед глазами — одна чернота. Никакого населенного пункта не вижу.

— Где цель? Я ничего не вижу, Вера. С какой стороны цель?

— Цель под нами. Смотри лучше.

Я снова высунула голову за борт. Вдруг из-под нижнего левого крыла на меня уставился яркий луч. Я приняла его за фару самолета. В густой дымке луч показался мне не голубоватым, а желтым, и я, решив, что нас атакуют истребители, резко рванула самолет вправо. А из-под правого крыла на меня уставилась другая фара. Я стала разворачивать самолет то влево, то вправо, позабыв обо всем на свете, крича:

— Вера, пропали! Истребители!

— Где истребители? Какие истребители?! Опомнись!

Но я ничего не слышала — сплетала хитрый маневр, уводила самолет от воображаемых истребителей.

— Скорость! Установи скорость!

Я почувствовала удары по ручке управления и глянула на приборы… испугалась, кажется, больше, чем истребителей: высота 400 метров, скорость 160 километров в час.

«Мы падаем, — поняла я. — Всего несколько минут назад было 1500 метров… Тысячу метров падаем».

От скорости свистело в ушах, самолет вибрировал. Штурман пыталась управлять и кричала мне:

— Убери руку! Выпусти управление!

Тут я опомнилась, скорее всего, оттого, что больше не видела фар — прожекторы светили в хвост. Я установила самолет в горизонтальный полет. Высота была 200 метров, самолет больше не падал.

Вера отбомбилась, мы уходили от цели. Меня начала бить дрожь. Дрожали руки и ноги, челюсти выбивали дробь. Только теперь я представила ясно, что произошло: спросонья я приняла прожекторы за фары истребителей. Ослепленная, шарахаясь во все стороны, потеряла пространственное положение. Самолет беспорядочно падал больше тысячи метров. Лишь благодаря Вере, опытному и мужественному штурману-летчику, мы не врезались в землю.

«Хорошая моя, умница! Ты спасла мне жизнь…» — подумала я о Вере и с не меньшей благодарностью о Тане.

Расчувствовавшись, я чуть не заплакала. Но почему молчит Вера? Я отчаянно закричала в трубку:

— Вера, ты жива? Почему молчишь?

— Жива! А ты не ранена?

— Нет, все в порядке! Ты меня спасла!

— Ну вот еще! Там, над целью, ты меня здорово насмешила. Шарахаешься от прожекторов в кричишь: «Истребители!»

— Не будешь другой раз разрешать летчику спать в полете. Ведь я тогда еще не проснулась как следует.

— А сейчас?

— Сейчас все в порядке!

16. ГВАРДЕЙЦЫ

Что по-настоящему огорчало людей в полку, так это нелетная погода. Низкая облачность, сильный порывистый ветер. И хотя летно-технический состав находился в боевой готовности на аэродроме, настроение у всех было не из веселых. На КП, в землянку, набилось столько народу, что яблоку, как говорится, упасть негде. Поиграли в «балду» — надоело. Таня, по своему обыкновению, помурлыкала песенку, Вера уснула, положив ей голову на плечо. Все подремывали, даже Бершанская — за столом, освещенным тусклой коптилкой. Рядом, у телефона, начштаба Ирина Ракобольская читала толстенную книгу — тихо шелестели страницы.

И вдруг тишину, полусонное царство землянки нарушил резкий телефонный звонок.

— Да, слушаю. Здравствуйте, товарищ генерал. У нас — отвратительная. Нет, только дремлем, сидим все на КП. Рядом со мной. Передаю ей трубку. — Ракобольская протянула трубку Бершанской.

— Бершанская слушает. Здравия желаю, товарищ генерал. Спасибо. А с чем поздравляете? Что? Большое спасибо, товарищ генерал! Сейчас объявлю всем!

Командир полка положила трубку и встала. Все подняли головы: «Может, погода прояснилась? Или отбой?»

— Товарищи! Девушки… Да что же это я? Совсем растерялась. Товарищи, нашему полку присвоено звание «гвардейский». Поздравляю вас, товарищи гвардейцы! Наш полк теперь называется: сорок шестой гвардейский.

Сначала грянуло «ура!». Потом девушки повели себя совсем не так, как подобало бы суровым воинам-гвардейцам. Они обнимались, целовались, бессвязно выкрикивала:

— Ой, девочки! Гвардейки!

— Вот это радость!

— Подруженьки, голубоньки… гвардейцы мы…

Прозвучало излюбленное Танино, произнесенное торжественно:

— Ай да мы! Спасибо нам!

— Спасибо Родине, партии и правительству, — поправила ее комиссар Рачкевич.

Все опомнились и начали произносить речи.

— Товарищи гвардейцы, в нашем полку нет ни одного мужчины, — сказала парторг Мария Ивановна Рунт. — И мы, женщины, оказались в силах справиться с любой возложенной на

нас задачей. Даже военной, даже боевой.

— Родина! Наша Советская Родина сделала меня крылатой. И тебя! И тебя! — Таня положила руки на плечи тесно стоящих рядом Веры Белик и Кати Пискаревой. — Может, я от волнения что-нибудь и не так скажу. Но я не могу не сказать. Родина, комсомол подняли нас в небо. А меня прямо из омута, из болота. Недаром улица, где я росла, так и называлась Болотной. Я выросла в религиозной семье. Моя мать неграмотная и ничего, кроме молитв, не знала. А Родина мне дала все. Я стала не только грамотной. Я научилась управлять самолетом. Новое гвардейское звание — новое для нас обязательство. Будем же еще крепче бить врага!

Солнце и весенний ветер быстро подсушили землю. Кончилась распутица, и началась нормальная боевая работа. Нормой считалось, когда каждую ночь экипажи делали по пять — семь вылетов. Бомбили и бомбили. Днем эти бомбовые удары тщательно подготавливались. Таня объясняла и вместе с летчиками и штурманами отрабатывала различные варианты подхода к цели, поведения над целью. За внимание, за щедрую передачу опыта все полюбили своего командира. В полку бытовало выражение, оброненное как-то Бершанской: «Как рыба в воде, так наша Макарова в воздухе».

Все шло хорошо. Только Таня почему-то часто бывала невеселой.

Как-то я спросила ее:

— Что с тобой, Танюша? Почему у тебя такое мрачное настроение?

Она вначале пыталась отшутиться, а потом сказала:

— Знаешь, я решила, что не могу, не должна быть командиром эскадрильи.

— Почему? Что ты болтаешь?

— Ладно. Ты — парторг эскадрильи, все должна знать. Командир полка много раз делала мне замечания, что у нас в эскадрилье сплошное панибратство. Не соблюдается воинская субординация. Все называют друг друга по именам, а чаще — кличками. Ко мне все обращаются не по званию и не по должности, а просто Таня или Макарыч. И я не могу этого изменить. Ну скажи, к чему я назову тебя «товарищ командир звена», когда ты для меня друг Лорка? И так я со всеми. Вот ты говоришь мне: «Что ты «болтаешь?» Каждая подчиненная мне может сказать так же. Значит, я недостаточно серьезна, не требовательна для командира. Не могу быть командиром. Вот и все!

— Танечка, милая! — Я хотела обнять ее, но тут же

поправилась: — Товарищ командир эскадрильи, а вы найдите в себе силу воли и заставьте себя обращаться со все-ми официально. Строго. По-гвардейски.

— В том-то и секрет, что необходимо по-гвардейски. А я не могу. Не получается у меня.

— Нет, Танечка, это нужно сделать. Неужели из-за этой мелочи ты не будешь нашим командиром?

— Это не мелочь! Это воинская дисциплина! А у меня ее нет.

— Как это нет? Все приказы, все задания, все, все ты выполняешь. Разве это не дисциплина?

— Это дисциплина не командира, а рядового бойца. Я сама приказания выполняю, а с других потребовать не умею. Ты думаешь, мне легко? Я совсем сон потеряла.

— Это ты все придумала.

— Ничего я не придумала. В том-то и беда.

После этого разговора были беседы с летчиками и техниками эскадрильи. Все обещали подтянуться.

* * *

В общежитие второй эскадрильи адъютант Маша Ольховская принесла большую пачку газет и писем.

— Девчонки, налетай! Почта пришла!

— Минуточку, минуточку! Раздам по порядку. Белик, Радчикова, Рогова, Макарова, Чечнева! — выкрикивала Ольховская фамилии счастливчиков.

Таня получила три письма. Одно — из дому. Второе — от школьной подруги Маруси Перемотиной; та писала, что тоже ушла добровольцем на фронт, служит в зенитных частях. Особенно порадовало Таню третье письмо.

— Смотри, Верок, что мне бывший мой курсант пишет: «На счету имею четыре сбитых самолета противника. Воюю там, где теперь идут жаркие бои». Наверное, где-то под Курском парень. Мне не удалось стать истребителем, так мои питомцы дают фрицам прикурить. А ведь я просила Раскову зачислить меня в истребительный полк. Других наших девчонок — Валю Лисицыну, Раю Сурначевекую — зачислили. А мне Раскова знаешь что сказала? «У вас, Макарова, есть опыт ночных полетов. Вам лучше пойти в ночной бомбардировочный». И потому я оказалась в нашем полку.

— Ну и что, ты жалеешь? — ревниво спросила Вера.

— Немножко. Ты знаешь, как я люблю скорость. Вот бы на скоростном мы врезали!

— Ну тогда бы уж не было «мы». Тогда была бы одна ты.

— Это в смысле — на самолете. Правильно: без тебя. И это я себе плохо представляю, потому что с тобой как будто срослась. А вообще «одна» у нас быть не может. Смотри, Маруся Перемотина пишет: «Подалась в зенитчики, бьем стервятников в небе с земли». Это Маруся-то, которая тише воды, ниже травы — она со мной да с Виктором только и дружила, — говорит «бьем» — во множественном числе. Не может у нас быть «одна».

Вера не возражала.

В горьком раздумье Таня сказала:

— Дома вот у меня действительно одиночество. Сестренка с больной мамой одна. Сестра Мария, потому что была одна, умерла. Все богу молилась, милости просила. И умерла. А она меня вынянчила, мать мне заменяла.

— Ты вспоминаешь ее? Горюешь? А на похороны не попросилась поехать. Я тебе говорила: Бершанская отпустит, раз такое дело.

— Чудная ты, Вера! Разве тогда обстановка позволяла личными делами заниматься? А потом… Похоронить-то ее попы похоронили… еще заживо. Это уж ты будь уверена, они умеют в свой омут затаскивать. Я все о младшей теперь, о Верушке беспокоюсь… как она этому ладанному омуту противостоит?

— Таня, неужели в наши дни церковь — сила? Я даже представить не могу.

— И не представляй! Для смеха я тебе признаюсь: запах этого самого ладана мне нравился. У нас в комнате всегда маминым лекарствами пахло. А то приду и радуюсь. Ага, думаю, без меня поп побывал, при мне боится. Конечно, тут была моя ошибка. Нельзя, чтоб и без меня.

— Товарищи! — раздался громкий голос комиссара Карпуниной. — В «Последних известиях» есть о летчиках. Послушайте! «В районе Белгорода летчики Н-ской части майор Гриднев и младший лейтенант Лисицына атаковали немецкий бомбардировщик «Юнкерс-88».

— Повтори фамилии летчиков! — Таня встала.

— Майор Гриднев и младший лейтенант Лисицына.

— Да ведь это же наша Валька Лисицына! — воскликнула Таня. — Ну и ну! Атаковала «юнкерса»?

Все обступили Карпунину. Она продолжала читать:

— «У вражеского самолета загорелся правый мотор. В это время майор Гриднев заметил приближающийся немецкий истребитель «Фокке-Вульф-190». Майор изменил курс, атаковал вражеский самолет и несколькими очередями сбил его. Младший лейтенант Лисицына тем временем добила «юнкерс», и он рухнул

на землю. Вскоре из-за облаков вынырнули еще два немецких самолета. Однако Гриднев уже израсходовал все боеприпасы и был вынужден выйти из боя. В погоне за безоружным, но искусно маневрировавшим в облаках Гридневым немецкие самолеты столкнулись друг с другом и разбились. Гриднев и Лисицына благополучно приземлились на своем аэродроме».

— Я всегда говорила, что Валька смелая девчонка! — радостно сказала Таня. — Вы только подумайте: воздушный бой! Это похлеще, чем прожекторы и зенитки.

— Хрен редьки не слаще. Неизвестно, что страшнее — на тихоходном фанерном самолете летать, спасаться от зениток и прожекторов, или на скоростном, оснащенном пушками и пулеметами, драться с истребителями, — сказала Чечнева.

— Да я не о том, Марина. Я говорю, что все же много нужно иметь смелости и мужества, чтобы вступить в бой лицом к лицу с противником. Валя всегда отличалась такими качествами.

— Я не спорю. Чтобы летать, конечно, нужно быть не трусом. Я помню Лисицыну с Энгельса — боевая дивчина. Ты переписываешься с ней?

— Да. Только что-то давненько ничего от нее не получала. Напишу ей сейчас сама. Поздравлю с победой.

— Передай ей от меня самый сердечный привет, — попросила Марина.

— И от меня передай ей персональный привет. Мы ведь вместе работали! — закричала Маша Акилина.

— От всей эскадрильи передавай ей привет!

Таня немедленно — поскольку выдался свободный час — уселась писать письмо.

«Здравствуй, дорогая Валюша!

Сегодня всей эскадрильей читали «Правду» от 27 июня 1943 г. Узнали о твоей победе над «юнкерсом», и все вместе радовались за тебя. Больше всех, конечно, рада за тебя я и первым делом спешу поздравить. Продолжай в том же духе. Очищай наше советское небо от всякой нечисти. Валюша, почему ты редко мне пишешь? Ты ведь знаешь, сколько радости доставляют письма от старых друзей. Настроение сразу становится лучше. Валюта, пиши чаще о себе и побольше. Мне интересно знать, к кому ты неровно дышишь? И кто к тебе? Как Рая и остальные наши девчонки?

Я живу хорошо. Скучать не приходится. Днем спим, а ночью швыряем на фрицев «гостинцы». У нас тут сейчас жарко в полном смысле слова. Солнышко палит —

терпения нет. И бои идут жаркие. По пять — семь раз летаем на ту сторону. Насчет любви у меня пока все по-старому. Да и не к кому неравнодушной быть. Может, после войны кого встречу…

Валюша, привет всем вашим девчатам от меня и девчат эскадрильи. Отдельный привет передают тебе Чечнева, Акилина и Пискарева. Жду твоих писем.

Таня Макарова».

17. ГИБЕЛЬ ПОДРУГ

К середине 1943 года на юге фашисты пытались укрепиться на Голубой линии; построили фортификационные сооружения по последнему слову техники. Сильная оборона на подступах к Таманскому полуострову создавала особые трудности для наступления наших войск. Масса людей сосредоточилась на небольшом клочке земли, и в наземных боевых действиях наступило некоторое затишье.

Зато была горячая пора работы авиации. Завязывались жесточайшие воздушные бои между истребителями. Методически обрабатывался бомбометанием передний край противника, проводилась разведка с воздуха. А главное — наша авиация изнуряла захватчиков ежедневными, еженощными бомбежками; ни днем ни ночью не давала передышки врагу.

Полк стоял в сорока километрах от линии фронта. Появление ночников над позициями гитлеровцев вызывало с их стороны шквал зенитного огня; противовоздушная оборона врага от ночи к ночи усиливалась. В море огня трудно было уцелеть. Полк нес потери.

Над Новороссийском была убита в воздухе летчица Евдокия Носаль. Погибшую подругу заменила Ира Каширина, переучившаяся к этому времени на штурмана. Израненный самолет она привела на свой аэродром.

Над Крымской были тяжело ранены командир эскадрильи Никулина и штурман Радчикова. Самолет загорелся. Никулина, теряя временами сознание, все-таки нашла в себе силы сбить пламя, перетянуть через линию фронта и посадить самолет. Лишь утром истекающих кровью девушек нашли солдаты переднего края и доставили в госпиталь.

Там же, над Крымской, изрешетили весь самолет Кати Пискаревой. Большая выдержка и мастерство потребовались ей, чтобы довести самолет с тяжело раненным штурманом до аэродрома. Погиб экипаж командира эскадрильи — Полина Макогон и Лида Свистунова. Не вернулись с боевого задания Полина Белкина и Тамара Фролова.

Самолет экипажа Санфировой — Гашевой был подбит над целью. Мотор прекратил работу. Санфирова вынужденно приземлилась там, где еще хозяйничал враг. Стоило колесам коснуться земли, как девушки выскочили и бросились бежать к плавням. Но, подумав о том, что самолетом может завладеть противник, Санфирова и Гашева вернулись, выстрелом из ракетницы подожгли самолет. Потом трое суток пробирались к

своим через плавни.

Фашисты наращивали против ночников огневые средства. Иногда бывало трудно сосчитать количество прожекторов, скрестившихся на самолете. Даже при докладах штабам обстановки над целью — докладах, требующих абсолютной точности, — девушки с болью говорили:

— Миллион прожекторов светило, не иначе.

Выскользнуть из цепких лучей было невозможно. Приходилось маневрировать скоростью, высотой, и направлением полета, чтобы сбить с прицела зенитчиков. Но ничто — ни зенитки, ни прожекторы — не помогало врагу: через каждые две-три минуты появлялся очередной самолет и сыпал бомбы.

Тогда фашисты в ночь на 31 июля применили новую тактику.

Первой в ту ночь вылетала эскадрилья Макаровой. Как всегда выслушав общую боевую задачу полку, Таня собрала свою эскадрилью.

— Утрясем внутренние вопросы, — сказала она, развернула полетный лист и прочла: — «Сегодня, 31 июля 1943 года, очередность вылетов второй эскадрильи следующая:

первый экипаж — Крутова — Саликова;
второй — Высоцкая — Докутович;
третий — Рогова — Сухорукова;
четвертый — Розанова — Студилина;
пятый — Полунина — Каширина;
шестой — Макарова — Белик;
седьмой — Чечнева — Клюева;
восьмой — Дудина — Водяник;
девятый — Рыжкова — Руднева».

На мгновение воцарилась тишина. Таня спросила:

— Задача боевая всем ясна? Очередностью все довольны? Имейте в виду: у меня учет строгий. Разойдись по самолетам!.

Эскадрилья под командованием лейтенанта Макаровой вылетела бомбить скопление живой силы и техники, врага в расположенных рядом станицах — Киевской, Крымской и Молдаванской.

Над рекой Кубанью, то есть примерно на половине маршрута, мы с Надей Студилиной, летевшие четвертыми, отметили: впереди зажглись прожекторы. Значит, первый самолет уже над целью. Сейчас ударят зенитки. Но зенитки молчали. Лишь острые лезвия прожекторов секли небо во всех направлениях. Не замутненные ни единой вспышкой выстрела, ни единым облачком зенитного разрыва, лучи схватили в перекрестие самолет — крошечное, сразу засветившееся перышко. И повели, повели…

Вдруг это перышко вспыхнуло. Во все стороны от него

брызнули разноцветные капли — рвались ракеты. Значит, загорелись кабины.

Горят, гибнут подруги — первый экипаж: Женя Крутова, Саликова Саша! И ничем невозможно помочь. Невозможно даже понять: что случилось? Отчего загорелся самолет?! Ведь не было же, не было зенитного обстрела. И прожекторы потухли. Тьма над целью озарена только горящим самолет том — косматым комком пламени, он падает к земле. Удар. Взрыв. Тьма на мгновение становится непроглядной.

Но опять зажигаются мертвенно-холодные голубоватые лучи. Они сразу сходятся в одной точке — схватывают второй подошедший к цели самолет. Наш четвертый экипаж находится совсем близко от цели: ясно различаем крылья, хвостовое оперение освещенного прожекторами самолета. Хотя сердце сжимается от боли, мы внимательно наблюдаем за происходящим над целью. Зенитки продолжают молчать. Проходят секунды — и рядом с освещенным самолетом вспыхивает красная ракета. Тут же несколько вспышек-выстрелов.

— Обстрел с воздуха! — в один голос вскрикиваем мы с Надей. — В воздухе патрулирует истребитель противника!

Истребитель поджигает второй самолет. Пламя мгновенно растекается по плоскостям. Но самолет не падает. Жива Высоцкая! Жива! Она отчаянно борется с огнем. Маневрирует, планирует. Да разве уйдешь от истребителя на малой скорости?

Вниз сыплются горящие лоскутья — самолет Высоцкой разваливается…

Теперь экипажи и пятого, и шестого, командирского, самолетов — свидетели разыгравшейся трагедии. Таня видит: ее подчиненные, ее подруги идут на смерть. Она знает: они не свернут, не отступят. Страшное, непоправимое горе еще не полностью дошло до ее сознания. Какая-то тупая боль и пустота поразили мозг и сердце.

Она, командир, должна помочь.

Как? Чем? Всего несколько минут, несколько секунд назад были полны жизни и сил девушки первого и второго экипажей. Нет их, нет их теперь. Третий идет на гибель. Девочки, родные мои!

— Девчонки! Неужели не понимаете?! — Осененная спасительной догадкой, Таня захлебывается криком.

Спасение! Есть спасение! Таня думает не о себе и Вере — шестом экипаже. Она думает обо всех. И о третьем, который вот он — над целью. Нет, не успеть Саше Роговой и Жене Сухоруковой, не успеть им ничего изменить! Они идут на заданной высоте. Там, на этой высоте, их схватывают в третий раз

зажегшиеся прожекторы. Третий, наш самолет расстрелян вражеским истребителем.

Но ведь можно же, можно пересилить, перехитрить врага!

Макарова — командир — нашла единственно правильное в подобной обстановке решение. Но она не могла передать приказ, не могла подсказать подругам это одно-единственное правильное решение. Все существо Тани кричало, надрывалось: ну, девочки, ну, родненькие, сделайте же так!.. Сделайте так! Только так — спасение и победа! Только так! А как — невозможно было показать личным примером, потому что четвертый и пятый самолеты идут впереди шестого, командирского.

…И все-таки, мне кажется, я осталась жива и выполнила боевое задание в ту скорбную ночь, подчиняясь приказу своего командира Тани Макаровой. Я его восприняла так же, как он, вынужденно бессловесный, был отдан — всем существом.

Я видела: сбиты два наших самолета. Истребитель их расстрелял. «От истребителя не уйдешь на нашем тихоходе, — хотела я сказать штурману Наде Студилиной. — Высоцкая сгорела. Та же участь ждет и нас».

По спине забегали мурашки, руки, словно чужие, лежали на штурвале, во рту пересохло. Ни одной мысли. Ничего, кроме страха. Страшно. Очень страшно! Смотрю я на горящий самолет Высоцкой, вижу, как он вращается, неуправляемый, как бушует на нем пламя. Две мои подруги в этом пламени. Что делать? Что делать? Силы будто сразу иссякли, не могу даже пошевелиться. Штурман мой, Надя, тоже замерла.

«Задание нужно выполнить!» — раздается властный голос в душе. Нужно. Но как? Я ничего не могу придумать. Над целью нас подкарауливает вражеский истребитель, и нет от него спасения. Страх делает человека слабым, безвольным. Так было и со мной: я держала вялой рукой управление, и самолет шел вперед по установленному курсу.

Тут в третий раз зажглись прожекторы. И через минуту загорелся третий самолет.

Его вспышка словно толкнула меня — лихорадочно заработала мысль: «Высота? Высотой не спасешься от истребителя. Он взмоет выше. Нет, это не выход. А если подойти к цели на малой высоте? Ночью истребитель не решится снижаться для атаки. Решено: иду на малой!»

Это и был мысленно переданный мне приказ командира.

Сразу у меня появилась энергия. Страха как не бывало. Каждое движение рассчитано: плавно убираю обороты мотора, планирую на цель.

Надя испуганно встрепенулась, спросила:

— Заглох мотор? Конец?

Надя Студилина была совсем молодым штурманом, из вооруженцев переучилась. Это были ее первые боевые вылеты. Можно представить, что она переживала, видя, как истребитель в упор расстреливает наши самолеты. Даже не имея боевого опыта, она понимала, что и нас ожидает та же участь. И вдруг заглох мотор. Я поспешила ее успокоить:

— Надя, мы подойдем к цели неслышно и будем бомбить с малой высоты, чтобы истребитель не смог атаковать. Поняла? САБ сбрасывать не нужно, отбомбишься втемную. Следи пока за воздухом.

Мы не могли оторвать взгляда от падающего факела — третьего самолета. Он был совсем рядом. Почти одновременно мы снижались, а он падал. Экипаж Саши Роговой и Жени Сухоруковой — экипаж моего звена. Они вылетали перед нами — славные, милые, добрые подружки. Мы знали: у них нет парашютов. Но все же мы надеялись: а может, не погибнут…

К цели мы подошли, планируя на высоте пятисот метров. Пока разворачивались, еще потеряли высоту, и только с двухсот восьмидесяти метров бомбы полетели вниз. Четыре взрыва слились в один, показавшийся нам особенно мощным, потому что мы были на малой высоте, да еще и с приглушенным мотором.

Самолет качнуло взрывной волной. И четыре прожектора зашарили по небу, ища нас на высоте. А мы были у фашистов над самой головой: планируя, удалялись от цели. Высота быстро падала: двести… сто пятьдесят, сто метров. Больше снижаться нельзя, пришлось включать мотор. Как только раздался гул и посыпались из выхлопных патрубков искры, с земли потянулись трассирующие пули — нас обнаружили. Я оглянулась — и слышу тихий, взволнованный голос штурмана:

— Поймали! Опять поймали самолет.

Сзади нас, вверху, в перекрестие прожекторов опять попал самолет.

— Это, наверное, Полунина с Кашириной, — сказала Надя.

Да, это были они. Они вылетали за нами. Они шли на заданной, засеченной врагом высоте. «Валя, Валя, как же ты не учла обстановку! Неужели не видела, что творится над целью? Четвертый экипаж. За каких-нибудь десять минут сбито четыре самолета. Восемь человек».

— Был бы у нас пулемет, не ходил бы так нахально фриц… Хоть бы пугануть его! — в отчаянии говорила Надя.

— Погоди, Надя, погоди! — в не меньшем отчаянии твердила я. — Сейчас слетаем за бомбами! Сейчас еще ударим по гадам!

Я быстро набирала высоту, удаляясь от цели. Вдруг пучок

яркого света ударил по нашему самолету. Мимо со свистом промелькнул темный силуэт истребителя. Очередь прошила плоскость, но не зажгла. Руки действовали словно сами собой; резко убрав газ, я перешла на планирование, изменила курс. Истребитель, видимо, на выходе из пикирования после атаки случайно заметил наш самолет и, осветив фарой, дал очередь. Огонь оказался не прицельным. Однако истребитель мог возвратиться. Я торопилась уйти на малой высоте.

Надя все оглядывалась и говорила мне, что происходит над целью. Когда особенной силы взрыв потряс и воздух, и землю, Надя сказала:

— Должно быть, с командирского самолета в какой-нибудь горючий объект угодили. Прямо полыхает земля! Только как же на малой оттуда теперь выберутся они — командир и Белик?

— Помолчала бы! — бесцеремонно оборвала я штурмана. — Запомни, на любой высоте наша Макарыч и сама выйдет и других выведет. Понятно?

Сказала-то я все это убежденно, уверенно. А на душе прямо-таки тяжелый камень лежал. И до самого аэродрома мы потом с Надей молчали, подавленные случившимся.

Вслед за нами приземлилась Макарова. Она буквально почернела от горя. Восемь девушек эскадрильи сгорели на ее глазах.

— Это я… я… послала их на смерть. Мне самой нужно было лететь первой. А я выдерживала очередность. Я виновата, — говорила Таня.

— Не ты виновата, а фашисты… война, — возражала ей Вера. — Кто мог знать, что такое случится?

Вернулись остальные экипажи. Замолкли все моторы. К собравшимся подошли командир и комиссар полка.

— Дорогие подруги, очень тяжело нам всем, — неузнаваемо хриплым голосом произнесла Рачкевич. — Враг вырвал из жизни восемь наших подруг. Мы отомстим за них. Но, учитывая обстановку над целью, командование отменяет на текущую ночь полеты бомбардировщиков. В бой вступят наши истребители. Они расчистят небо от вражеской нечисти. И тогда мы будем снова выполнять боевые задания. А пока — отбой! Поставьте самолеты на места. И всем спать.

Но могли ли мы спать? В общежитии летного состава второй эскадрильи стояли восемь пустых коек, словно восемь покойников, не позволяя заснуть, забыться хоть на минуту. Девушки медленно раздевались, ложились, укрывались столовой одеялами. Молчали. Долго отсутствовала Таня. Через полчаса, а может, через час она вошла в комнату, села у стола, положила

голову на руки. К ней подошла Вера, обняла за плечи. Поднялись и другие девушки. Никто никого не утешал. Просто не находили для этого слов.

Наконец Таня подняла голову и сказала:

— Все, Верочка. Мы больше с тобой не летаем. Я была у командира полка и просила, чтобы меня освободили от командования эскадрильей. Ты теперь будешь летать с новым комэском.

— Ты больше не хочешь со мною летать?

— Не я с тобой… А ты со мной… Ты хороший штурман и должна остаться штурманом эскадрильи. Из-за меня ты не должна страдать.

— Что ты говоришь, Таня?! Всегда мы были «мы». А как же сейчас будем врозь? Да мы просто не сможем. Пойду Бершанской объясню: мы друзья на жизнь и на смерть. Вот, как они… — Вера указала на пустующие койки.

Таня сжала потрескавшиеся губы, закрыла глаза. По щекам ее катились слезы.

Кто-то всхлипнул в углу.

— Нет! — сказала Таня и поднялась во весь рост. — Нет, если мы друзья, то на жизнь. Мы должны жить, Верок, чтобы отомстить за них. Вместе? Конечно вместе. Но поймите, девочки, не могу я командовать эскадрильей…

18. ЖАРКАЯ ПОРА

Просьбу Тани удовлетворили. Назначили опять командиром звена.

По-прежнему летала Макарова на подаренном самолете и по-прежнему с Белик, только не во второй, а в первой эскадрилье. По-прежнему шла с особой охотой на выполнение труднейших заданий, и почерк ее полета был отточен, стремителен и неудержим.

И шутила Таня, словно бы как прежде, лишь глаза глядели печальнее. Таня глубоко переживала трагедию последней июльской ночи. Сначала ей казалось, что она виновата в гибели подруг — подчиненных. Она вспоминала каждую, перебирала в памяти дела, слова, поступки, привычки каждой. Ира Каширина? Внимательная, вдумчивая, храбрая и исполнительная Ира. Сколько души она вкладывала и в будничную подготовку самолета, и в освоение нового для нее штурманского дела, и в стихи свои о родном полке… Нет Иры.

Думать о том, что она, именно она, командир эскадрильи Макарова, послала штурмана Каширину, как и других штурманов и летчиков, навстречу смерти — и теперь их нет… нет… нет, думать об этом было невыносимо.

Таня рыдала при всех. Когда спали — не позволяла рыданиями беспокоить отдыхавших. Даже Вера отчаялась утешить друга.

Командир и комиссар разговаривали с Таней, как с дочерью. Бершанская так и сказала, гладя ее по лбу, по щеке непривычной к этому жесту рукой летчика:

— Девочка моя, да разве ты виновата?! Ты делала то, что велел долг. Трудный долг и обязанность командира. Но пойми: не горечь потерь должна жить в сердце бойца… летчика-гвардейца…

— Макарова… Танюша, опомнись: нельзя себя так расслаблять, — говорила Рачкевич. — Идет война. Каждый день, каждый час гибнут наши родные советские люди. Погибли подруги… Да, тяжко. Но если боль и горечь утраты нас сломят, разве мы сможем победить врага? Нет, собственное горе и горе всенародное должно нас только закалить, переплавить нашу ненависть к врагу в силы на разгром врага. Ведь мы с тобой — бойцы партии коммунистов. Партия призывает нас на бой! Мобилизуй свою волю.

Татьяна Макарова была летчиком-гвардейцем и коммунистом. Тяжелое испытание не сломило ее духа. Она отдалась боевой работе, не зная устали ни днем ни ночью. Она

мстила за погибших, за разрушенное счастье близких.

Вера с Таней сдружились еще больше. Впрочем, о них в полку всегда говорили: «Одна душа».

Когда-то, в самом начале боевого пути полка, если летчик и штурман возвращались на израненном самолете, чувствовали себя почти именинницами; окружающие смотрели на них, как на героинь: чем больше пробоин в самолете, тем больше, мол, проявлено храбрости. Росло летное мастерство, и в ранениях геройства уже не усматривалось: это было прискорбной повседневностью войны.

Битый враг остервенело огрызался. Кроме океана зенитного огня легким суденышкам ночников угрожали бронированные истребители. Как проявление истинного мужества и отваги, как высокий класс летного искусства воспринималось теперь умение выполнить боевое задание и выйти невредимой из этого ада.

Таня отличалась таким умением.

Она много работала и на земле, чтобы его отточить, развить. В удушающую жару сухого кубанского лета она и Вера усиленно занимались спортом. Вера была отличной пловчихой — она выросла на море. Таня предпочитала бег на короткие дистанции.

— Знаешь, — говорила она Вере, — схоже с полетом над целью: каждое движение на счету.

— Как и во всех видах спорта.

— Нет. Плавание, например, мне не нравится. Движения какие-то неорганизованные, когда плывешь.

— Это потому, что ты плавать не умеешь. Ну-ка, тренироваться!

Вера была капитаном спортивной команды и каждую свободную минуту устраивала тренировки. Где бы и как бы ни спасались от нее подопечные, обязательно разыщет, увлечет за собой. Нелегко это сделать в жару — все стремились хоть на некоторое время укрыться в тени.

На винограднике слонялись полураздетые девчата. Из-под запыленной листвы свисали тяжелые грозди продолговатых розово-желтых ягод.

— «Дамские пальчики». Девушки, не перепутайте, что в рот положить! — воскликнула Таня и начала рвать ягоды прямо губами. — Тебе говорю: не перепутай, Пискарь.

— Мудрено перепутать, — отозвалась Катя. — Посмотришь на свои пальчики и… не поверишь, что они дамские. Кожа черная, потрескавшаяся.

— Девчонки, у меня знаете какой был всегда раньше маникюр? Во! — показала Женя Жигуленко длину ногтей жестом заядлого рыболова, рассказывающего о сорвавшейся рыбе. — Я

обожаю руки с наманикюренными ногтями. Только губы крашеные не люблю. Никогда не красила.

— А кто красил? Воображаю, если кто-нибудь заявился бы в аэроклуб с накрашенными губами!

— А в институт?

— У нас из молодежи, кажется, никто во всем городе не красил губы. А городок-то не маленький.

— Девочки, давайте после войны всем полком поселимся здесь, в Маевском, — мечтательно сказала Нина Распопова. — Вот винограду разведем! Выделят нам плантацию, и будем мы выращивать виноград.

— Хорошая идея, — согласилась Таня. — Давайте-ка на собрании обсудим этот перспективный план. Маму больную, привезти бы сюда, на вольный воздух.

— Выдумщица ты, Таня. Какой тут вольный воздух, дышать нечем.

— Ну так ведь это — скоропреходящая жара! — Таня уже отстаивала понравившуюся ей мысль привезти в Маевский свою семью. — Тут и правда хорошо: простор, виноград…

— Нет, после войны я в Москву поеду, — подала голос Вера. — Доучиваться надо.

— Ты и так, Белик, ученая, как профессор.

— Девочки, уже седьмой час, — напомнила Таня. — Собирайтесь, а то на полеты опоздаем. Плавательная тренировочка, Верок, тю-тю… некогда.

В поселок девушки возвращались вдоль реки. Бледное, изнемогшее от собственного жара солнце уже коснулось водной глади на горизонте.

Таня вспомнила, что ей рассказывала местная жительница, хуторянка: «Малярию у нас лечат водой. Стоит окунуться в реку на закате солнца — и болезнь как рукой сымет». Катю Пискареву в последнее время часто трясла лихорадка.

— Катя, ты давно платила членские взносы? — спросила Таня.

— Недавно. А что?

— А ну покажи партбилет!

Катя, немного удивленная, расстегнула карман гимнастерки и протянула маленькую книжечку Тане. Девушки остановились в недоумении. Таня бережно взяла Катин партбилет, а Катю столкнула в воду. Катя вскрикнула, упала, окунулась с головой.

У берега было мелко — пострадавшая тут же, отфыркиваясь, поднялась на ноги. По пояс в воде, в мокрой потемневшей гимнастерке, с прилипшими к лицу волосами, она стояла разъяренная, спрашивая:

— Ты что, с ума сошла? Или винограда объелась?

Таня немедленно протянула обе руки — помочь.

— Иди ты! — ударила ее по рукам Катя и сама стала выбираться на берег. — Хороши шутки. А в чем я на полеты пойду? Девчата, нужно сказать врачу, пусть проверит Таньку. Она определенно ненормальная, — говорила Катя уже беззлобно, снимая с себя гимнастерку и брюки, чтобы выжать. — Подумать только, до чего хитра: «Покажи партбилет»! Хорошо хоть, что у тебя ума хватило партбилет взять. И на том спасибо.

Смеясь, девушки окружили Таню и Катю. Пока Катя выкручивала мокрую одежду, тело обдало ветерком, и оно покрылось гусиной кожей. Зубы Кати начали выстукивать дробь.

— Ой как холодно! Опять началось. Опять лихорадка схватила, — зашептала Катя.

Таня порывисто сняла с себя гимнастерку.

— Катечка, дорогая, прости меня. Надевай мою сухую, а то совсем посинела. Вот обманула меня гадкая баба. Ведь я хотела тебя от малярии вылечить. Одна тетка здешняя сказала, что у них малярию все так лечат. Я и поверила. Прости, Катя. Одевайся скорее. А я мокрое надену. Пока дойдем, высохнет.

Девушки подхватили Катю под руки и помчались в общежитие уложить ее, всю трясущуюся в постель, Вера сказала Тане укоризненно:

— И зачем ты…

— Что значит «зачем?» — возмутилась Таня. — Человек болеет и болеет. А мне, по-твоему, сложив ручки, смотреть? Ничего не делать?

— Ну уж и сделала.

— Ох, штурман, не пили хоть ты меня. Сама каюсь.

Катя в эту ночь, конечно, не летала. Ее бил мучительный озноб; на нее навалили одеяла и даже матрацы со всех постелей.

Перед выездом на аэродром Таня с виноватым видом забежала проведать больную.

— Я распекла зловредную бабу. А она уверяет, что так и должно быть: сразу потрусит, а потом пройдет, и будешь здорова. Врач был?

— Приходила. Ты только не проговорись, Таня. Я сказала, что сдуру искупалась в жару. Вот и простудилась. Девчонки тоже не скажут. А то начнут тебя песочить — знахаркам, мол, всяким верит. Меня и так через каждые три дня лихорадит. А сегодня как раз третий день. Ну, началось бы на час позже. Или в полете, как уже было. Просто не знаю, как я тогда самолет довела. Иди, Танюшка, летай спокойно. Не волнуйся за меня.

На аэродроме в ожидании боевой задачи девушки, все еще

вялые от духоты, уселись на выжженной солнцем траве.

Они были красивы — загорелые, в синих комбинезонах и разноцветных шелковых подшлемниках. Подшлемники красили сами — чернилами, акрихином — ради кокетства; можно было подобрать цвет к лицу — желтый, салатный или голубой. Эта деталь — разноцветные веселые подшлемники — сразу отличала их от мужчин, летчиков-братцев.

Кто-то пустил утку:

— Полетим на Новороссийск сегодня!

Все встрепенулись:

— Не может этого быть. Такой укрепленный пункт — и наши По-2.

— Там истребители дежурят на подходе.

— А сколько зениток, прожекторов наставлено! Яблоку упасть негде.

— Яблоку негде, а бомбе место найдется! — сказала Таня.

Наконец получена боевая задача: действительно, лететь бомбить скопление войск и техники противника в городе Новороссийске.

Маршрут изучен, расчеты произведены. Все готово. Только небо не спешит темнеть. На фоне розоватых, подсвеченных закатом облаков самолет будет четко вырисовываться, будет очень заметен с земли. Пришлось ждать. Лишь когда окончательно стемнело, все самолеты вылетели на задание.

Экипаж Макарова — Белик заходил на цель с моря. Они пересекли кромку берега и стали словно бы удаляться от города, над которым уже бушевал зенитный огонь и скрещивались лучи прожекторов.

— Пойдем подальше, чтобы набрать побольше высоты. А потом спланируем, — сказала Таня.

— Набирай! Набирай высоту, всегда пригодится! — откликнулась Вера.

Мотор работает на полную мощность. Пять… семь минут самолет идет над морем. А высотомер словно испортился, стрелка как приросла — ни с места.

«В чем дело?» — забеспокоилась Таня.

Вдруг стрелка резко качнулась, самолет тряхнуло, бросило с крыла на крыло. Началась страшная болтанка — за несколько секунд было потеряно около восьмисот метров высоты.

— Попали в нисходящий поток, — сказала Таня и развернулась к берегу.

А высота продолжала катастрофически падать. Очертания прибрежных гор вырисовывались уже выше самолета.

«Что делать? На высоте шестьсот метров нельзя идти на цель.

Вот это болтанка так болтанка…» — думала Таня. Однако у самого берега самолет так подбросило, что через несколько минут он оказался уже на высоте 1800 метров.

Самое обидное: при нечеловеческом напряжении летчика штурман ничем не могла ей помочь. Борясь с болтанкой, Таня напружинила тело, впилась обеими руками в рычаги управления. Наконец ей удалось развернуться. Она выключила мотор, неслышно направилась к цели. Впрочем, и с выключенным мотором самолет продолжал набирать высоту, парил в воздухе.

На самом подходе к городу мимо начали проноситься снаряды, пока шальные, потому что прожектористы Таню еще не обнаружили. Чуть в стороне чей-то самолет схватили сразу двенадцать слепящих лучей.

Вера заметила на земле стреляющую пушку и подала команду:

— Подверни вправо! Еще! Так держать курс! Захожу на бомбометание.

Бомбы полетели вниз. Пушка накрыта. Она больше не стреляет. Но стреляют десятки других. Вражеские зенитчики проследили, что самолеты заходят с разных направлений на цель, но уходят все на восток вдоль берега. Здесь и выросла стена заградительного огня. Еще на подходе к цели Таня заметила это и, сокрушаясь, что не может предупредить подруг, сама выбрала путь, отличный от их пути. Дольше придется лететь над территорией, занятой врагом, но именно так можно обойти лавину огня.

Таня идет не на восток, а на север, через весь город, к горам. Самолет все время обстреливают. Вера видит бурые брызги разрывов и справа, и слева, и сверху, и снизу — летчица искусно маневрирует. Вера думает, что только такой мастер, как Таня, может выбрать, может одолеть подобный путь.

Вот уже и горы. Их высота до тысячи метров. У девушек растет уверенность, что все опасности миновали; шансы встретиться с истребителем не велики — истребители патрулируют на подступах к городу с восточной стороны. Тане хочется просто-напросто запеть. Удерживает ее только опасение, что Вера назовет это совершенно излишним легкомыслием. А Вера не прочь бы услышать голос подруги.

Самолет переваливает через горы. И снова попадает в нисходящий поток. Испытанная уже сегодня неприятность. Высота падает, падает неудержимо. Мощность мотора кажется бессильной против мощности потока.

«Самое нелепое… Так и разбиться недолго! Засосет в горы, и поминай как звали. И почему эти дурацкие восходящие и

нисходящие тоже против нас?» — почти с тоской думает Таня. Она вконец измучилась. Градом катится пот, застилает глаза. А земля все ближе и ближе.

Спасало, что руки безотказно делают свое. Парируют любое непроизвольное движение самолета, моментально исправляют крен. Переводят машину то в пикирующий, то в кабрирующий полет, ибо скорость колеблется: то 140—160 километров в час, то 70—50, а то да мгновение падает до нуля. С ревущим, работающим на полную мощность мотором самолет проносится на малой высоте там, где любая пуля может его достать, там, где под колесами в любом месте может оказаться враг. Земля так близко, что различаются силуэты деревьев на склонах гор.

Кажется, человек бессилен против стихии, но Таня продолжает бороться.

Наконец самолет послушно начинает набирать высоту.

— Вера, а ну давай берись за управление. Потренируйся водить в болтанку. У меня руки отваливаются. Смелее, смелее. Больше движений ручкой. Вот так!

Отдохнув немного, Таня снова берется за управление. Вот он, аэродром. Таня заходит на посадку, как бы между делом говорит Вере:

— Неприятно было, конечно. Но в общем-то, ничего особенного.

Вера соглашается.

В эту же ночь девушки сделали еще три боевых вылета. Опыт первого был учтен — уходила Таня от цели так же, как все экипажи, на восток, пробиваясь сквозь стену зенитного огня. Это все-таки лучше болтанки и нисходящих, потоков, когда летчик теряет власть над своей машиной.

Со следующего дня восемь экипажей, в том числе экипаж Макаровой — Белик, начали работать с подскока, расположенного всего в нескольких километрах от Новороссийска.

Вечером на аэродром прибыл командующий военно-морскими силами Черноморского флота вместе с командующим авиацией. Они объявили особую значимость новой задачи. Требовалось помочь морским батальонам Малой земли соединиться с армейскими частями, чтобы овладеть Новороссийском.

Вначале девушки несколько ночей подряд сбрасывали мешки с продовольствием и боеприпасами на Малую землю. В мешках, аккуратно и любовно упакованных, находились медикаменты, вода, спирт, банки с консервами или патроны и снаряды. Каждый мешок весом 50 килограммов нужно было сбросить со

снайперской точностью — туда, где мигнет зеленый фонарик. Иначе добро попадет или в море, или, хуже того, врагу.

Штурманы признавались, что вначале даже брала робость сбросить что-то на мирный зеленый огонек: привыкли уж бомбить!

Может быть, как раз из-за того, что нарушалась эта чуждая женской душе привычка бомбить, все экипажи, доставляя груз братьям морячкам, работали с особым воодушевлением. Девушки были очень рады, когда получили телефонограмму от моряков: «Благодарим летчиков за поддержку». Моряки не знали, что летчиками били девушки.

Вскоре экипажи получили новое задание: подавлять своими бомбами огневые средства и катера противника. На боевом счету Макаровой — Белик появились один затопленный и несколько поврежденных вражеских катеров.

В представлении гвардии лейтенанта Макаровой к награждению вторым орденом Красного Знамени было сказано:

> «С 7 по 19 сентября 1943 года Макарова участвовала в Новороссийской операции по разгрому немецких оккупантов. Несмотря на сложные метеоусловия в горной местности, делала по 7—8 боевых вылетов в ночь, все вылеты отличались большой эффективностью и точностью выполнения».

Подскок у Новороссийска просуществовал две недели. Выполнив задание, все восемь экипажей возвратились в полк.

Задания каждый день ставились разные — бомбить аэродром противника или станцию, запруженную эшелонами, уничтожать вражеские автомашины, движущиеся по дорогам, склады с горючим и боеприпасами, подавлять огневые точки.

Все полеты, так или иначе, были похожи один на другой. Всюду стреляли зенитки, ловили прожекторы или подкарауливали истребители. Когда несколько ночей подряд ставились боевые задачи по максимуму, девушки уставали до того, что буквально валились с ног. Вооруженцы переворачивали за ночь по три-четыре тонны груза каждая. Техникам, механикам, прибористам тоже доставалось: заправляли самолет бензином и маслом или латали и чинили его срочно, в темноте, почти на ощупь, а днем залечивали раны, полученные ночью.

А летчики, штурманы! От переутомления они подчас засыпали в полете. Откуда только силы брались беззаботно шутить потом: «Проснулись обе враз и друг друга спрашиваем: на цель идем или домой? До того обалдели…»

В октябре полк перебазировался, сначала в станицу

Курчанскую.

После напряженной рабочей ночи девушки устраивались спать под самолетами, так как вокруг не сохранилось ни одного целого домика — гитлеровцы превратили все в развалины. С южной стороны к аэродрому примыкали брошенные оборонительные сооружения — дзоты, доты, землянки, но личный состав полка был предупрежден: там фашисты оставили множество заминированных «сюрпризов».

Во всяком случае, расположиться в землянках было невозможно. Девушки занялись оборудованием «спальных кабин-люкс под крылом», как не преминула заметить Таня.

Только устроились, поднялась жесточайшая песчаная буря. Облако красно-бурой пыли окутало аэродром. На расстоянии пяти шагов ничего не разглядеть. Самолеты дрожали, тряслись как в лихорадке. Пришлось их удерживать, наваливаясь на хвосты.

Ураган свирепствовал минут двадцать. Не успел угомониться ветер, как на аэродроме приземлился связной самолет. Вскоре раздалась команда на построение. Полк выстроился, замер. Бершанская зачитала указ, который доставил летчик. За участие в освобождении Таманского полуострова полку присвоено наименование Таманского.

Братцы-бочаровцы — летчики соседнего полка уже знали об этом торжественном событии. Голос командира полка заглушил мощный гул промчавшегося прямо над строем самолета. От него отделилось что-то большое, белое. Оказалось, вымпел — письмо величиной с простыню, полное сердечных слов: бочаровцы поздравляли сестричек с высокой наградой. И еще посылали огромный пакет душистого винограда.

В тот же день, так и не поспав, перелетели на запад, ближе к Керченскому проливу, расположились в станице Ахтанизовской.

Организовать тут сносный быт было невозможно. Ахтанизовская встретила роями мух и горько-соленой водой. Для питья ее опресняли. Но девушкам после урагана не терпелось помыть голову.

И некоторые вымыли. Волосы покрыл матовый налет соли, они слиплись. Прически приняли столь фантастические очертания, что никто не мог без смеха смотреть на невольных модниц. Даже уравновешенная, благоразумная Вера хохотала и издевалась над Таней.

Правда, было в Ахтанизовской то, что сразу пленило сердца всех летчиц, — большой, специально оборудованный, с открытыми подходами аэродром. От подобных аэродромов девушки уже отвыкли. Для их самолетов выделялись обычно

маленькие, полевые, ограниченные со всех сторон площадки.

Расставались вскоре с этим аэродромом без боли только потому, что уступали его своим же — тяжелым скоростным самолетам. Войска всего фронта неудержимо двигались вперед, очищая родную землю от захватчиков. Несколько ночей девушки летали, добивали гитлеровцев на косах Чушка и Тузла.

Новый аэродром был расположен на самом берегу Азовского моря, у станицы Пересыпь.

19. ДЕВУШКА ИЗ КЕРЧИ

Осенью начались бои за освобождение Крыма.

Ночники приступили к изучению нового района действий. На столе, на коленях разложены карты. Но девушки будто забыли о них. Все слушают рассказ подруги, штурмана Веры Белик. Ей очень трудно выразить, передать свои чувства — столько их нахлынуло!

— Ведь это мои родные края, девушки. Я выросла под Керчью, — тихо говорит она.

— Расскажи нам, Верочка, о тех местах. Это будет лучший метод изучения района, так сказать, опрос местных жителей.

— Вера, ты и о себе расскажи. О своем детстве и жизни. Ведь это нам тоже интересно, — попросила Марина Чечнева.

Обычно молчаливая, сдержанная, Вера разговорилась. Прирожденный математик, она не была красноречива, но всегда точна в описаниях. И девушки словно бы своими глазами увидели огромный, раскинувшийся на северо-восток от Керчи металлургический завод, где Верин отец, Лукьян Филиппович, работал до войны мастером. Все рабочие, в том числе и большая семья Белик, жили в поселке рядом с заводом.

— Видите? «Колонка». — Вера указала на карте точку. — Рядом — «Завод им. Войкова», а между ними наш поселок. Так и назывался: Рабочий поселок завода имени Войкова. Хороший поселок. Дома новые, с большущими окнами, все утопают в зелени. И море — Керченский залив, и пляж рядом. Сколько времени я провела на том пляже — не сосчитать. Помню, сидим, бывало, на уроке в школе. Жара. Только и думаем, как бы скорее в море окунуться. Мальчишки часто убегали с уроков, особенно с немецкого. И я убегала. А потом, когда в институт поступила, жалела об этом: плохо знаю немецкий язык.

— Не знать бы его вовек! — отмахнулась Таня.

— Подобный нигилизм тебя, Макарова, не украшает, — рассудительно заметила Чечнева.

Таня, что называется, взвилась:

— А я и не хочу быть украшенной. По-моему, немцы — фашисты, звери. Сдался мне их поганый язык!

— Ты заблуждаешься.

— А ты — нет?

— Девчата, хватит нам спорить.

— Дайте дослушать, не перебивайте!

— Досказывай, Вера, все по порядку.

— Какой там теперь порядок — горе одно… — вздохнула

Вера. — Семья тронулась в эвакуацию — мне об этом после писали, — сестренка в дороге умерла. Как я ее любила! Даже представить не могу, что вернусь домой — а ее нет! Может, ничего нет… Отцу своими руками пришлось родной завод подрывать. А мне, может, придется бомбить скопление вражеской техники где-нибудь около родной школы. Или на нашей улице — Розы Люксембург. Или на стадионе. У нас стадион прекрасный. Подходит прямо к морю. А там водная станция, и лодок, бывало, полно… и вышка… Если бы вы знали, девушки, как защемило у меня вчера в груди, когда летели мы на крымскую землю! Ноет и ноет. Вроде бы впервые я поняла, где находится сердце. Луна выглянула из-за туч, я смотрю вниз — и словно дом свой вижу, стадион, парк. Наш пионерский лагерь в станице Эльтиген. Все, все перед глазами промелькнуло. За несколько минут все детство свое вспомнила. Не поверите — даже сказку, какую нам, ребятам, мама рассказывала. У нас в Крыму о каждой горушке или кургане существуют свои легенды. Вот, бывало, Ванюшка, брат, попросит: «Мама, расскажи про золотую тройку». И мама рассказывала о горе Митридат. Якобы зарыта в ней золотая тройка. Кто сумеет гору разрыть — выпустит на волю трех золотых коней-богатырей.

— Вот уж я не знала, штурман, что ты в воздухе о конях мечтаешь! — засмеялась Таня. — На что они нам нужны? Устарела твоя золотая троечка. С самолета сподручнее бить фрицев.

— И правда, всякая чепуха мне в голову лезет, — растерянно сказала Вера. — Ничего путного вспомнить не могу.

Девушки набросились на Таню:

— Бесчувственная ты! Самое дорогое человек вспомнил. А тебе смешки!

— Ничего себе смешки… бить фашистов с самолета, а не с допотопной тройки! — опять-таки шуткой пробовала отделаться Таня. У нее было желание пошутить, посмеяться.

А все, слушая Веру, настроились на иной лад: вспоминали свое детство, довоенную жизнь, которая была нарушена, исковеркана. У многих родители остались за линией фронта. Живы ли? Враг, как известно, не щадит ни детей, ни стариков. Может, кто-нибудь из девушек и подумал про Таню: «Ей теперь за семью волноваться нечего, фашистов далеко от Москвы отогнали».

Подобная мысль, конечно, только промелькнула и не была высказана. Но Таня словно услыхала ее — сразу примолкла. Вера пришла подруге на выручку — преодолела свое мгновенное смущение и стала продолжать рассказ о неудавшейся экскурсии в Аджимушкайские каменоломни и о разграбленном еще беляками

Царском кургане.

— Смотрите! — показывала она по карте. — За поселком Аджимушкай, сюда, ближе к берегу, — Жуковка, Маяк, Опасная. А вот точка — высота сто семьдесят пять. Видите?

Девушки видели не только точку. Они представляли, какой богатой и интересной была вся крымская земля. Представляли жизнь в Рабочем поселке под Керчью, откуда Вера уехала учиться в Москву.

— …Так что в полк-то я пришла москвичкой, девушки. А знакомец твой, Марина, — обратилась Вера к Чечневой, — старшина Костенко работал с папой на одном заводе, только в инструментальном цехе. И жили Костенки на одной улице с нами. Ванюшка, брат, как раз к Саше попал в ученики на заводе. Ой, Маринка, — засмеялась вдруг Вера, — и отчаянный же был твой Сашка раньше.

— Почему это он мой? — всполошилась Чечнева. — Скажешь тоже. Я просто познакомилась с ним раньше, чем другие из нашего полка. И он очень хороший человек.

— А разве я что-нибудь плохое о нем говорю? Он хороший человек, чудесный мастер. И ты правильно сделала, что его к нам затащила. А хотите знать, каким он был в детстве? Озорник страшный. Забияка. Сашка постарше меня: мне лет десять было, а ему, должно быть, пятнадцать. Он вечно дразнил меня «рыжая» или «рябая». Маленькой я была беленькая и вся в веснушках. Лицом я на отца похожа, это теперь у меня стали волосы темные, как у мамы. Так вот однажды иду я по улице, а навстречу — Сашка. Футболит ногой что-то. Подошел ближе да как запустит в меня. Лапоть он, оказывается, гнал. Я, конечно, реветь. А он потом еще и «лаптем» меня дразнил. Когда Костенко прилетел к нам в полк, я его с бородой сначала не узнала. Да и он меня не узнал. А когда зачитали приказ, что подарок передается экипажу Макаровой — Белик, он подходит ко мне и спрашивает: «Девушка, вы, часом, не из Керчи будете?» «Да, — отвечаю, — из-под Керчи. А что?» «Отца вашего Лукьяном Филипповичем зовут?» — «Да, Лукьяном Филипповичем». — «А Костенков помните, что напротив вас жили? Я тот самый и есть, которого Сашкой звали». Я, конечно, ему сразу припомнила «лапоть». Он смутился. Момент неподходящий для таких воспоминаний. Момент торжественный, а его, старшину, в озорстве уличают. Ну, словом, посмеялись мы. А потом поговорили о родных, которых война разметала. О краях наших. Вы не сомневайтесь, я вчера бомбы бросала твердой рукой. Чем, думаю, больше бомб сброшу, тем больше гадов уничтожу — скорее землю нашу мы освободим.

— Она даже крикнула: «Вот вам, гады, за мою Керчь!» Да с

такой злостью и ненавистью, какой я у нее и не подозревала. Не о тройках она золотых думала, это уж точно! — теперь совершенно серьезно сказала Таня.

* * *

Боевые действия развертывались в сложной обстановке. Керченский пролив, который соединяет Азовское и Черное море и отделяет Таманский полуостров от Крымского, даже в самом узком месте достигает почти 12 километров. В проливе, особенно осенью, бушуют штормы. Не просто форсировать такой водный рубеж, когда разгулявшиеся волны швыряют легкое судно, как хотят, делают его неуправляемым.

У ночников свои трудности. Летчики давно, как в шутку говорили, освоили жестокий зенитный огонь и режущую яркость прожекторов. Все могло случиться. Самым страшным считалось приземлиться на территории, занятой противником. Но ведь приземлиться — означает, припасть к родной врачующей земле и, возможно, добраться к своим.

А тут невольно замирало сердце: темны очертания берега, а под самолетом — совсем черная бездна. И ты знаешь, что это — море, и если подобьют самолет, то спланировать некуда — только в бурные воды пролива.

В ночь на первое ноября 1943 года полку была поставлена задача держать участок побережья, укрепленный врагом, под непрерывными бомбовыми ударами, обеспечивая подход и высадку нашего десанта. Через каждые одну-две минуты над немецкими позициями появлялся самолет. Стоило только включиться прожектору, который направлял свой луч на воду, как на прожекторную установку сыпались бомбы. Конечно, не все прожекторы удавалось погасить намертво. Однако даже временное выключение лучей играло большую роль: гитлеровцы уже не могли вести прицельный огонь по несущимся к берегу катерам и шлюпкам.

На море в ту ночь разыгрался шторм. Десантные суденышки трепало на волнах, замедлялось их продвижение. Только под утро, в четвертый вылет, Вера заметила внизу на берегу вспышки перестрелки и с облегчением выдохнула:

— Зацепились!

Облака заставляли спускаться все ниже и ниже. Над берегом самолет оказался на высоте не более двухсот метров. С такой высоты сбрасывать бомбы мгновенного действия, какие были у экипажа, опасно: взрывы могли поразить свою же машину.

Но девушки не хотели возвращаться. Сейчас так нужны были их бомбы. Внизу шла перестрелка. Значит, братишки моряки добрались до берега. Им, конечно, трудно. Им нужна помощь.

Таня развернулась над местом боя. Вера всматривалась в происходящее на земле. Рассчитала. Отбомбилась.

В это время самолет был схвачен прожекторами. Таня нырнула в облака — в сырую, багрово-серую массу. Липкий холод мазнул по лицам. Облачность спасала от прожекторов, но не спасала от зенитного огня. Противозенитный маневр Тане предстояло провести на малой высоте, не видя земли.

Ах, если бы Вера — преданный друг и штурман — могла хоть чем-нибудь помочь! Самое тяжкое — бездействовать. Вера сжалась в комок, думала: «Танюшка, Танюшка, ведь ты же — мастер… ас!»

Таня вывела самолет из зоны огня. Пересекла пролив. Почти одновременно подруги взялись за трубку. Одна сказала:

— Давай поведу…

Другая едва сумела разомкнуть губы:

— Бери…

В эту же ночь высаживался и-второй десант, южнее Керчи, в пункте Эльтиген. Штормовой ветер оторвал от катеров несколько барж с десантниками и унес в открытое море. Многие погибли в бурных водах пролива, в смертельных схватках на берегу. Закрепившийся в Эльтигене десант оказался малочисленным. А в море где-то по воле волн носились баржи с людьми.

Погода стояла нелетная. Ветер. Туман. Иногда облака клубились так низко, что волны доплескивались до них. Полет над морем на малой высоте сложен и в хорошую погоду. А тут… Но разве могла остановить летчиков опасность, когда речь шла о жизни товарищей. Командование предполагало послать добровольцев на розыски угнанных ветром десантных посудин.

— Кто хочет вылететь на поиски терпящих бедствие в открытом море? — спросила командир полка.

Все, как одна, сделали шаг вперед.

— Все желают! — сказала Бершанская и замолкла. — Тогда разрешите отобрать десять экипажей, имеющих больший опыт слепого самолетовождения.

Среди отобранных был, конечно, и экипаж Макаровой — Белик.

Трое суток кружили над морем. От волны к волне просматривали заданный квадрат. Вот что-то темное мелькнуло впереди — Таня разворачивает самолет. Нет, это просто провал между хребтами волн. Вот Вере кажется, что она видит какой-то силуэт сквозь туман. Опять разворачивается самолет. И опять

подруги испытывают горькое разочарование — там, куда они повернули, пусто.

Они продолжают поиски, пока есть в баках горючее. Возвращаются на аэродром, чтобы заправиться. С тяжелым чувством докладывают командиру полка:

— Пока результатов нет. Разрешите еще вылет.

Работа днем и ночью, да еще в ненастную погоду, совершенно изнурила летчиц; на четвертые сутки полеты на розыски барж были отменены.

Несколько ночей полк бомбил войска противника и его позиции под Керчью; занятый десантниками северный плацдарм неуклонно расширялся.

Потом была поставлена боевая задача оказать помощь окруженной группировке в Эльтигене.

Десантники в Эльтигене вынуждены были зарыться и землю. Белые каменные домишки поселка узкой недлинной полосой выстроились по берегу. С трех сторон гитлеровцы окружили, простреливали поселок — поливали каждый метр минометным, пулеметным и пушечным огнем. Катерам не удавалось пробиться с подкреплением. У десантников кончились продукты. Росло количество раненых.

Самолеты По-2 посылались туда с драгоценным грузом: сухарями, медикаментами и ящиками со снарядами.

Для Веры Белик это были особенно волнующие полеты. Она знала в окрестностях Эльтигена все: жила здесь когда-то в пионерлагере. Сейчас, всматриваясь в знакомые места, ища знакомые приметы, она видела лишь развалины, груды камней да траншеи и ходы сообщения.

— Таня! Таня, если бы ты знала, что натворили гитлеровцы! Сердце кровью обливается. Видишь, миномет стреляет? Там был огромный фруктовый сад. А теперь и деревьев-то не осталось. Видишь, видишь, минометная позиция? Эх, жаль бомб с собой нет! Замолчал бы навеки их миномет. Давай в следующий раз возьмем с собой осколочных.

— Возьмем! — согласилась Таня. — Своим сбросим хлеб. А фашистам — смерть!

Экипаж Макаровой — Белик первым стал выполнять две задачи одновременно: сбрасывать мешки с продовольствием своим, а бомбы — на врага.

Таня подмечала Верины душевные переживания и пыталась поставить себя на ее место. Как бы она себя чувствовала, если бы пришлось бомбить, ну, скажем, лабазы, где играла девчонкой? Вера показывает на виноградник и говорит: «Сюда приходили мы из лагеря всем отрядом. Помогали убирать урожай. Ох и наелись

же мы тогда винограда!» Для Веры здесь все — как для нее самой лабазы на Болотной, Старомонетный переулок, Канава, кинотеатр «Ударник». Могла бы она на бесконечно милое сердцу вести сеющий смерть самолет? Пусть сердце обливалось бы кровью, как говорит Вера, пусть бы разрывалось, а повела бы! И ведет. Верин Крым, Верина Керчь, Верин Эльтиген — ее, Танина, родная земля, родная страна. Ни один захватчик не должен оставаться живым на родной советской земле!

Таня разворачивает самолет на траншею, где притаились гитлеровцы, и кричит своему штурману:

— Дай им, Верок! Бей их!

Сорок дней и сорок ночей непрерывного ратного труда завершились победой. Эльтигенский десант соединился с нашими наступающими войсками.

20. КОМАНДИР ПОЛКА

По дороге к Краснодару мчится машина. Спиной к кабине сидит Таня; ей съежиться бы от холода — щегольскую шинель продувает ветром насквозь, — а она сидит гоголем. Она едет домой, в Москву!

Все произошло очень неожиданно. Летчик Макарова должна была отправиться в Ессентуки в «скоротечный», как прозвали его, дом отдыха. Таня пошла в штаб за документами и там, встретившись с Бершанской, неожиданно для самой себя спросила:

— Товарищ командир полка, а нельзя ли мне съездить домой вместо дома отдыха? К больной матери. Увидит она меня — сразу поправится. И я дома лучше отдохну, честное слово.

Таня говорила таким трогательным голоском, что Евдокия Давыдовна заколебалась, подумала о своем сыне: «Разве не самое дорогое — взглянуть на него? Да мне нельзя. А Таня? Ишь как трепещет. Ну как ей отказать, певунье нашей?» Вспомнилась сценка: когда Таня бывала дежурной по полетам, выпустит самолеты в воздух, подойдет, сядет рядышком и напевает тихонько:

Ты не грусти обо мне. Ты не тоскуй обо мне…
И вернется домой сын твой родной.

«Да, такая дочка — настоящий сын!» — улыбнулась Бершанская и все мешкала, мешкала с ответом.

Намного ли она сама старше Тани? Намного ли старше любой из девушек в полку? Не привыкла задумываться о возрасте командир Евдокия Бершанская. Она постоянно считала себя старшей. Рано осиротевшая и потому словно бы лишенная возможности на живом примере обучиться материнству, она была полна истинно материнских чувств к своим девчатам. Не летчицу-аса Макарову, одетую по всей форме, замершую по стойке «смирно», она сейчас видит, а обыкновенную девчонку, оторванную от дома и мечтающую об этом родном доме.

И видит она себя совсем крохой вдвоем с братом в ветхой хатенке, голодных и иззябших. На лавке — умершая мать. В трубе воет ветер. Весь день гремела канонада, по улице проносились, стреляя, всадники. Теперь разгулялась вьюга. Дуся с Володей спали — не спали. Под утро в дверь загрохали, раздались чьи-то бодрые голоса. В хату ввалились красноармейцы в заснеженной

одежде. Уставшие от боя люди думали найти тепло и кров, а нашли двух ребятишек в горьком горе. Это явилось спасением для детей — красноармейцы доставили их в детский дом.

Когда отгремели бои с белогвардейцами и интервентами, с фронта вернулся красный партизан Григорий Трофимович Середа. Он разыскал детей покойной сестры, взял племянников в свою семью. В маленьком светлом домике села Добровольное на Ставрополье жили дружно; каждый знал свое дело — ребята учились, помогали матери по хозяйству. Дуся росла шустрой, веселой, трудолюбивой. Перед окончанием седьмого класса она стала задумываться о будущем. «Чтобы помочь семье — едоков много, а добытчик-то один отец, — нужно работать», — решила она. И, словно подслушав ее мысли, первым заговорил об этом Григорий Трофимович:

— Учиться тебе нужно дальше, дочка. Вот кончишь школу и поезжай в Ставрополь. Там поступишь в техникум.

— Нет, отец, я работать пойду. Вам и так тяжело, — вырвалось у Дуси.

— Силенок у меня еще хватит. Выучу вас всех, выведу в люди. Я с буржуями воевал зачем? Чтобы дети крестьянские могли учиться, науки постигать. А ты — «работать пойду». Раньше выучись, а потом и работать иди. Поедешь учиться — один тебе мой сказ.

— Спасибо, отец! За все, за все спасибо, — прошептала растроганная Дуся.

А потом случайное событие, для других и не имеющее особого значения, определило ее судьбу. В весенний полдень на перемене школьники высыпали во двор. Играли, смеялись. Вдруг кто-то запрокинул голову, закричал:

— Смотрите, аэроплан! Аэроплан летит.

— Ой как гудит!

— А большущий какой!

— Гляньте, там кто-то есть!

Самолет пронесся так низко, что можно было рассмотреть лицо летчика. За селом гул мотора внезапно оборвался.

— Упал! — ахнули все и побежали в ту сторону, где самолет скрылся из глаз.

Дуся бежала вместе со всеми. Еще издали она увидела приземлившееся чудище. Словно из сказки, явилась огромная птица и стояла среди поля, широко распластав крылья. Дуся ощупывала вздрагивающие крылья, рассматривала человека в очках со стеклами величиной с добрые блюдца. Сердце ее наполнялось новыми незнакомыми чувствами страха и восхищения, желания взвиться в голубую высь, быть такой же

смелой и отважной, как этот впервые в жизни увиденный летчик. «Вот бы мне полететь!» — думала она. И с тех пор часто ловила себя на подобных мыслях, но хранила их в глубокой тайне, боясь, что ребята засмеют. Лишь иногда заводила разговор с учителем физики, чтобы узнать, где можно научиться управлять самолетом.

Вскоре начались выпускные экзамены, а там — прощай, школа. За хорошую учебу комсомол направляет Евдокию Бершанскую в Ставропольский педагогический техникум. Товарищи поздравляют ее. Радуются домашние, радуется, конечно, и Дуся — ведь учение она почитала счастьем. Она едет в Ставрополь. Но педагогический техникум не для нее; желание учиться на летчицу становится неотступным. Брошен техникум. Сколько летных школ она объехала, выслушивая горькое: «Женщин не принимаем!» Она не сдавалась, и удача пришла: в 1931 году Евдокию Бершанскую зачислили в Батайскую летную школу. Школа только начинала свою работу в пустынных местах. Все нужно было строить своими руками. И строили. Курсанты после занятий вместе с инструкторами возводили школьное здание, ангары, жилые дома, расширяли летное поле.

Ой, не легко начинать все, как говорится, с колышка: в организации были трудности, вдвойне трудно приходилось курсантке — не курсанту — Бершанской. Да труда Дуся не боялась: за какое бы дело ни бралась, делала на совесть. После года учебы она стала летчицей. И тут же как отличницу ее зачислили на должность инструктора.

Нет ничего необычного в том, что она любила небо, которое «обживала», сначала учась, потом обучая в нем своих подопечных, любила землю — территорию Батайской летной школы, которую собственноручно благоустраивала, аборигеном которой являлась, любила людей. И за все ей воздавалось — ей даже казалось: сверх меры. Была учлетом — стала инструктором, командиром звена. Летчики прислушивались к ее мнению, дорожили ее дружбой. Она, конечно, старалась — и звено стало лучшим в отряде. Еще два года работы — и она командир отряда. По правде, немножко зафасонила в полагающемся командиру черном кожаном пальто. Она знала: лицо у нее простое, русское, а фигура в кожанке — ладная, подобранная — загляденье!

В 1939 году летчица Евдокия Бершанская была награждена орденом «Знак Почета». И в том же году Батайскую школу ГВФ преобразовали в военное летное училище. Женщин в военную авиацию не брали; ее перевели в отряд спецприменения. Огорчилась малость — некогда всерьез огорчаться, потому что летчикам и техникам тридцати пяти самолетов должна была организовать работу. Задания самые разные — от доставки почты

до вывозки тяжело больного из глухой станицы, или опыливания, или разведки рыбных косяков, или хлопот с нежным грузом вроде утят, цыплят, живых мальков. Летать приходилось много, садиться на маленьких площадках, а то и просто в поле. Что ж, она сумела вести работу без единого летного происшествия. И опять признание: народ избрал ее депутатом Совета, коммунисты — членом пленума райкома партии. Она опять, как всегда, старалась оправдать доверие.

Грянула война.

Вот перед ней — командиром, майором Бершанской, — стоит, ждет решения летчик ее полка Татьяна Макарова. Она замешкалась с ответом. Таня подалась вперед, смотрит умоляющими глазами.

— Обождите, товарищ гвардии лейтенант! — говорит Евдокия Давыдовна. — Обождите, дайте подумать.

А сама продолжает вспоминать. Первые дни войны. Муж сразу же улетел на фронт, и от него — ни строчки. Звено спецприменения работало для фронта очень напряженно, много, но все казалось — мало. От Бершанской поступал рапорт за рапортом направить ее на фронт. Отказывали. И лишь в октябре 41-го пришел вызов: «Летчицу Е. Д. Бершанскую откомандировать в распоряжение Героя Советского Союза майора Расковой», которая приступила к формированию женской авиационной части. Радуясь, словно девчонка, бросилась оформлять документы. И вдруг молнией: «А как же сын? Как оставить Валюшку?» Впервые со страхом она подумала о возможности прихода врага в Ростов, к самому ее дому… Фашисты захватили уже Украину, Белоруссию, Прибалтику, приближаются к Москве. Они наступают и сколько еще будут наступать? Ее семья — отец и мать, старики, и маленький сын — беспомощна… Нет, колебаний нет! Тревогу гасит решение: «Отправлю-ка я семью в Челябинск. Друзья там помогут».

Она прибежала домой. Валюшка обхватил ручонками шею матери, в глаза вопрошающе — вон как Таня сейчас — смотрит:

— Мамочка, ты насовсем прилетела, да? Мамочка, ты больше не улетишь?

— Нет, сыночек, я за тобой. Ты хочешь на самолет? — И повернулась к старикам: — Здравствуйте, отец! Здравствуйте, мама!

— Что же это творится, я тебя спрашиваю? — грозно заговорил Григорий Трофимович, не здороваясь. — До самой Москвы немца допустили. Мы в восемнадцатом разве так воевали? Мы гнали интервентов с нашей земли взашей. Или уж фашисты так сильны, что у нас силенок не хватает справиться с

ними? Того и гляди, они и в Ростов нагрянут! — наступал старый вояка на дочь, будто она виновата в обрушившихся бедах.

Но своей беды старики еще не знали; выдержат ли они эвакуацию, согласятся ли ехать? Каково им будет без нее, а ей — без них, без сына? Проглотив застрявший было в горле комок, она сказала твердо:

— Давайте вещи собирать. Я за вами приехала — отправить вас подальше от фронта. А я на фронт улетаю.

Григорий Трофимович ничего не сказал дочери. Что скажешь — правильно делает!

Через час семья была на аэродроме. Самолетом добрались до Сталинграда, там она усадила отца, мать, сына на пароход. Сама отправилась в Краснодар сдавать дела.

И только раз, один раз она допустила слабость. Спустя неделю судьба свела ее с семьей в Куйбышеве. В здании вокзала она увидела своего Валюшку. Он жалобно плакал, размазывая слезы по щекам. Рядом сидел осунувшийся, неузнаваемо постаревший отец. Здесь же прикорнула мать — совсем больная. Она шла к ним на негнущихся ногах.

— Мамочка, — закричал ребенок, — я есть хочу, а дедушка не дает!

— Ох, Дусенька, — прошептал отец, — отроду я не был так беспомощен. Продукты кончились. Мать приболела, а он никуда от себя не отпускает. Что я буду делать с ними?

Она разыскала врача; успокоительными порошками он как-то помог матери. За продуктами помчалась на аэродром. Там не было никого знакомых, но она знала: летчики не оставят в беде. И правда, стоило ей рассказать о своих бедах, как все, кто был в общежитии, выставили, что у кого было из съестного. Целый мешок продуктов привезла она своим на вокзал.

Подали состав. Семья погрузилась в вагон, переполненный уже людьми. Валюшка, сытый, согревшийся, заснул у нее на руках. Она не дышала, боялась его разбудить. Что-то надо сказать отцу. Но что?

— Пишите мне чаще. А то буду волноваться.

— Ты не волнуйся, Дуся. Забудь, что я тебе давеча наговорил. Раскис немного. Теперь, видишь, выправился. И матери лучше стало. Ты себя береги, а мы не пропадем. Давай-ка обнимемся на прощание.

Потревоженный Валюшка проснулся, расплакался, ухватился судорожно за мать, не хотел отпускать. Заливаясь слезами, она ласкала, целовала сынишку. И вдруг заметила, что поезд движется, набирает ход.

Тогда, единственный раз в жизни, она спасовала, подумала:

может, и хорошо, что поезд увозит ее в тыл, в Челябинск. Там она будет с сыном, в тяжкое время будет опорой старикам. Ей вспомнились минувшие мытарства с назначением — у скольких начальников она побывала, доказывая, коли есть запрос Расковой, она должна, должна ехать на фронт! Куда же она сейчас едет? Ей говорили: «У вас, товарищ Бершанская, маленький ребенок, вы имеете право, вы можете остаться с ним».

Нет, она не может, не дает себе права оставаться в тылу! Когда поезд притормозил на первой станции, она переложила сына на колени Григорию Трофимовичу и, зажав рот рукой, выскочила из вагона…

…С тех пор она не видала своего Валюшку, как не видала Таня свою маму. «Ишь как хочет повидаться с родимой, вся трепещет», — думает Евдокия Давыдовна и говорит истомившейся в ожидании девушке:

— Ладно, поезжайте в Москву. Мне придется, конечно, выдержать сражение и с врачом, и с начальством нашим. Но думаю, выдержу. Отстою. Завтра из Краснодара летит в Москву самолет. Договорюсь: полетите на нем. Кланяйтесь от меня маме.

21. ДОМА

И вот Таня мчится по дороге в Краснодар. Она волновалась — не опоздать бы. Попутчики посматривали на часы. Каждый считал своим долгом успокоить ее:

— Не волнуйтесь, не опоздаем.

Но только в воздухе Таня успокоилась: она действительно летит в Москву! Еще немного — и увидит мать. Родную, единственную маму. Вот их маленькая комната с темными стенами, с темными иконами в углу. На кровати лежит она, мама. Кто-то теперь ухаживает за ней? Мария умерла. От воспоминаний о доме — жалость до слез.

Таня украдкой вытерла слезы, посмотрела на майора, сидящего напротив. Еще подумает о ней: «Лейтенант, и рева-корова». Прислонилась лбом к окну-иллюминатору.

Под самолетом проплывали заснеженные просторы; мелькнули похожие на спичечные коробки домики какого-то поселка. Было чудно́ видеть землю светлую, спокойную, укутанную чистой пеленой снега. Самолет шел над территорией, освобожденной от врага. Возможно, где-то там, в глубине, под снегом, зияют еще раны. Но в том, что самолет идет не сквозь огонь зениток, не в сверлящих лучах прожекторов, а безмятежно парит, словно гордая птица, над сияющей целиной, есть доля ее, Таниной, заслуги. Заслуги, конечно, считать нечего! Просто Татьяна Макарова — лейтенант, летчик — сражалась с врагом так, что вот чистый, спокойный и светлый расстилается под крылом кусок родной земли.

И летит лейтенант Макарова в Москву, к матери, на побывку. Нечего, значит, предаваться печальным раздумьям. Кто ухаживает за больной матерью? Теперь, в войну, все помогают друг другу. Верушка, сестренка, выросла. Небось уже дома все устроила по-новому. «Если она не смогла еще наладить порядок, сама возьмусь, — думает Таня. — Все переделаю».

С Москвой Татьяна встретилась как воин с воином. Оба суровые и строгие. На подходе к городу Таня пыталась хоть что-нибудь разглядеть в синих сумерках. Нет! Острые глаза летчика ничего не могли различить, ничего не могли выделить. Город лежал огромным, таящим силу монолитом. Нигде ни огонька, ни проблеска.

— Маскировочка что надо! — сказала Таня, втискиваясь в вагон пригородного поезда. В тамбуре освещения совсем не было, в вагоне горели синие лампочки.

Народу битком: рабочие ехали на завод, в ночную смену.

Оказывается, поезд ходил только утром и вечером. Таня порадовалась, что успела вовремя — долго она ждать не смогла бы, пошла бы пешком по шпалам. А скоро ль дойдешь! Ехали и то не так, как в довоенное время, — медленнее. Или, может, это от нетерпения казалось. Зато метро работало нормально. И сразу же подошел нужный трамвай.

Вот он, Балчуг. Вон там, во дворе, ее читалка — библиотека имени Чернышевского. На мгновение задержавшись взглядом на забитых фанерой окнах, Таня снова побежала.

С трепетным чувством она нажала кнопку звонка своей квартиры. Постояла несколько секунд, показавшихся часами, и опять потянулась к звонку. Дверь открылась.

— Вам кого? — послышался знакомый голос.

— Здравствуйте, дядя Миша, Это я, Таня. Не узнали меня?

— Танюшка? Макаровых дочка? Здравствуй, стрекоза. — Сосед по квартире, отец Виктора, зажег в коридоре свет и даже присвистнул: — Да ты, оказывается командир! Тогда извиняюсь. Гляди, лейтенант! Как Витя наш. Он тоже лейтенант.

— А где он, Витя?

— Где же ему быть?! Известное дело — на фронте. Воюет. На танках ездит. Иди, иди, лейтенант! Обрадуй Федоровну.

Таня сделала несколько шагов по коридору и распахнула дверь своей комнаты:

— Здравствуй, мамочка!

Елизавета Федоровна от душивших ее рыданий долго не могла вымолвить ни слова.

— Мамочка, ну что же ты плачешь? Я приехала. Я с тобой. Ну не плачь же, мамочка, — прижимаясь к ней, говорила Таня.

— Так ведь я от радости… Ну раздевайся же, покажись матери, какая ты? Зажги верхний свет — окно занавешено. Зажги иди, — говорила Елизавета Федоровна, а сама не отпускала Таню.

Шапка свалилась с головы девушки, волосы растрепались, а она все сидела рядом с матерью, уткнувшись лицом в теплую материнскую грудь.

— Дома я! Дома, — шептала она. — До сих пор не могу поверить этому. А где же Верушка-то?

— В техникуме. Сегодня у нее практика. Какая ты взрослая стала! Изменилась, просто не узнать. Таня… Два ордена! За что тебя наградили, доченька?

— За то, что фашистов крепко бью, — просто ответила Таня.

Она старалась пристроить снятую шинель на старый-престарый трехногий стул и с грустью думала: «Ничего не изменилось дома. Та же лампадка, иконы, тот же поломанный стул. А стол так и не купили. Сколько раз я писала, чтобы купили

стол…»

— Мама, вы получаете деньги по аттестату?

— А как же, каждый месяц. Спасибо, доченька. Без них мы бы пропали. Мы хорошо живем, не голодаем. Ты не думай. Болезнь только мучает меня, и смерти бог не дает.

— Да что ты, мама! Не надо думать о смерти. Ты поправишься, все будет хорошо.

— И правда, может, поправлюсь теперь. Радость-то какая! Доченька моя приехала!

Поздно вечером пришла Вера. Она с некоторой робостью смотрела на сестру. Для нее Таня всегда была недосягаемой. Она даже не могла допустить мысли, чтобы Тане что-то не удалось, чтобы у нее что-то не вышло. И то, что Таня — командир, с орденами, о офицерскими погонами, ее не удивляло. Разве могло быть иначе?

Веру удивляло другое: как могла Таня быть совсем, совсем простой. Весело, с улыбкой, словно бы о самом обыкновенном, она рассказывала о своих подругах, о девушках, которые летают ночью, не боятся ни зениток, ни истребителей. Значит, ни самой смерти. Да еще учатся. «Твоя тезка, — обращалась Таня к сестре, — у нас настоящий профессор: нет задачи, которой она не решила бы». На самом фронте девушки, оказывается, читают книги, устраивают концерты самодеятельности, занимаются спортом, вышивают на досуге и даже пишут стихи. Таня так забавно обо всем этом рассказывала, что можно было поверить, будто на фронте не так уж и страшно.

Наслушавшись Таниных рассказов, мать облегченно вздохнула:

— Теперь, доченька, я буду спокойна за тебя. А то так волновалась, так волновалась. День и ночь молитвы читаю, прошу бога сохранить тебя и помиловать.

— Мама, да я сама лучше бога постою за себя.

— И-и-и, Танюшка, ты стоишь не за себя, как я поняла… за всех. А тебя-то уж пусть материнская любовь, материнские молитвы оберегают.

«Не может мама без этих молитв. Ее не переубедишь», — с горечью подумала Таня.

На следующее утро она взялась за переоборудование домашнего быта. Но что она могла?! Глядя, как мать, кряхтя и охая, натягивает на рыхлое, изболевшее тело старое платьишко, как неуверенно ступает, держась за стены, Таня решила первым делом вызвать ей врача.

— Мама, а доктор давно был?

— Разве мне доктор поможет? Сердце другое не вставишь.

Нет, Танюшка, не нужен мне доктор…

Вера не задумываясь подтвердила, что доктор считает болезнь матери неизлечимой.

— Вот это уж глупости! — отрезала Таня. — Ты обязательно поправишься, мама. Вера, где у нас тряпка половая? Приборочку надо сделать.

Идя вместе за водой, Таня отчитала младшую сестру:

— Ты сознательной должна быть, должна думать, о чем говоришь. Откуда был у мамы такой ненормальный врач, что она потеряла надежду вылечиться?

Покраснев как рак, Вера ответила, что не знает. И хотя ей очень хотелось побыть дома, с Таней, оробевши от выговора, она предпочла уйти в свой техникум.

Таня вымыла пол в комнате, прихватив заодно и умывальную. Соседки помогали ей разговорами. Дельным оказалось сообщение, что неподалеку продается обстановка. Отсутствие в доме стола, обыкновенного стола всегда мучило Таню. Она сразу же отправилась в указанную квартиру, не торгуясь, отсчитала деньги. Купила стол, два стула, ватное одеяло. Бывшие хозяева вещей доставили их на дом.

Елизавета Федоровна заахала, запричитала, пораженная стоимостью покупки. Но радовалась ей, словно малый ребенок.

— Всю жизнь прожили. А теперь и стол есть. Как же ты славно придумала, Танечка! Жаль, деньги потратила, ведь пятьсот рублей — сумма!

— Не волнуйся, мама. Нечего жалеть деньги, заработаю еще. Теперь за столом хоть по-человечески пообедать можно.

Таня застелила стол старенькой простынкой, огляделась, подумала: «Стены надо бы побелить да иконы снять».

Мысли Тани все время возвращались к черным доскам в переднем углу. «Ведь я — коммунистка, а в моем доме иконы. И нельзя их выбросить. Всю свою жизнь мама богу молилась. Привыкла хоть так утешаться. Можно ли сейчас лишить ее этого утешения? Я через несколько дней уеду. Верушка ускакала — ищи ветра в поле. Мама одна. Нет, нельзя трогать привычный для нее черный угол. Теперь нельзя! Когда кончится война, приеду домой — все изменю. Все тогда изменится. Настанет хорошая, радостная, светлая жизнь. Сейчас для мамы главное — поправиться».

Таня пошла разыскивать врача — соседки советовали обратиться в поликлинику имени Семашко — и отметиться в комендатуре.

Москва. Знакомые и такие неузнаваемые улицы, дома. Стены выкрашены темными красками — разноцветными пятнами,

полосами, переходящими кое-где на мостовую. В стороне от строений развешены маскировочные сети. Уж летчик-то понимает, как это может помешать ориентировке.

Кремль. Сначала Таня не могла понять, почему он выглядел суровым. Те же навечно врезавшиеся в память очертания устремленных ввысь башен и колоколен, куполов церквей и домов, зубчатых стен. Снега было совсем мало. Только сметенные поземкой валики на обочинах тротуаров да припорошенные крыши. Вон, оказывается, что: замаскирована, погашена позолота кровель.

На малой высоте болтались огромные серые аэростаты. Они спускаются на день и поднимаются на ночь. Хорошая защита. Вражескому самолету аэростат с тросами страшнее огня. А вот и «колбасу» ведут. Таня увидела группу девушек, которые вели длиннейший баллон с газом для заправки аэростатов. Праздношатающиеся не встречались. В скверах на набережной были оборудованы позиции зенитных орудий, солдаты тут же продолжали заниматься земляными работами.

Таня могла бы поехать на трамвае или в метро. Но она шла и шла, отмечая каждую деталь военной Москвы. Витрины заложены мешками с песком, забиты фанерой. Уцелевшие стекла окон перекрещены бумажными полосками.

Мелькнуло воспоминание далекого детства, когда Мария таскала ее, маленькую, в церковь. Однажды Таня потеряла сознание во время обедни — упала навзничь от духоты церковной, оттого, что показалось: крест у алтаря покривился, вытянулся наискосок — совсем как на том окне, — двинулся на нее, девчонку Танюшку, и придавил…

Таня даже помотала головой, столь живо и сильно было это словно бы и не к месту возникшее воспоминание. Впрочем, очень к месту. Таня именно сейчас поняла, почувствовала, почему ее так раздражают, так гнетут у других, возможно, не вызывающие никаких ассоциаций бумажные наклейки. Они — от войны, от фашистов, как крест — от церкви, то есть от тех сил зла и смерти, с которыми она, Татьяна Макарова, всегда боролась.

Жизненно необходимо выбросить иконы из угла над постелью матери, иконы, позорящие ее дом. Жизненно необходимо снять со всех окон родной Москвы белые наклейки в виде косого креста. Кто бы и что бы там ни говорил, а для нее, бойца Советской Армии, это — позорные наклейки. Для чего и от чего они? О чем говорят? О том, что здесь — даже в самом центре Москвы — подготовились к вражеской бомбежке, подготовились к тому, что если вблизи взорвется бомба, то наклейки помешают осколкам стекла разлететься во все стороны. «Поможет, как

мертвому припарка», — зло шепчет Таня. Да возможно ли допустить взрывы в самом сердце?! Нет! Нет! Скорее и дальше надо гнать фашистов.

…На углу стрелой был обозначен вход в подвал — в бомбоубежище. Над стрелой висел плакат с надписью: «Все силы на разгром врага!»

Таня подумала, что не сумеет она весь отведенный ей срок находиться в отпуске — пусть мама не обижается.

Дней через пять лейтенант Макарова, чтобы добраться обратно в полк, связалась с Управлением ВВС и вылетела из Москвы на попутном самолете.

Настроение было самое боевое. Да и сил прибавилось: хоть и кратким получился отпуск и не особенно насыщенным событиями — Таня собиралась шутливо рапортовать подругам: «Стол купила да раз в театр сходила», — но отдохнуть она, конечно, отдохнула. И что самое главное, от непосредственного соприкосновения с родным домом, с родным краем — да еще край-то этот сама Москва — все чувства, все мысли приобрели какую-то необыкновенную стройность.

Ах как сейчас понимала она своего штурмана, своего друга Веру Белик! Как понимала Верину ненависть к врагу, когда той приходилось собственными руками сбрасывать бомбы на крымскую, взрастившую ее землю. Она, Таня, еще сказала: «С такой злостью и ненавистью бомбила сегодня наша Вера, какой я в ней и не предполагала». А разве в себе самой могла предположить Таня новое обострение ненависти к фашистам? Нет, бродя по московским улицам, она не встретила особых разрушений — надежно была защищена Москва. Но разве забудешь и простишь притушенное сияние Кремля, ставшего серым от маскировочной раскраски и сетей? Разве забудешь изрытый сквер и зенитные пушки у старых лабазов на Болотной? Разве простишь кресты на окнах и кресты противотанковых рогаток, разбросанных по жутко присмиревшим улицам? Разве забудешь всю массу неотложных добрых дел, которые должна, могла, хотела бы сделать, но которые вынуждена откладывать на «после войны»?!

Как здорово, что возвращается она в полк, чтобы бить, бить, бить врага и тем приблизить счастливое «после войны». Как здорово, что о самом задушевном друге детства Викторе отец сказал: «Где же ему быть еще? На фронте бьет фашистов!» Здóрово, что не застала по домам ни одной из подруг: кто работает на военном заводе, а кто — зенитчицей.

«Какая мы сила!» — почти вслух думала Таня, не преминув с улыбкой прошептать свое излюбленное: «Ай да мы!»

Попутчики Тани, немногочисленные пассажиры — большой транспортный самолет вез в основном груз, а не пассажиров, — смотрели на девушку-летчика, ловили чуть заметную ее улыбку и, понимая, что нельзя ей мешать каким-нибудь незначительным разговором, молчали.

Вся в нетерпении скорее попасть в полк, Таня на Краснодарском аэродроме разыскала связной самолет, который отправлялся в станицу Фонталовскую. От Фонталовской до Пересыпи за час пешком можно добраться. Таня упросила подбросить ее до Фонталовской.

И вот она уже приземлилась на соседнем с родным полком аэродроме. Самолет подрулил к землянке КП. Таня выпрыгнула из кабины, поблагодарила летчика.

— Вы так помогли мне, даже представить себе не можете, — сказала она. — Тут места мне знакомые, теперь я быстро доберусь домой.

В этот момент из землянки вышел высокий человек без шапки. Из-под шинели, наброшенной на его плечи, виднелись ордена на гимнастерке. Их было много.

«Боевой лейтенант», — подумала Таня, но и бровью не повела, хотя не только ордена привлекли ее внимание. Вышедший был очень красив. А он, летчик-истребитель, человек, как потом выяснилось, не из робкого десятка, растерялся. Он не ожидал встретить женщину на своем аэродроме, поэтому и сказал неловко:

— Зачем это женский пол к нам пожаловал?

— Не женский пол, а женский полк, — поправила Таня. — Я ваша соседка, из женского полка ночных бомбардировщиков. Случайно залетела к вам. Не выгоните?

— В Пересыпь ей надо, — вмешался летчик связного самолета. — Я — по срочному заданию в другую сторону. У вас не найдется ли машины до Пересыпи?

— Постараюсь, чтобы нашлась, — поторопился ответить лейтенант. — Я сейчас позвоню в штаб. Заходите, пожалуйста, — предложил он Тане.

Таня прямо-таки не могла понять, что с ней случилось, почему она охотно зашла в землянку, почему обрадовалась, когда лейтенант, не дозвонившись в штаб — все время было занято, — попросил ее присесть подождать.

В землянке было жарко натоплено. Таня сняла шапку. Ее блестящие темные волосы рассыпались; она стала поправлять их. Лейтенант обеими руками пригладил свою белокурую шевелюру. Он только раз очень пристально взглянул Тане в глаза, а теперь все опускал ресницы — они были густые, темные, гораздо темнее

волос. И брови черные, почти сросшиеся на переносице.

— Так вы из Москвы? — спросил он. — Как там, в Москве?

Таня заметила, как под смуглой кожей щек у собеседника разлилась краска, и сама порозовела.

— Москва всегда хороша, — ответила она. — Но здесь лучше. Вы знаете, я так рвалась повидать маму и сестренку, посмотреть Москву! А приехала туда и через три дня стала скучать. Потянуло обратно в полк.

— Да, полк — это дом родной. Я вам охотно верю. Я без полка, без товарищей и дня бы не прожил.

Опять в непонятном смущении помолчали. Таня попросила:

— Позвоните еще разок.

Лейтенант покрутил ручку:

— Штаб? Скажите, от нас машина не пойдет в сторону Пересыпи? Спасибо. Нет, больше ничего.

Таня поняла, что машины не будет, и поднялась, чтобы отправиться голосовать на дорогу.

— Я пойду. На попутной доберусь. А то скоро стемнеет, — нерешительно проговорила она. — До свидания, товарищ лейтенант.

— Я даже не знаю, как вас зовут… Меня зовут Владимир. А вас? — Он схватил ее за руку.

— Таня.

— Я так и подумал, что вас зовут Таней. Самое лучшее имя. Знаете что, Таня? Посидите немножко… Через час меня сменят, и я вас провожу. Здесь же совсем рядом. Иногда наши ребята ходят к вашим девушкам.

— И вы тоже ходите? К кому, если не секрет?

— Нет, я не хожу. Вот теперь приду. Позволите? Можно прийти завтра вечером?

— А вечером меня не будет. Я же на полетах буду. Вы днем приходите.

— Днем у меня полеты.

И все-таки Владимир и Таня стали находить время для встреч.

Вечер их первого знакомства был прекрасен. Они вышли на широкую, раскатанную прифронтовую дорогу, подставляя лица студеному ветру. Они говорили, подобно всем, на кого нахлынет сразу молодое и сильное чувство, обо всеми ни о чем. Когда мимо проносились тяжело груженные машины, поднимая облака колкой морозной пыли, Владимир повертывал Таню так, чтобы собой закрыть, защитить ее. Раньше Таня никогда не думала, что приятно почувствовать себя на минуту слабой, надежно оберегаемой. А сейчас ее оберегает этот лейтенант с сурово

сросшимися бровями и ласковыми пушистыми ресницами, и она почему-то довольна, просто радуется до неприличия. Заметно? Ну и пусть!

22. НАСТУПЛЕНИЕ

После отпуска Таня с новыми силами включилась в боевую работу.

Фашисты подтягивали технику в район Керчи. Воинские эшелоны разгружались на станции Багерово. Несколько ночей полк производил налеты на эту станцию. Хотя противовоздушная оборона ее была такая, что над целью устраивалась настоящая иллюминация, летали без потерь.

На встречу Нового года Таня пригласила Владимира, и ей с ним было расчудесно. В радужном настроении, вспоминая о том, что они с Володей условились посылать сверху друг другу приветы, Таня вылетела в первую послеНовогоднюю ночь.

Ночь стояла светлая, лунная. Небольшой морозец, высокая, с разрывами, облачность, отличная видимость. Словом, погода самая летная.

Вера не прочь была порасспросить подругу о Москве. Но Таня говорила все больше о Володе и о том, что бывает все-таки любовь с первого взгляда и что она сама именно так полюбила…

Над Керченским проливом облака стали клочьями проплывать под самолетом, а сверху стелился второй их пухлый ярус. Луна, словно играя в прятки, то выглядывала, то скрывалась.

— Потянулась мура из гнилого угла, — заметила Вера.

— Эта мура не так уж страшна, — откликнулась Таня. — Облака, правда, коварные. Беленькие, легонькие. На их фоне самолет виден как на ладони. И прожекторы не нужны, чтобы осветить, сбить…

— Смотри, что творится над целью. Кто-то попал в переплет. На Багерово я летала несколько раз, когда ты гостила в Москве. Но тогда обстановочка была полегче, — сказала Вера. — Видно, приперло фашистов, если они понатыкали прожекторов. Даже посчитать невозможно.

— Да, не просто будет сегодня.

Стоило приблизиться к станции, как их схватили сразу шесть ослепительных лучей. Загрохотали зенитки. Маневрируя, Таня продвигалась к железнодорожным путям. Вера подала команду заходить на боевой курс. В это время зенитный снаряд угодил в правую плоскость. Осколками изрешетило борт кабины. У Веры, склонившейся, чтобы вести прицеливание, сорвало очки; она инстинктивно вобрала голову в плечи, но тут же распрямилась и приникла опять к прицелу. От ветра слезились глаза. Как же вести наблюдение? А цель быстро приближалась. Левой

перчаткой Вера смахнула слезы.

Пора! Она нажимает рычаг бомбосбрасывателя:

— Пошел! Готово!

«У-ух!» — потряс воздух взрыв. Взметнулось пламя, охватившее несколько вагонов. А вокруг самолета тоже бушевало пламя. Зенитчики пристрелялись: к самолету со всех сторон неслись огненные шары. Самолет уже был изранен, изрешечен. Казалось, вот-вот летчик потеряет управление. И тогда конец, не выбраться из этого ада.

Хорошо, что на помощь спешили подруги. Почти одновременно слева и справа повисли два САБа. Через несколько секунд загорелся третий. Значит, над целью — четыре самолета. А огня столько, что хватило бы на весь полк. Не отрываясь ни на миг от приборов, Таня маневрирует, старается уйти от прожекторов. Но выключаются одни — зажигаются другие и освещают, ослепляют… Да и самолет стал менее поворотлив, плохо слушается рулей. От дыма и пороховой гари просто нечем дышать.

— И когда это кончится? Далеко еще до берега? — спрашивает Таня.

Штурман докладывает обстановку:

— Берег близко. От станции и до самого моря понаставлены зенитки и прожекторы. Над целью я насчитала двадцать два прожектора. Схватили еще кого-то из наших. Ура! Девчонки попали по прожектору. На станции огромный пожар разгорелся. Время — двадцать один час восемнадцать минут. Подходим к берегу моря. Обстрел слабеет. Замечаешь? Под огнем мы были двадцать минут. Поворачивай на восток! Под нами — море. Следом за нами идут еще два самолета. Оба — в прожекторах.

— А для нас уже нет дарового освещения? — усмехнулась Таня.

Трудно было управлять подбитым самолетом. Когда же на аэродроме техник Валя Шиянкина сказала, что его нельзя больше выпускать в полет — нужен серьезный ремонт, Таня расстроилась.

— Что же мы, должны всю ночь просидеть без дела? Может, есть резервный? Пойдем-ка, Верок, к командиру полка.

Бершанской Таня доложила, что задание выполнено; имеется прямое попадание в железнодорожный состав.

— Молодцы, девчата, — похвалила Бершанская. — Мне уже докладывали, что эшелон горит. Только я не знала, кто его поджег. Оказывается, вы.

— Товарищ командир полка, мой самолет выведен из строя. Несколько пробоин от снарядов и осколков. Техник говорит, что ремонт — долгий. Разрешите взять свободную машину и

продолжать боевые полеты.

— Самолет не выдержал. А вы собираетесь выдержать… Ну я и говорю: молодцы. Разрешаю обратиться к технику эскадрильи Алексеевой. Аронова — дежурная по части, возьмете ее самолет.

Еще шесть боевых вылетов сделали Таня Макарова и Вера Белик. Израненные самолеты к следующей ночи были возвращены в строй умелыми руками техников.

23. НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Наступление наших войск на Крымском полуострове было сокрушительным. Из последних сил фашисты сопротивлялись в Севастополе. В освобождении Севастополя важную роль сыграла авиация. Штурмовики, бомбардировщики, истребители взламывали оборону противника с воздуха. В портах и в открытом море разбивали, топили вражеские корабли; налетами на аэродромы с разных направлений уничтожали авиацию.

Каждую ночь выполнял боевые задания и женский авиаполк. В период боев за Севастополь напряжение его работы достигло наивысшей степени. В короткие весенние ночи некоторые экипажи делали по шесть — восемь боевых вылетов. Девушки сетовали только на солнце, которое, как им казалось, чересчур рано поднималось.

— Ни работать, ни спать не дает, — шутила Таня.

Настроение у нее, как, впрочем, и у всех наступающих, было таким, что просило шутки. Даже трудности не снижали тонуса. Частая смена аэродромов иногда мешала БАО вовремя подвезти продукты. Оставались без завтрака или ужина и опять острили:

— Принимаем солнечные ванны вместо еды.

— А что? — слышался Танин голос. — Крым — это курорт. Солнечные ванны тут всего дороже.

И действительно, радовала возможность, хоть ненадолго, сбросить тяжелые сапоги и комбинезоны, даже гимнастерки, чтобы по-южному позагорать.

Полк некоторое время взаимодействовал со 2-й Сталинградской авиадивизией легких бомбардировщиков и перенял опыт полетов с повышенной нагрузкой. До того девушки на самолетах По-2 брали бомб до 200 килограммов. На это были, конечно, свои причины: взлетать приходилось с маленьких полевых площадок. Когда полк стал располагать хорошими аэродромами, летчицы выразили желание брать груз потяжелее. Для эксперимента было выделено два экипажа — Поповой и Чечневой — на самолетах с более сильными моторами. Они благополучно взлетели, взяв по 300 килограммов бомб, и успешно выполнили задание, В следующий полет разрешили еще нескольким экипажам взять повышенную нагрузку.

С бомбовым грузом в 300 килограммов вылетели Макарова, Никулина, Пискарева.

Таня чуть дольше удерживала на взлете ручку управления, чтобы на разбеге набрать достаточную скорость, а потом плавно потянула ручку на себя. Самолет легко отделился от земли и так

же легко начал набирать высоту.

Таня мигнула бортовыми огнями. Так они условились с Катей: перед заходом на цель она мигнет, чтобы Катя начинала планировать. Над целью первый самолет сбрасывает САБ, а второй сбрасывает бомбы.

— Пискарева! Три раза мигнула, — докладывала Вера. — Выключила мотор. Планирует.

Они должны были бомбить вражеский аэродром. Он был уже весь освещен, и зенитки лаяли, как свора собак. Ни Таня, ни Вера их, казалось, не замечали. Каждая занята своим делом; у летчицы — все внимание на приборы и маневр. Вера склонилась за борт, наблюдает за аэродромом.

— Не попала. Перелет, — удрученно говорит она: — Заходи второй раз. Я только две сбросила.

— В таком огне ты пристреливаться вздумала! — возмутилась Таня. — Все сразу надо было бросать!

— Да ведь мы взяли больше. И все упали бы мимо. Заходи с тем же курсом, Ого какой взрыв! Еще право. Еще! Хорошо!

Во второй заход Вера угодила точно — на земле загорелся вражеский самолет.

На своем аэродроме они приземлились вслед за Пискаревой.

— Пойдем к командиру полка, — выключив мотор, сказала Таня. — Можно нагрузку еще большую взять. Самолет выдержит.

Рядом со штабной машиной стояло еще несколько — с ужином, бензо- и маслозаправщики. Висел боевой листок. Тане в глаза бросилась цифра «386». Она начала читать и закричала:

— Вера, нас опередили! Надя Попова взяла триста восемьдесят шесть килограммов и ушла на задание. Отставляем ужин, идем обратно, к самолету. Может, Бершанская уже распорядилась и нам, как Поповой…

У самолета стоял бензозаправщик. Валя Шиянкина заливала бензин. Бомбы уже были подвешены. Вера осмотрела их, удивленно сказала:

— Подвесили двести килограммов.

— И все? Вооруженцы, бомбы! — закричала Таня в темноту.

— В чем дело? — спросила, подходя, старший мастер по вооружению Лида Гогина.

— Почему только двести подвесили? — наступала на нее Вера.

— Всем вешаем по двести.

— Как это всем? А Поповой — триста восемьдесят шесть.

— Да, несколько экипажей летают с повышенной нагрузкой. Макаровой тоже разрешено, — заглянула Гогина в свой блокнот, подсветив фонариком. — Вас, наверное, не было. Не знали, чей

самолет. Сейчас исправим. Бомбы!

Когда подошла машина с бомбами, Таня сказала вооруженцам:

— На мой самолет можно подвесить триста восемьдесят килограммов.

Еще одну стокилограммовую бомбу подвесили под правое крыло. С левой стороны — кассету с мелкими осколочными и зажигательными бомбами весом 80 килограммов.

Вера проверила подвеску и влезла в кабину. Таня подрулила на взлет.

На взлете она почувствовала что-то неладное. Самолет разворачивало. Пришлось придерживать левую педаль. Разбег продолжался так долго, что по телу разлился озноб. Оторвались от земли почти у самой границы аэродрома. Высота набиралась очень медленно.

— Ну тяни, тяни, мой милый… — шептала Таня.

Самолет все время стремился развернуться вправо, зарывался носом. Управлять им стало невыносимо трудно, появилась дрожь в ногах, усталость во всем теле. И страх.

— Совсем не тянет. Нарушена центровка, — вяло сказала Таня.

— Давай вернемся.

— Хоть бы сто метров набрать. Как же я иначе развернусь?

Таня выбивалась из сил, поддерживала ручку управления коленом. Вера пока ничем не могла ей помочь. Таня зажгла бортовые огни и стала разворачиваться блинчиком. Высота медленно, но все же набиралась. Когда она достигла трехсот метров, Таня опять развернула самолет в сторону цели.

— Таня, ты что?

— Пойдем не задание. До цели наберем высоту.

Этот полет был одним из самых сложных за всю летную жизнь Тани. Едва-едва набрала она восемьсот метров высоты. Маневренный, легкий, устойчивый самолет стал тяжелым и неуклюжим. Но теперь Вера знала, как помочь: одну сотку и кассету с мелкими бомбами она сбросила на береговые укрепления. Там заметила стреляющую пушку. Облегченный самолет, послушный рукам Тани, выровнялся. Звонче, веселее полилась монотонная песня мотора.

К цели — вражескому аэродрому — они подошли на нужной высоте в полторы тысячи метров. Две оставшиеся стокилограммовые бомбы были сброшены точно.

Больше Таня не стала рисковать. В следующие полеты она брала проверенную нагрузку — 300 килограммов.

После разгрома врага в Крыму воздушная армия перелетела

на другой участок фронта.

Не время было предаваться радости по поводу завоеванной победы на крымской земле. Залитые кровью и страданиями, ждали своих освободителей Украина и Белоруссия, Молдавия и Прибалтика.

15 мая полк ночных бомбардировщиков в последний раз взлетел с крымского аэродрома, направляясь на 2-й Белорусский фронт. Под крылом проплывали массивы полей, города и села недавно освобожденного края. По дорогам бежали машины, в поле работали женщины. Они стягивали с головы платочки, приветливо махали вслед низко летящим самолетам.

У Тани было такое настроение, когда совсем не хочется думать о войне. Она давно не виделась с Владимиром — истребители перелетели на новый фронт раньше, — поэтому тосковала и волновалась, но грусть притаилась лишь в главах, а губы улыбались. Необъятная ширь полей, прекрасная погода, цветущие сады — все словно бы предвещало счастье.

— Таня, что ты притихла? — подала голос Вера. — Мелитополь справа. Командир полка заходит на посадку.

— Я вижу.

— А какие сады кругом! Как цветут!

— Вижу. Все время любуюсь. И кажется, война вроде совсем кончилась. Володьку бы скорее увидеть.

— Теперь скоро встретитесь! Я рада за тебя, Танюшка. Ты за последнее время прямо расцвела.

— Только я боюсь за него. Ведь каждый день бои. Сейчас где-нибудь с «фокками» или «мессами» сражается. В любую минуту могут сбить.

— А ты не думай о худшем. Думай… да так оно и есть, что он сбивает заклятого врага!

24. ВСЕ ДАЛЬШЕ НА ЗАПАД

Перебазирование полка заняло несколько дней. Наконец Белоруссия. Аэродром у населенного пункта Сеща, где приземлился полк, был весь искорежен воронками. На границах виднелись траншеи, окопы. Везде — следы недавних сражений. Населенный пункт значился на картах, но не существовал — лишь остовы печей отмечали бывшие улицы. Верхушки деревьев были скошены артиллерийскими снарядами.

Личный состав полка разместился в землянках, вырытых в березовой роще на окраине аэродрома. Белые стволы берез и кудрявая молодая листва. До чего же красиво!

— Вот жалость, что я не умею рисовать, — говорила Вера. — Впрочем, воздух весенний, пение соловья разве нарисуешь?!

— А ну, штурман, нарисуй по памяти все дороги и речушки. Сможешь?

Таня прикрыла планшетом Верину карту.

Сразу же после перелета летчики и штурманы занялись изучением нового района действий. Карты пестрели зелеными пятнами лесных угодий, сетью проселочных дорог, точками множества населенных пунктов, которых, как и Сещи, может, нет в действительности. Масса мелких — и ни одного характерного ориентира.

Чем больше вглядывалась Вера в карту, тем ярче представляла всю сложность предстоящих полетов.

«Каково-то придется молодым штурманам?! Они летали на Кубани и в Крыму — там с ориентировкой проще. А здесь не начались бы блуждания. Нужно проверить всех в звене, — решила Вера. — Ведь меня скоро будут слушать на партбюро».

Припомнились неоднократные беседы Марии Ивановны, парторга, которая личным примером постоянно учила быть заботливой, внимательной к каждому человеку. Когда встал вопрос об обучении штурманскому делу в полку. Мария Ивановна сказала: «Вера Белик только штурман звена, но хороший штурман. Зрительная память, умение быстро и точно произвести нужные расчеты отличают ее. Рядом Макарова — верный друг, опытный летчик. Они вместе сделали около семисот боевых вылетов без единого случая потери ориентировки. Белик готовилась стать учителем математики. Кому же, как ни ей, молодому коммунисту, можно поручить вести занятия с группой штурманят?!»

Вера была горда поручением, с величайшей ответственностью и удовольствием читала лекции, практически готовила из

штурманят штурманов. А сейчас, в новых условиях, естественно, волнуется за них. Повторить с ними задачу Тани — восстановить по памяти карту — полезно.

Сначала, конечно, сама. Вера вынула из планшета лист бумаги. Карандаш уверенно забегал, нанося сетку дорог и извилистых речушек.

— Готово! — Она, довольная, протянула исчерченный лист Тане: — Сверяй с картой.

— Ай да мы! Спасибо нам. Точная копия. Совершенно спокойно могу лететь со своим штурманом вообще без карты, — шутливо сказала Таня. — Вот какая у нашей Веры зрительная память. Ей небось и уроки учить не приходилось. Посмотрит раз — сразу все запомнит.

— Нет, уроки учить приходилось. Пусть мои будущие ученики знают: уроки учить необходимо. Уж на что я черчение не люблю, а вот карты черчу охотно.

…Солнце клонилось к закату. В роще посвежело. Сгущались сумерки. Девушки свернули свои карты. Но идти в землянки не хотелось. Уселись в кружок и запели тихо-тихо, чтобы не спугнуть очарование настороженного весеннего вечера.

Вдруг откуда-то из глубины леса донеслась музыка. Громче, громче. В музыку вплетался шум шагов. Между белыми стволами берез замелькали темные фигуры. Девушки вскочили, прислушиваясь к чужой, нерусской, речи.

— Неужели немцы?

— Что за чудеса! Откуда им взяться?

Кто-то нашелся, звонко закричал:

— Стой! Кто идет?

— Франсе, франсе… Слышим песню… женски голоса. Вот пришла музыка…

И тут же раздалась мелодия «Катюши». На пришельцах была иностранная форма. Еще не зная, кто они такие, девушки почувствовали: не враги. Так приветливо улыбаться могут только друзья.

Это в самом деле оказались друзья из дивизии «Нормандия — Неман». Они пришли знакомиться с советскими парнями и были приятно удивлены, что встретились с девушками.

— В темноте, да не в обиде, — объявила Таня, — устраиваем вечер музыки и танца. Поговорить-то не удастся. В боях с фашистами мы говорим на одном языке — бьем их без всяких слов. Правда? И почему наши студентки французского не знают?! Сейчас бы перевели, — добавила она с досадой.

На этот раз Таня была не права: в переводчиках никто — и она сама в том числе — не нуждался. До самого отбоя кипело в

березовой роще непринужденное веселье. Танцевали, не обращая внимания на поднимаемую ногами пыль, пели хором русские песни. Французы, не зная слов, отлично владели мелодией. Что же касается улыбок, то они всегда интернациональны.

Приятное воспоминание осталось от этой неожиданной встречи — на другой день «Нормандия — Неман» сменила аэродром.

С первых дней на новом участке фронта полк вел напряженную работу. Ночью летный состав выполнял боевые гадания. А днем шла учеба: проводились тренировочные полеты по разным маршрутам, изучался район действий. Ориентировка над лесистой местностью очень затруднительна. Малейшая ошибка — неумение точно определить местонахождение самолета — могла привести к роковым последствиям. Вот почему особенное внимание уделялось штурманской подготовке.

Вера прямо-таки не знала ни сна, ни отдыха. Таня не уставала подшучивать над подругой.

— Я ревную, — надувала Таня губы. — Ты совсем меня забросила, натаскивая своих штурманят.

— Беру пример с командира экипажа, — парировала Вера. — Когда я была в «зеленых», ты тоже со мною возилась. Да и теперь тебя медом не корми, дай вывезти новенькую.

В действиях наземных войск было некоторое затишье перед бурей.

В каждый полет летчики и штурманы отмечали изменения как на своей территории, так и на занятой еще противником. Наращивались огневые средства; ночники вылетали на подавление вражеской артиллерии. Вели разведку. А однажды была поставлена задача летать в течение ночи над своими войсками, чтобы гулом моторов глушить, маскировать шум их передвижения.

Чувствовалось, что скоро начнется наступление. Все с нетерпением ждали этой минуты.

В ночь на 23 июня загрохотали пушки, к переправам ринулись танки, пошла пехота. Мощным ударом 2-го Белорусского фронта была прорвана оборона гитлеровцев на реке Проня. Враг отступал.

Необыкновенный подъем царил в полку — в успехе фронта была частица труда авиаторов. В каждом полете штурманы зорко смотрели вниз, в ночную темень. Там идут в атаку наши солдаты. Нужно точно сбросить бомбы, помочь скорее уничтожить врага! А не продвинулись ли наши войска за минувший час еще на несколько километров вперед? Как бы не угодить по своим. И штурманы старались быть еще внимательнее, еще зорче.

Ночники летали и днем. Экипаж Макаровой — Белик обнаружил в тылу, в лесах, значительную по численности группировку гитлеровцев. Несколько самолетов отправились для бомбометания — Таня повела их. Группировка была разгромлена.

В течение месяца советские войска освободили почти всю Белоруссию и подошли к границам земель Восточной Пруссии.

В ночь на 31 июля 1944 года полк получил боевую задачу нанести бомбовый удар по городу Августову.

Поставив боевую задачу, командир полка сказала летному составу:

— Дорогие друзья! Настал святой час расплаты! Сегодня мы нанесем удар по городу, расположенному в Восточной Пруссии, за нашей государственной границей. Этого дня мы ждали три года. Помните, товарищи, что вы летите в берлогу раненого зверя. Бейте без промаха!

Первым экипажем, отправленным на выполнение почетной задачи, был экипаж Макаровой — Белик.

Легкокрылый По-2 оторвался от земли и взял курс на запад. Настроение у Тани и Веры приподнятое, а разговор будничный.

— Верок, смотри, на дороге машины с зажженными фарами — удивленно воскликнула Таня.

— А пожары какие пылают! Наконец-то мы до них добрались. Прямо чудо: фашисты не затемняются. Освещение действует. Самолеты летают с бортовыми огнями. Вот это да! Это нам на руку.

— Не пойму, или у них такая паника, что позабыли выключить свет, или беспечность. Нужно нам быть поосторожнее.

Вот и город под крылом. Робко, словно нехотя, бьют зенитки. Стреляют зенитчики плохо — разрывы далеко в стороне. Зато для девушек ориентиры отличные. Цель выбрана. Для осторожности Таня заходит с приглушенным мотором. Пора! Вера нажимает спусковой рычаг, и бомбы одна за другой падают на вражеский город.

А на аэродроме полк замер в ожидании. Впервые так волновались и переживали: ведь Вера и Таня полетели на прусскую землю!

Через полтора часа самолет Макаровой — Белик возвратился. Затаив дыхание, все слушали рассказ Тани:

— Боевое задание выполнено! Бомбы сброшены на логово врага! Представляете, какую гордость мы испытывали! А волноваться чего же?! Рассчитывали встретить над целью шквал огня, предполагали найти в Августове неприступную крепость. А там и обстрел-то… Зенитчикам, видно мало приходилось стрелять, совсем не умеют. Разрывы ложились в стороне от

самолета. А мы точно направили удар. Девочки, дорогие подруги, в наших силах отомстить врагу за его злодейства!

Через несколько минут все экипажи получили приказ вылететь на боевое задание. Вооруженцы подвешивали под самолеты бомбы с надписями: «Смерть фашистским захватчикам!» Механики и техники, заправляя самолеты, писали на фюзеляжах: «Отомстим фашистам!», «Смерть фашистам!».

25. НЕРАЗЛУЧНЫЕ

В живописном уголке исконно польской земли, захваченном гитлеровцами в 1939 году, в поместье Курово, хозяйничал немецкий барон. Летом сорок четвертого года в страхе перед победоносным наступлением Советской Армии барон сбежал.

Имение осталось в образцовом порядке. Стволы деревьев во фруктовом саду тщательно обмазаны известкой. Дорожки посыпаны песком. Перед домом — цветники и увитые плющом беседки. Тенистая липовая аллея спускалась к искусственному озеру.

Полк разместился в старинном, немножко мрачноватом, но удобном замке. На первом этаже обосновались техники, вооруженцы, штаб; на втором — летчики и штурманы. Такого комфорта давно не видели девушки. Всю Белоруссию пришлось пройти, устраиваясь то прямо под самолетами, то в землянках. А тут спальни в хоромах организовали отличные: белизной сверкали койки-топчаны, на тумбочках в банках стояли пышные букеты.

После обеда все, кому предстояло работать ночью, отправились спать. Одни заснули сразу. Другие еще продолжали тихо переговариваться, когда в одной из комнат нижнего этажа раздался шум. Дежурная Белик спустилась вниз:

— Товарищи, что за галдеж? Вы же мешаете спать.

— Мины! Мины!

Несколько девушек с рюкзаками направлялись к выходу.

— Кто здесь старший? Что за мины? — растерянно спросила Вера.

В ответ — наперебой несколько голосов:

— Товарищ гвардии лейтенант, дом минирован.

— Мы все ясно слышали под полом тиканье.

— Это мины!

— Мы в доме не останемся.

— Отставить разговоры! — суровым тоном сказала дежурная. — Барон, конечно, мог нам устроить сюрприз. Но паниковать незачем. Спокойно. Я сейчас доложу командиру полка.

По дороге Вера вспомнила, что Бершанская улетела в Москву на съезд женщин-антифашисток. Скорее — к заместителю, майору Амосовой.

А старый замок уже весь гудел как улей.

— Мины!

— Дом минирован!

— Девушки, в подвале мины!

Амосова приказала всему личному составу организованно, с вещами выйти из дома. Майор Рачкевич вместе с часовым выносили святыню полка — Красное гвардейское знамя. Начальник штаба капитан Ракобольская звонила в дивизию, просила немедленно прислать минеров.

Вскоре люди устроились метрах в ста от злополучного дома, под развесистыми ветвями старых лип. Прославленный полк со своими пожитками выглядел табором кочующих цыган. Девушки уселись на вещевые мешки, на скатки матрацев и взволнованно обсуждали происшествие:

— Вот тебе и комфорт!

— Барон решил устроить ловушку!

— Изверг он, изверг!

— Девочки, а как вы думаете, когда взорвется дом? — беззаботно спросила Таня, разглядывая огромное мрачное здание.

— Товарищи, размещайтесь под деревьями поудобнее! — Вера, наводя порядок, подошла к подруге: — Танюша, ты какое дерево облюбовала?

Таня не успела ответить.

— Первая эскадрилья, все сюда! — скомандовала Никулина. — Всем спать! Кто не уснет, летать сегодня не будет, и не проситесь!

— Слыхали? Спать! — повторила дежурная и, оттаскивая свой матрац на указанное командиром место, сказала Тане: — Положим их друг на друга, чтобы ты выспалась, как графиня. А я побежала минеров встречать.

А Тане на мягкой постели не спалось. Она думала о встрече с Володей. Три дня назад он неожиданно примчался на мотоцикле. Толкнул еще рокочущий мотоцикл в кювет, бросился к ней по полю. Как она сама бежала к нему, уж и не помнит. Но Володька, сумасшедший, схватил ее руки и каждую поцеловал.

Она кивнула на самолеты, около которых работали девушки.

— Ну что ты придумал! Могут увидеть.

— Пусть целый свет видит! Я еще мечтаю в твоего штурмана переквалифицироваться, чтобы там, в самом небе, тебе, руки целовать.

— Вот будет чудной штурман.

— Я и сейчас чудной. Я так соскучился по тебе, Танюша! Я без тебя просто не могу жить!

— Так я и поверила, — шептала Таня. А сама верила. Не могла не верить, потому что чувствовала и свою, и Володину любовь каждой клеточкой души и тела.

Они не успели ничего толком сказать друг другу. На краю

аэродрома их догнала команда:

— Летный состав, к командиру полка!

Уже не стесняясь, что могут увидеть, Таня порывисто обняла Владимира:

— Прощай, Володя.

— До свидания! До свидания! — кричал он ей вслед.

Лежа на своем и Верином матрацах под шелестящими липами на польской земле, Таня вспоминала, переживала встречу с любимым, что была три дня назад, переживала все встречи с ним и думала: «Какие они короткие! Даже не успеешь поговорить ни о чем. Если бы не война, сколько было бы счастья…»

А дежурная по части Белик — в наглаженной форме, со всеми орденами — неустанно хлопотала: появлялась то в одном, то в другом месте, следила за распорядком, справлялась насчет минеров, насчет машин. Она знала: самой ей сегодня летать не придется.

Макарова летала со штурманом-новичком. У той были первые боевые вылеты. Таня подробно рассказывала и показывала все, что было еще незнакомо и могло пригодиться молодому штурману. Она маневрировала в ослепительном хаосе огня и спокойно говорила:

— Это стреляет фашистский шестиствольный миномет.

— В нас?!

— Да нет, не совсем в нас, — улыбалась Таня. — А вот бьет артточка. Там дальше отбомбился один из наших экипажей. Важно научиться отличать взрывы сброшенных бомб от вспышек стреляющей пушки.

— Вы умеете?

— Да, уже научилась. Посмотри назад. Видишь, на линии фронта завязалась перестрелка? Ракетами освещают местность — тут тебе бояться нечего. Фашисты сами со страху — не пошли бы наши в наступление — иногда всю ночь ракеты пуляют.

Погода для работы выдалась отменная: хорошая видимость, ясное небо, незначительный ветер. Новенькая Тане понравилась — уже в следующие полеты она не задавала нелепых вопросов. И бомбы сбросила толково. Но всю ночь у Тани было неважное настроение. Она не могла даже сама объяснить: почему? И только когда закончились полеты, когда с аэродрома летный состав вернулся в поместье и Таня увидела Веру, она поняла: скучала без подруги. Теперь, утром, увидев Веру — дежурную, на нее вроде и внимания не обращавшую, Таня успокоилась. У нее стало легко на душе, исчез сосущий червячок-вопрос: «Как там Вера с этими баронскими минами управляется?»

Вера тоже, когда представилась возможность, сразу подошла

к Тане, спросила:

— Ну как леталось, Танюша? Крепко били? Ты знаешь, в подвале нашли-таки две мины. И еще ищут. Опять придется спать под липами. Ты устала сегодня, Танюша?

— Устала, — просто призналась Таня. — Настроение всю ночь какое-то дурацкое было. Хоть на луну вой.

— Отчего? По Володе скучаешь? Он парень, конечно, стоящий. Но всю ночь о нем тосковать — много чести. — В этом житейском вопросе Вера испытывала некоторое превосходство над Таней. Конечно, она сама болеет за Савву, но уже не в таком трепете, как Таня, вроде бы рассудительней ее, взрослее. — А впрочем, я ночью тоже места себе не находила. Если бы не Саша Акимова, наверное, на аэродром прикатила бы. Саша сегодня тоже в наряде. Мы с ней всю ночь про институт толковали. Оказывается, наши институты теперь слились. Мы с Сашей договорились после войны жить в одной комнате в общежитии на Усачевке. Пойдем, Танюша, вместе в педагогический?

— Ты же сама мне как-то сказала, что я могу только летать. Верно, летную работу я не променяю ни на какую другую. Ну что ты скисла? Я буду приходить к тебе в гости.

— В гости? Этого мало. Мне трудно представить, как я буду жить от тебя вдалеке.

Таня радостно засмеялась:

— Не горюй! Что-нибудь придумаем. А сейчас я пошла недалеко, на боковую.

Последние августовские дни донимали жарой. В тот день, 24 августа, даже густая тень под липами не помогала.

Тогда, жаре наперекор, после обеда устроили спортивные соревнования. Капитаном спорткоманды была Вера Белик. По просьбе эскадрильи Веру сменили с дежурства раньше, и она участвовала во всех соревнованиях. Таня была, конечно, в ее команде.

Стадион заменяла большая лужайка над озером.

Вера Белик, по признанию всех, показывала класс. В том же забеге с грузом соперница Веры наклонилась поднять выскользнувший мешок. Вера с изрядной тяжестью в руках ловко перепрыгнула через неожиданную живую преграду. Заняла первое место. Плавала она и вовсе отлично.

Кто-то сказал:

— Прямо как русалка.

Кто-то блеснул эрудицией:

— Нет, настоящая наяда.

Спорщиков помирила Мария Ивановна Рунт. Она сказала:

— Наша Белик — девушка из Керчи.

Это было наиточнейшее определение. Сама Мария Ивановна была родом из Куйбышева, из рабочей семьи. Отец — как он сам говорил, «слесарь Иван, не сумевший при царской власти заработать даже отчества, не токмо образования», — поддерживал в детях стремление к знаниям, мечтал видеть молодежь образованной, культурной. Говорил: «Коли сам не в срок учусь, то дочерью могу гордиться — совсем юной закончила университет, стала преподавательницей. Народ наш нуждается в обучении родному русскому языку. Жаждет грамотности…» Мария по роду своей деятельности умела ценить слово, стремилась подкреплять его делом. Молодого коммуниста с высшим образованием, ее направили на работу в Западную Белоруссию. Потом — работа в обкоме комсомола. Война застала Марию на конференции в городе Лида. В полку Мария Ивановна была бессменным парторгом.

В наступающую ночь по всем правилам и уставным законам Белик не должна была летать. Она сменилась с дежурства, к тому же хлопотливого, и ей полагалось отдыхать. Но она подошла после соревнований к командиру эскадрильи Никулиной такой свежей и бодрой, так горячо уверяла, что отдохнула в предыдущую ночь и теперь готова выполнять боевое задание, что Никулина не отказала ей.

После ужина Таня с Верой не задержались у дерева, где находились их постели, — лишь подложили аккуратно под матрацы вещевые мешки, взяли планшеты и уселись в автомашину, как всегда, рядышком.

Всю дорогу пели. На аэродроме экипажи сразу же направились к своим самолетам. Таня с Верой помогли технику Вале Шиянкиной разобрать маскировочную зелень.

— Наша старушка вроде помолодела? — удивленно спросила Таня.

— Я помыла самолет с мылом. Вот он и выглядит, как новый, — довольная, ответила Шиянкина.

— И правда, как новый, блестит. А надпись словно только что сделана. «Лучшему комсомольскому экипажу», — прочла Таня. — Мы с тобой, Верок, всегда останемся комсомольцами, правда?

— Разве это плохо — всегда быть молодыми?

— Мне, например, очень нравится, — ответила Таня и забралась в кабину запускать мотор. Потом вырулила на старт, выключила мотор.

Медленно опускались на землю сумерки. Солнце давно скрылось. Но закат еще пылал, окрашивая все небо в багряный цвет.

Летчики и штурманы, собравшись в кружок, слушали майора

Амосову.

— В ночь на двадцать пятое августа, — говорила она, — полку надлежит уничтожить скопление танков противника в городе Замбрув. Бомбы брать фугасные. Бомбить цель с высоты тысяча двести — тысяча пятьсот метров. Работать сегодня будем по максимуму. Ясна задача? Товарищ инженер, бомбы готовы? Хватит на всю ночь?

— Бомб хватит. Кроме фугасных имеются и осколочные. Предлагаю на некоторые самолеты подвешивать кассеты с осколочными бомбами, — ответила инженер по вооружению Надежда Стрелкова.

— Хорошо. Подвозите осколочные. Начальник штаба, у вас есть данные о линии фронта? Объявляйте.

— Товарищи, отметьте на своих картах новую линию фронта! Нашими войсками освобождены следующие населенные пункты… — Звонким радостным голосом Ракобольская называет каждую освобожденную деревню, каждый населенный пункт.

В ожидании темноты Таня и Вера уселись под самолетом, склонились над картой. Они еще раз обсуждают заход на цель, запоминают маршрут, сличают правильность нанесенной на карту линии фронта.

Один за другим взлетали самолеты. Дошла очередь в до Макаровой. Дежурная по полетам взмахнула зеленым фонариком, и самолет с надписью на борту: «Лучшему комсомольскому экипажу» — ринулся вперед.

Через несколько минут они были в воздухе. Таня 628-й, а Вера 813-й раз направлялись за линию фронта, чтобы сбросить бомбы на врага.

Кругом — ни облачка. На темном небе ярко светились звезды. Воздух чист и прозрачен. Летать в такую погоду — одно наслаждение.

— Красота какая! Ты только посмотри, Танюшка.

— Я вчера подавала заявку на хорошую погоду. Это по моему заказу она такая! Угодила?

— Еще бы! А я вчера не летала и соскучилась. Смотри, смотри, какие пожары в Белостоке! Наверное, фрицы бомбили. Тань, а у меня настроение — словно сегодня какой-то праздник.

— Конечно праздник. Стукнем по танкам — Гитлера поздравим.

— Вот бы угодить в самого Гитлера! Это был бы всем праздникам праздник.

— На Гитлера бомбу сбросить — мало. Давай лучше побольше танков его пощелкаем. Проверь курс!

— Порядок! Курс у нас с тобой правильный. Давай я поведу

самолет.

— Бери управление.

Вера пилотировала самолет почти до самой цели. Только на подходе к зоне огня Таня легонько стукнула по ручке. И сразу перевела самолет в планирующий полет, чтобы сбить со следа вражеских звукоулавливателей.

Вскоре Вера сбросила САБ и рассмотрела черные точки — танки, скрывавшиеся в тени строений на окраине города. Длинной вереницей они вытянулись по обе стороны дороги.

— Вижу танки. Подверни влево. Хорош! Так держать!

Обстрел стал сильнее. Вокруг самолета разлилось огненное море. Противное «паф-паф» — звук разрывающихся зенитных снарядов — раздавалось со всех сторон. Звенело в ушах. Резало горло от запаха горелого пороха. Прожекторы мешали прицеливанию. У Веры заслезились, заболели глаза. Но она неотрывно смотрела в прицел, прикрываясь рукавом.

Пора! Бомбы полетели вниз, чтобы разметать фашистские танки.

— Сбросила. Пошел!

Таня выписывает хитрое сплетение различных противозенитных маневров. Очень трудно уйти от пяти пронзительных прожекторов. Вдруг совсем рядом вспыхивает чей-то САБ. Два луча заметались по небу. Вслед за ними и остальные вздрогнули, выпустили самолет Тани.

— Выручили нас подружки! — благодарно воскликнула Таня.

— Это, наверное, Ира Себрова. Она вылетала за нами.

— Трудненько ей придется. Осатанели фрицы. Держись, Себрова! Держитесь, девочки!

Таня с Верой думали уже не о себе. Зенитный огонь по их самолету прекратился. Выполнив задание, экипаж Макаровой — Белик возвращался за новой порцией бомбового груза.

Всего десять минут длился их поединок с зенитчиками. Но сколько самообладания, сколько мужества и отваги, какого напряжения воли потребовали эти десять минут!

Случалось, что после поединка над целью, после, когда уже все миновало, все страшное осталось позади, дрожали ноги, не слушались руки, деревенели пальцы, мучила жажда. Тогда летчик и штурман подшучивали друг над другом, стремясь добрым, веселым словом снять, развеять нечеловеческое напряжение. И это всегда удавалось: вскоре все приходило в норму, возвращалось бодрое, хорошее настроение.

Так было и на этот раз. Волнение после пережитого над целью постепенно улеглось. Таня и Вера уже считали себя почти дома — они подходили к линии фронта. Таня сказала:

— Ох и хороша «ночка темна»! До зари успеем еще раза три обернуться.

— Успеем… — ровным голосом откликнулась Вера. И вдруг стукнула по ручке управления, закричала: — Таня! Таня! Смотри!

Из тьмы к их самолету тянулись короткие огненные трассы атакующего истребителя-фашиста. На плоскости вспыхнул огонь. В ту же секунду Таня свалила самолет на крыло, заскользила вниз, пытаясь сбить пламя. А истребитель противника не отставал, посылал по их самолету трассу за трассой. Пламя охватило плоскости, мотор, перебросилось к кабинам, разгоралось все сильнее.

Им бы парашюты — и они спасены. Но на самолетах По-2 летали без парашютов, предпочитая взять дополнительно несколько килограммов бомбового груза. Единственное спасение в создавшейся обстановке — это земля. Скорее! Скорее, пока еще не взорвался бензобак, пока еще руки держат штурвал, скорее нужно посадить самолет. А огонь уже охватывает одежду, лижет лицо…

Нет, не успеть им долететь до земли. Успеть только крикнуть прощальные слова друг другу…

Борясь до последнего вздоха, Таня и Вера закусили губы, не произнесли этих прощальных слов. Да и не умерли они, живыми остались в памяти живущих.

Летят сквозь годы…

ПОСЛЕСЛОВИЕ

За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1945 года Татьяне Петровне Макаровой и Вере Лукьяновне Белик присвоено звание Героя Советского Союза.

Столица нашей Родины — Москва носит почетное звание «Город-герой». В Москве росла и воспитывалась Таня. Верин родной город — Керчь — тоже город-герой. Поистине, как поется в песне: «Тогда лишь становится город героем, когда стал героем солдат».

В составе 46-го гвардейского женского авиационного Таманского Краснознаменного, ордена Суворова полка ночных бомбардировщиков доблестно сражался с фашистскими захватчиками за освобождение Крыма, Белоруссии, польской земли экипаж Макаровой — Белик. Над польской землей в борьбе за дело освобождения всего мира от фашизма отдали девушки свои светлые жизни.

Отгремели залпы. Стали историей события Великой Отечественной войны. Заросли травой поля сражений, на пепелищах поднялись новые города и села. И только в сердцах людей остались незажившие раны — никто и ничто не в силах стереть память сердца.

Мне довелось сражаться в рядах женского авиаполка в качестве летчика, штурмана. Мы — бывшие однополчанки — давно сменили военные мундиры на платья; стали мамами и даже бабушками, растим детей, вкладываем все свои силы в созидательный труд на благо любимой Отчизны.

Как когда-то на фронте в боях, так и теперь в мирные дни мы соблюдаем законы крепкой, настоящей дружбы. Заботой, поддержкой, советом, участием во всем помогаем друг другу, искренне радуемся каждой весточке.

Однажды я получила телеграмму: «Буду проездом Москве. Катя». И вот я стою на перроне, чтобы встретить Катю Пискареву, с которой не виделась много лет. Подошел поезд. В окне мелькнуло знакомое милое лицо. И такой взмах руки, что сразу узнаешь бывалого летчика.

Катя согласилась погостить у меня. Разговорам не было конца. Мы говорили о жизни, работе, детях, семьях, но больше вспоминали годы войны, наш родной полк, боевых подруг… Мне посчастливилось сделать 816 боевых вылетов, Кате — близко к 800. Было о чем вспомнить! Мы сидели, рассматривали альбом с

фотографиями и вновь переживали ужасы войны, горечь потери близких. Что может быть страшнее — только что вместе отправлялись в полет, живые, полные сил, и вдруг вспыхнул над целью самолет, и у тебя на глазах горят, гибнут родные наши девочки… И сердце твое разрывается от боли. А потом сердце каменеет. Так было, когда мы видели вспыхнувший, стремительно падающий самолет Макаровой. Битый враг остервенело огрызался. Погибали отважные наши подруги!..

— Ты помнишь, Лора, как мы мстили за них…

— Помнишь, как писали на бомбах: «За Таню и Веру»?!

Мы многое помнили, но многого друг о друге не знали. Оказывается, Екатерина Пискарева в юности добилась больших успехов в конькобежном спорте — была рекордсменкой Ивановской области. Катя — из многодетной семьи.

— Представляешь! — восклицала Катя. — Под началом и на попечении старших братьев жила. Как мама умерла, отец захандрил… Братики меня в буквальном смысле выкормили — я ведь крохой от мамы осталась. И воспитали. Что бы ни случилось, они мне: «Не пищи, Пискарь, делай свое дело». Очень я им благодарна за науку. Они с войны не вернулись. Оба танкистами были, и оба сложили голову…

— Ты, значит, за них свою династию продолжаешь. Троих ребят родила, — заметила тогда я.

— Мальчишка-то, сын, у меня один… Да и то не моя фамилия.

— У меня тоже фамилия мужа.

Катя вспомнила мою свадьбу с Литвиновым — мы справляли ее в полку. И опять разговор о военной поре — разговор, затянувшийся на всю ночь.

На следующий день мы отправились осматривать Москву. Конечно, прежде всего — Красную площадь. Мавзолей Владимира Ильича Ленина. Безмолвные часовые у входа. Стена, утопающая в цветах. Голубые ели. Памятник Минину и Пожарскому. Стаи голубей на звонкой брусчатке. Все такое мирное, прекрасное, запоминающееся навеки.

Кате захотелось побывать в Третьяковской галерее. Ставшая москвичкой и уж этот-то район изучившая досконально, я повела ее в Третьяковку. Прошли Большой Москворецкий мост. Задержались на углу, пережидая поток машин. Машины промчались. Нам светил зеленый знак светофора, но мы не трогались с места. Катя обратила внимание на табличку с названием улицы.

— «Улица Т. Макаровой», — вслух прочитала Катя и схватила меня за руку. — Как это понимать? Что это значит? Может, это

«Татьяны Макаровой», может, это нашей Тани улица?! Что ты молчишь? Не знаешь?..

Конечно, я знала, что эта улица названа именем нашей Тани, потому что здесь, в доме № 16, она родилась и жила и отсюда начался ее путь беззаветного служения Родине.

— Танюшка, Танюшка… Макарыч наш дорогой, — тихо шептала Катя. — Улица твоим именем называется… А люди о тебе знают ли?

«Герои заслужили, чтобы о них знали, — думала я, все сильнее утверждаясь в мысли о том, что о Тане и Вере надо писать и писать. Нужно, чтобы не только знали, но и брали с них пример. Для этого нужно рассказать, как каждая совершала подвиги, какой жизненный путь прошла. А кто об этом может рассказать? Мы — их подруги. Это наш долг. Нам выпало счастье остаться в живых. Мы пользуемся плодами победы, за которую Таня и Вера отдали жизни. Мы и должны о них рассказать».

Мое решение взяться за сложную задачу росло и крепло. О Тане я знала много. Вместе мы прошли самые тяжкие испытания, летали в бой, били фашистов. В памяти ее черты, каждый жест, взгляд. Когда москвички — однополчанки нашего 46-го гвардейского обратились в Моссовет с ходатайством переименовать родную Танину улицу, назвать ее именем Героя Советского Союза Макаровой, в обоснование мы собрали обширный материал.

На фронте всегда рядом с Макаровой была ее штурман, ее друг Вера Белик. Я ездила в Керчь, на родину Веры, встречалась с ее друзьями и родственниками, записывала воспоминания. Вернулась в Москву, доложила: «Разбогатела новыми интересными данными».

— Поделись богатством с людьми! — сказала мне наш командир Евдокия Давыдовна Бершанская.

Бывший парторг полка, ныне кандидат филологических наук, Мария Ивановна Рунт прислала мне письмо:

> «…Одобряю твое намерение написать о Тане и Вере. Экипаж Макаровой — Белик был одним из лучших в полку. На всех этапах боевой деятельности они показали себя настоящими героями, мужественными защитниками нашей Родины».

Берусь писать. Я верю в боевое товарищество и поэтому была убеждена: фронтовики мне помогут. Мне помогали все, к кому бы я ни обращалась. Бывшие летчицы Валентина Лисицына и Мария Акилина заслуживают благодарности. Давние подруги-одноклассницы Тани и Веры — Мария Владимировна Житкова

(Перемотина) и Таисия Александровна Дроздова (Опрышко) многое рассказали и подсказали.

«Сколько терпения и настойчивости, сколько трудов и силы воли стоило Тане, чтобы вырваться из религиозного омута своей семьи, чтобы преодолеть все преграды для достижения заветной цели!..» И Маруся Перемотина вспоминала драгоценные детали быта, черты Таниного характера.

«Вера была очень серьезной а целеустремленной, отличалась смелостью и трудолюбием, — говорила Таисия Александровна Дроздова, учительница русского языка и литературы керченской школы № 17, где некогда они учились с Верой в одном классе.

Навсегда оставался след в сердце каждого, кто встречался с Таней и Верой. Они были общими любимицами большого спаянного коллектива нашего женского полка.

В польском городе Остроленка на братском кладбище находится могила Героев Советского Союза Татьяны Макаровой и Веры Белик. Польский народ воздвиг памятник Тане в Вере и хранит память о советских девушках-летчицах, сражавшихся аа освобождение Польши от фашистских изуверов.

Советские девушки в самую красивую пору юности отдали свою жизнь ради жизни на земле, за счастье живущих, за свою любимую Родину. Их подвиги зовут на новые свершения. Зовут тех, ради кого они сражались и побеждали.

Весь советский народ прославляет их имена. Пионерские дружины многих школ добиваются чести носить имя Героя Советского Союза Татьяны Макаровой. В Московском механико-технологическом техникуме пищевой промышленности, студенткой которого была Таня, создан музей Героя Советского Союза Татьяны Макаровой. Стало доброй традицией: в первый день учебного года вновь принятые студенты собираются в этом музее, как в своей первой аудитории, на лекцию о мужестве и верности служения Отчизне.

Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР увековечено имя Веры Белик. Школе, в которой она училась, присвоено наименование: «Керченская школа № 17 имени Героя Советского Союза Веры Белик». Ее именем названа одна из улиц города Керчи. В школе каждый борется за лучшие успехи в учебе, борется за право учиться в «классе Веры Белик», сидеть за ее партой. Перед входом в школу на мраморном постаменте — бронзовая фигура Веры Белик… С гордо поднятой головой, устремив взор в любимое мирное небо, Вера навечно вернулась в свою родную школу. «Каждый день, подходя к школе, я останавливаюсь у памятника и говорю: «Здравствуй, моя подружка. Вечно живи и шагай с нами рядом. Светлой памятью о

тебе стала школа», — писала мне Таисия Александровна Дроздова.

Бороздит просторы Мирового океана приписанный к Холмскому порту рыболовецкий сейнер «Вера Белик». Рыбаки из команды рассказывали: «В иностранных капиталистических портах увидят это название, удивляются: «Почему корабль назван женским именем? Что ваша мисс — владелица корабля?» Ну как им объяснить, что наша Вера мир отстояла, миром владеет, не то что кораблем!»

31 августа 1976 года в вестибюле главного корпуса Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, в Состав которого влился пединститут имени Карла Либкнехта, состоялось открытие памятника бывшей студентке института Герою Советского Союза Вере Лукьяновне Белик. Вера Белик навечно занесена в списки Сибирского студенческого строительного отряда МГПИ имени В. И. Ленина.

Решением ректората, парткома, общественных организаций МГПИ имени В. И. Ленина в 1977/78 учебном ходу учреждены 14 стипендий имени Веры Белик для студентов всех факультетов, отличившихся в учебе, научной и общественной работе.

Герои не умирают. Они живут в делах и сердцах тех, за кого не жалели самой жизни.

Советский народ свято чтит память сынов и дочерей, отдавших жизнь за нашу Родину. Пали — миллионы. И каждый живущий сегодня на земле не может, не должен забывать об этом. Имена погибших ярким факелом освещают нашу счастливую жизнь, наше лучезарное завтра. Они призывают: берегите мир!

ФОТОГРАФИИ

Таня Макарова — студентка техникума. 1938 г.

Таня Макарова. 1941 г.

Командир полка Е. Бершанская ставит боевую задачу летному составу полка. Лето 1942 г.

Партийное бюро полка. Слева направо: комиссар Евдокия Рачкевич, командир полка Евдокия Бершанская, летчик Надежда Тропаревская, инженер Клавдия Ильюшина, комсорг Ольга Фетисова, парторг Мария Рунт. 1942 г.

Вера Белик. 1943 г.

Аня Малахова. 1942 г.

Таня Макарова. 1943 г.

Катя Пискарева. 1943 г.

Командир полка Е. Бершанская и штурман полка Л. Розанова-

Литвинова. 1944 г.

Командир полка Е. Бершанская дает боевое задание летному составу. Первая слева — Т. Макарова. 1943 г.

Вера Белик. 1943 г.

Штурман Ирина Каширина. 1943 г.

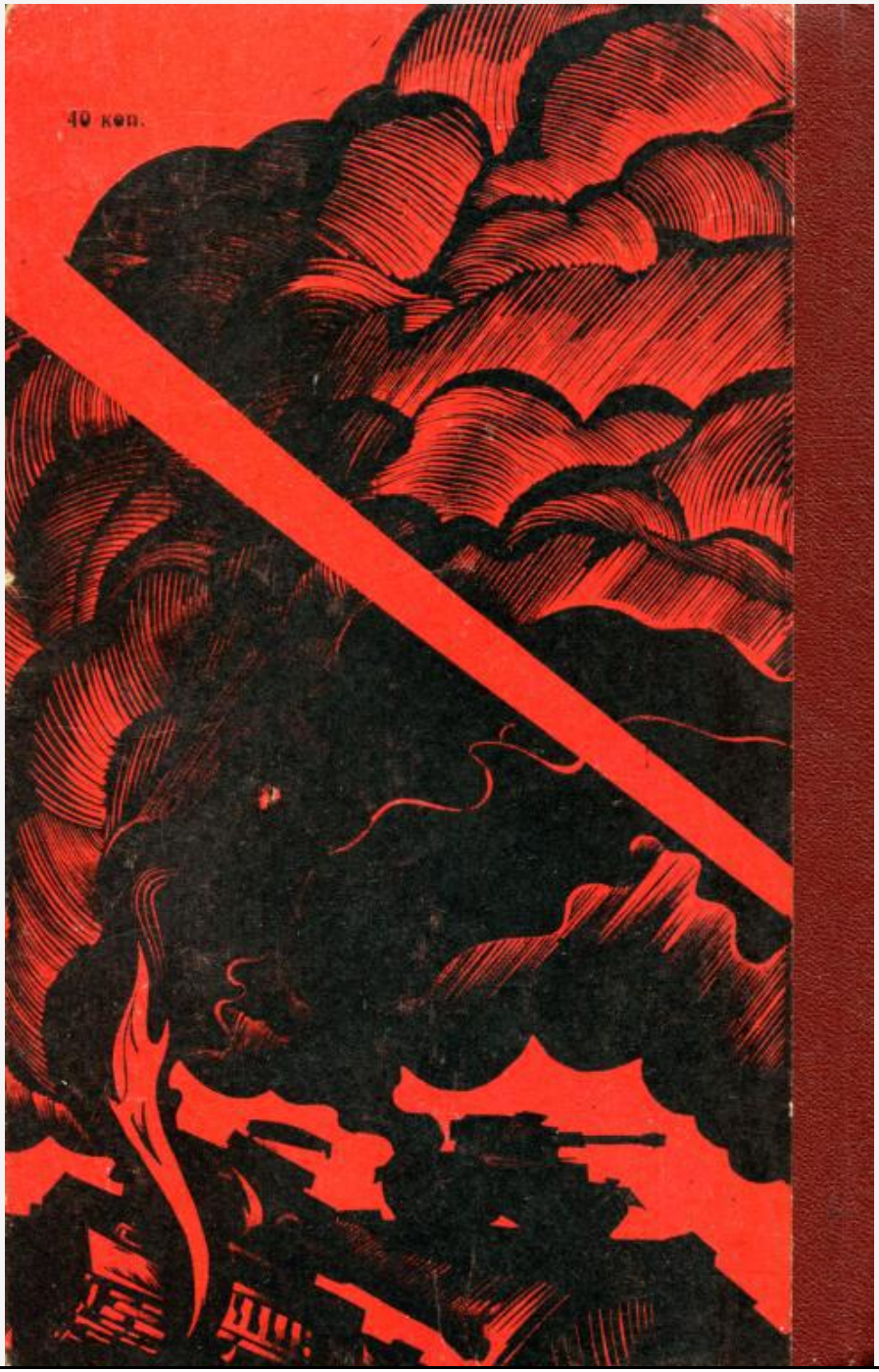
Лариса Розанова-Литвинова. 1944 г.

Татьяна Макарова и Марина Чечнева перед полетом. 1942 г.

Заместитель командира полка капитан С. Амосова дает боевое задание М. Сыртлановой, В. Белик и К. Рыжковой. 1943 г.

Боевой экипаж — Татьяна Макарова и Вера Белик. 1944 г.

Самолет с надписью: «Мстим за боевых подруг Таню Макарову и Веру Белик» в полете.


40 коп.